

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 2, 2022**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Безукладников Константин Эдуардович – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семенко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Сюткина Надежда Павловна – ответственный секретарь, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Карзенкова Елена Петровна – технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Магальянес Фернандо Латас – доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)

Мирчевска-Бошева Биляна – ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Табидзе Манана Шотаевна – доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филолог-профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузин)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Шавхелишвили Бела Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлунцзянского государственного университета КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

Редакционная коллегия, 2022

Учредитель и издатель:
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 10.05.2022. Дата выхода в свет 11.05.2022.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ № 453.

Территория распространения – Российская Федерация.
Договор с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10 / 2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издается с 2017 года. Бесплатно. Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлекцией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL**
№ 2, 2022

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Nadezda N. Menshakova** – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Konstantin E. Besukladnikov** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Tamara I. Zelenina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)**Aza D. Ioseliani** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Yulia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Viktoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Natalia N. Semenenko** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)**Nelly A. Trofimova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St.-Petersburg, National Research University Higher School of Economics)**Galina V. Faizieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)**Irina A. Shipova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)**Nadezda P. Syutkina** – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena P. Karzenkova** – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)**INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD****Irina N. Ivashkevich** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)**Fernando Magallanes Latas** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)**Biljana Mirchevska-Bosheva** – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)**Mekhriniso B. Nagzibekova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)**Natalya N. Nizhneva** – Grand Ph. D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)**Manana Sh. Tabidze** – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)**Gulchehra M. Hodzhatova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)**Bella A. Shavhelishvily** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)**Shi Hongsheng** – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)**Yahyapur Marziye** – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tegeran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	4
<i>Андросова С.В., Кожина Н.В., Ивананико Ю.П.</i> К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНКОРДАНСА	4
<i>Шустова С.В., Карзенкова Е.П.</i> ШУТКИ – В СТОРОНУ: ЖАНР АНЕКДОТА КАК ПРАКТИКА КОМИЧЕСКОГО	14
<i>Ерофеева Е.В., Чэнь Яо</i> ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ «ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА» И «ПРЕБЫВАНИЕ В СТРАНЕ» НА СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛЕКТЕ У КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГ ДРУГА	25
<i>Панюкова М.С.</i> ЧАСТИЦЫ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ	38
<i>Сюткина Н.П.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВНОСТИ.....	50
<i>Меньшакова Н.Н., Поткин С.В.</i> КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ЕЕ ТРАНСЛЯЦИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	58
<i>Карзенкова Е.П., Тань Юньсяо</i> ГОРОДСКАЯ РЕКЛАМА ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	72
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	80
<i>Пинягин Ю.Н., Мохова О.Д.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ	80
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	91
<i>Графова О.И., Сыпачева Е.С.</i> ОБРАЗЫ СВОЕГО И ЧУЖОГО В РАССКАЗЕ Х. МАНТЕЛ «KING BILLY IS A GENTLEMAN»	91
<i>Братухина Л.В.</i> МЕТАМОРФОЗЫ В ПОЭМЕ Э. ПАУНДА «THE CANTOS»	103
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ.....	114
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	120

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 4–13.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 4-13.

Научная статья

УДК 81'374

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНКОРДАНСА

Светлана Викторовна Андросова¹, Наталья Витальевна Кожина²,

Юлия Петровна Иванашко³

^{1,3} Амурский государственный университет, Благовещенск, Амурская область

¹ androsova_s@mail.ru

² ЧУДО-школа «Эрудит», Благовещенск, Амурская область, natalicore06@mail.ru

³ polia-80@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу объективной частотности формообразовательных и словообразовательных дериватов от двух исходных стемов -фонем- и -слог- в работах шести лингвистов – представителей Щербовской фонологической школы Ю.С. Маслова, В.Б. Касевича, Л.Р. Зиндера и представителей Московской фонологической школы А.А. Реформатского, М.В. Панова и В.В. Иванова. Полученные результаты позволили выявить общее, заключающееся в естественном преобладании формообразовательных дериватов над словообразовательными и в высокой частотности форм родительного падежа, и отличное, связанное с бóльшим количеством слов с изучаемыми стемами в работах Щербовской фонологической школы, разной частотностью отдельных дериватов и формообразующих окончаний. Выявленные факты могут быть объективными маркерами атрибуции работ данных лингвистов, характеризующими их принадлежность к соответствующей школе и одновременно отражающих их индивидуальные лингвистические интересы.

Ключевые слова: конкорданс, объективные маркеры атрибуции, формообразовательные дериваты, словообразовательные дериваты, объективная частотность.

Для цитирования: Андросова С.В., Кожина Н.В., Иванашко Ю.П. К вопросу об атрибуции научного лингвистического текста: опыт построения и использования конкорданса // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 4–13.

Original article

SOME ISSUES OF LINGUISTIC TEXTS ATTRIBUTION: THE EXPERIENCE OF DESIGNING AND USING A CONCORDANCE

Svetlana V. Androsova¹, Natalya V. Kozhina², Julia P. Ivanashko³

^{1,3} Amur State University, Blagoveshchensk, Amur Region

¹ androsova_s@mail.ru

² CHUDO-School “Erudit”, Blagoveshchensk, Amur Region, natalicore06@mail.ru

³ polia-80@mail.ru

Abstract. The current paper presents objective frequency analysis of the derivatives that result from form-building and word-building processes involving 2 stems, namely -фонем- and -слог-, in the works of 6 linguists, 3 of them representing Lev Shcherba’s Phonological School – Yu.S. Maslov, V.B. Kasevich, L.R. Zinder, the other 3 representing Moscow Phonological School – A.A. Reformatsky, M.V. Panov, V.V. Ivanov. The obtained results enabled to reveal common features, particularly, natural prevalence of form-building derivatives over word-building derivatives and high frequency of Genitive Case forms, and specific features, particularly, more words with both stems in the works of Shcherba’s School compared to Moscow School as well as different frequency of certain derivatives and inflexions. The discovered facts could be used as objective markers to help attribute a phonetic/phonological text to a certain author or school reflecting certain linguistic interests in the field.

Keywords: concordance, attribution indicators, word-form derivatives

For citation: Androsova S.V., Kozhina N.V., Ivanashko Yu.P. Some issues of linguistic texts attribution: The experience of designing and using a concordance. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:4-13. (In Russ.).

Введение

Цифровая гуманитаристика в настоящее время находится в процессе активного становления благодаря бурному развитию информационных технологий и огромному желанию специалистов в соответствующих областях укреплять и ставить на новый уровень межпредметные связи. Лингвистика – неотъемлемая часть этого процесса. Союз математики, физиологии, физики, статистики, теории вероятности и информатики с

лингвистикой предоставил немало эффективных средств для изучения письменной и устной форм существования языков. Одним из направлений в этой области является компьютерная обработка произведений различных авторов и составление конкордансов, которые могут иметь разное применение, в том числе использоваться для проведения лингвистической экспертизы. Основное внимание создателей конкордансов до сих пор концентрируется на художественных произведениях [Шоу 2000 а, б ; Частотный словарь-конкорданс... 2006 ; Метапоэтический ..., 2008 ; Словарь ... 2008 ; Словарь-конкорданс публицистики... 2018; Шипулина 2012], Однако имеется и ещё один ракурс – анализ частотности словоупотреблений в различных контекстах научного письменного дискурса для получения объективных маркеров авторства научной работы и принадлежности учёного к той или иной научной школе. Настоящая работа – это небольшой шаг в данном направлении. Цель исследования – анализ частотности словоупотреблений в различных контекстах фонологического/фонетического дискурса для получения объективных маркеров авторства фонологической/фонетической научной работы и принадлежности к одной из фонологических школ – Московской (далее МФШ) и Щербовской (далее ЩФШ). Гипотеза исследования состояла в том, что существуют объективные маркеры частотности стемов слов и их дериватов в фонетических работах разных авторов. Такого рода маркеры помогают отличать совокупность фонетических работ авторов одной школы от совокупности работ авторов другой. Однако проявляться это может не на всех стемах, от которых производится деривация. Для проверки данной гипотезы был проведён эксперимент.

Основная часть

Эксперимент включал подробный анализ всех словоупотреблений (6424 единицы) со стемами *-фонем-* и *-слог-*, обнаруженных в трудах лингвистов Щербовской фонологической школы (В.Б. Касевич «Фонологические проблемы общего и восточного языкознания», Ю.С. Маслов «Введение в языкознание», Л.Р. Зиндер «Общая фонетика») и Московской фонологической школы (А.А. Реформатский «Введение в языковедение», М.В. Панов «Современный русский язык. Фонетика» и В.В. Иванов «Историческая грамматика русского языка»).

Для проведения лингвистического эксперимента были использованы PDF-версии вышеупомянутых работ, позволяющие осуществлять автоматический поиск слов. Все данные систематизировались с помощью табличного процессора Excel. Формализация грамматических параметров была произведена по методике тегирования, которая уже

применялась нами ранее [Кожина, Андросова 2018]. Помимо заглавных тегов (phonem и slog), были предложены теги, разграничивающие формообразовательные (Fd) и словообразовательные (Sd) дериваты; теги, обозначающие падеж, напр., Ip (Именительный падеж) и т. п.; теги, обозначающие число (Sg – единственное, Pl – множественное); теги, обозначающие род (M – мужской, F – женский, C – средний). На данном этапе исследования сравнивалось количество формообразовательных и словообразовательных дериватов отдельно для стема *-фонем-* и стема *-слог-* и соотношение общего количества этих стемов. Результаты продемонстрированы в таблице 1.

Таблица 1. Формообразовательные и словообразовательные дериваты от стемов *-фонем-* и *-слог-* в работах учёных ЩФШ и МФШ (абс. ед.)

Стемы	<i>-фонем-</i>		Итого по <i>-фонем-</i>	<i>-слог-</i>		Итого по <i>-слог-</i>	Общее кол-во
	формообр.	словообр.		формообр.	словообр.		
ЩФШ							
Ю.С. Маслов	366	98	464	182	51	233	697
В.Б. Касевич	628	135	763	836	520	1356	2119
Л.Р. Зиндер	821	333	1154	263	76	339	1493
МФШ							
А.А. Реформатский	243	31	274	160	44	204	478
М.В. Панов	451	124	575	214	63	277	852
В.В. Иванов	379	21	400	291	94	385	785
Итого							6424

Представители ЩФШ. В монографии В.Б. Касевича было обнаружено 763 деривата с исходным стемом *-фонем-*, из них 628 являются формообразовательными дериватами, а 135 – словообразовательными. Как мы можем заметить, формообразовательных дериватов в данном случае больше примерно в 4,5 раза, чем словообразовательных. Это связано с тем, что каждый словообразовательный дериват имеет несколько формообразовательных, что значительно увеличивает количество формообразовательных дериватов. С исходным стемом *-слог-* зафиксировано 1356 словоупотреблений, и это почти в 1,8 раз больше, чем со стемом *-фонем-*. Обнаружено 836 формообразовательных дериватов и 520 словообразовательных; формообразовательных дериватов больше в 1,6 раз.

В труде Ю.С. Маслова найдено 465 дериватов с исходным стемом *-фонем-*, из которых 366 являются формообразовательными, а 99 – словообразовательными. В данном случае формообразовательных дериватов больше примерно в 3,7 раза, чем словообразовательных.

Стем *-слог-* был исходным для 233 дериватов, из них 182 являются формообразовательными и 51 – словообразовательными. Здесь формообразовательных дериватов больше в 3,5 раза. Дериватов со стемом *-слог-* – в 2 раза меньше, чем со стемом *-фонем-*.

Что касается труда Л.Р. Зиндера: в нём в ходе исследования было обнаружено 1154 деривата с исходным стемом *-фонем-*, из них 821 дериват – формообразовательный, а 333 – словообразовательные. Формообразовательных дериватов больше примерно в 2,5 раза, чем словообразовательных. С исходным стемом *-слог-* найдено 339 дериватов, из которых 263 – формообразовательные и 76 – словообразовательные. Формообразовательных дериватов также больше в 3,5 раза.

Представители МФШ. Труд А.А. Реформатского включает в себя 274 деривата с исходным стемом *-фонем-*, из них 243 являются формообразовательными, а 31 – словообразовательный. В данном случае формообразовательных дериватов больше, чем словообразовательных, почти в 8 раз, словообразовательная парадигма очень скудна. При этом от исходного стема *-слог-* было образовано 204 деривата, из них 160 – формообразовательные и 44 – словообразовательные. Здесь также формообразовательных дериватов больше в 3,5 раза.

В ходе исследования в монографии М.В. Панова было зафиксировано 575 дериватов с исходным стемом *-фонем-*, из которых 451 дериват – формообразовательный, а 124 – словообразовательные. Как мы можем заметить, формообразовательных дериватов в данном случае больше примерно в 3,5 раза, чем словообразовательных. С исходным стемом *-слог-* обнаружено 277 дериватов, из них 214 являются формообразовательными и 63 – словообразовательными. Здесь формообразовательных дериватов больше почти в 3,5 раза.

В труде В.В. Иванова найдено 400 дериватов с исходным стемом *-фонем-*, из которых 379 – формообразовательные, а 21 – словообразовательный. В данном случае формообразовательных дериватов больше в 18 раз, чем словообразовательных. Такой большой разницы не было обнаружено ни у одного из вышеупомянутых лингвистов. Исходный стем *-слог-* фигурирует в 385 дериватах, из них 291 – формообразовательные и 94 – словообразовательные. Формообразовательных дериватов больше в 3,1 раза.

На рисунке 1 дано графическое представление сводных данных по персоналиям. Первой общей чертой работ лингвистов оказалось преобладание формообразовательных дериватов над словообразовательными. Была также обнаружена схожая частотность отдельных дериватов. Самым частотным формообразовательным дериватом единственного числа со стемом *-фонем-* был дериват *фонемы* (во всех 6 трудах). Самый частотный формообразовательный дериват множественного числа со стемом *-фонем-* – форма с

нулевым окончанием – фонем (во всех 6 трудах). Самым редким формообразовательным дериватом множественного числа со стемом *-фонем-* является дериват *фонемах* (в 5 трудах). Самый редкий формообразовательный дериват множественного числа со стемом *-слог-* – дериват *слогам*, (зафиксировано в 5 трудах).

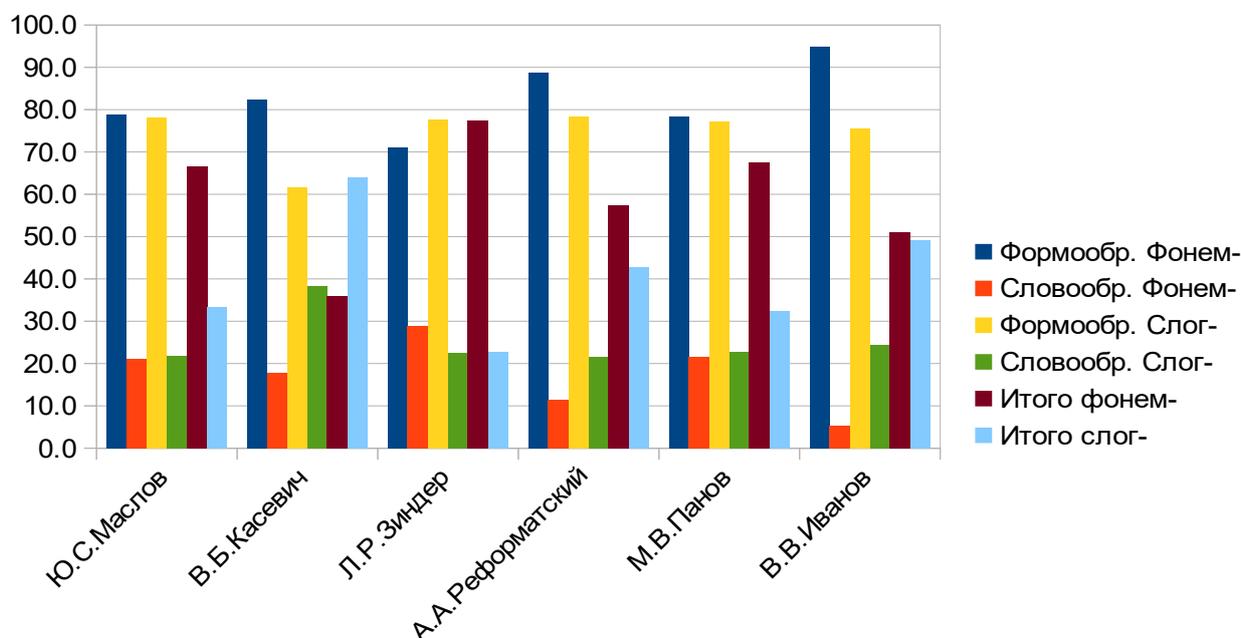

Рисунок 1. Сводные данные по персоналиям по стемам *-фонем-* и *-слог-*: формообразовательные и словообразовательные дериваты (%)

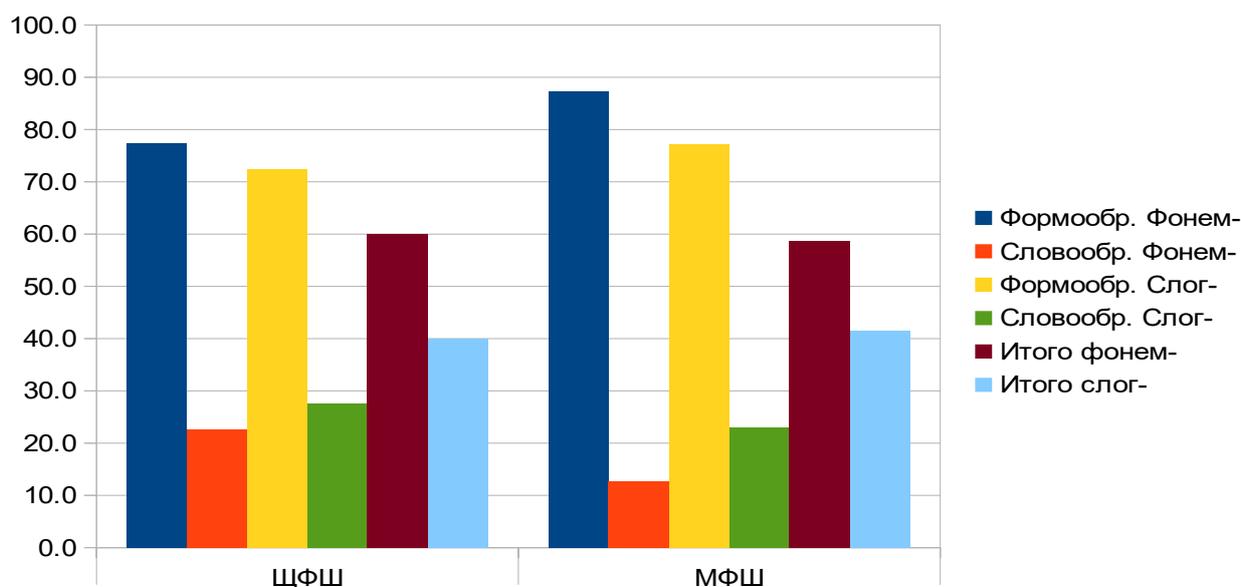

Рисунок 2. Сводные данные по ЩФШ и МФШ по стемам *-фонем-* и *-слог-*: формообразовательные и словообразовательные дериваты (%)

Перейдём к различиям между работами разных школ (см. рис. 2). Средняя разница в количестве формообразовательных и словообразовательных дериватов в пределах стема *-фонем-* или стема *-слог-* в каждом труде представителей ЩФШ составляет 3,3 раза, а в работах МФШ почти в два раза больше (6,6 раз). В работах представителей МФШ словообразовательные парадигмы беднее, чем в работах представителей ЩФШ. В целом самыми редкими формообразовательными дериватами единственного числа со стемом *-слог-* являются 2 деривата: *слогом* и *слогу*. Но дериват *слогом* самый редкий во всех 3 трудах лингвистов из ЩФШ, в то время как *слогу* – во всех 3 трудах представителей МФШ.

Были определены наиболее и наименее частотные окончания для формообразовательных и словообразовательных дериватов единственного и множественного числа. Некоторые данные оказались абсолютно одинаковыми для обеих школ, а некоторые кардинально отличались. Так, в трудах представителей и Щербовской, и Московской фонологических школ самыми частотными окончаниями со стемом *-фонем-* были окончания *-ы* и нулевое, такие данные обнаружены во всех 6 трудах. Самые редкие окончания с данным стемом в трудах представителей ЩФШ – окончание *-ой* (в 2 трудах) и *-ах* (в 3 трудах), а в трудах представителей МФШ – окончание *-е* (в 3 трудах) и *-ах* (в 2 трудах). Со стемом *-слог-* самыми частотными оказались окончания *-а* (в 2 трудах) и *-ов* (в 2 трудах) в рамках ЩФШ. У представителей МФШ самым частотным было нулевое окончание (в 2 трудах). Самые редко употребляемые окончания с данным стемом в трудах представителей ЩФШ – окончание *-ом* (в 3 трудах) и *-ам* (в 3 трудах), а в трудах представителей МФШ – окончание *-у* (в 3 трудах) и *-ам* (в 2 трудах).

Персоналии. Суммируем яркие черты атрибуции по персоналиям.

1. Наибольшее количество дериватов со стемом *-фонем-* обнаружено в труде Л.Р. Зиндера – 1154 словоупотребления.

2. Наибольшее количество дериватов со стемом *-слог-* встретилось в труде В.Б. Касевича – 1356 словоупотреблений.

3. Самая яркая словообразовательная парадигма со стемом *-фонем-* замечена у Л.Р. Зиндера – 17 единиц.

4. Самая яркая словообразовательная парадигма со стемом *-слог-* замечена у В.Б. Касевича – 21 единица.

5. Наибольшая разница между количеством формообразовательных и словообразовательных дериватов в пределах труда одного автора и одного стема обнаружена среди дериватов со стемом *-фонем-* у В.В. Иванова: 379 Fd vs 21 Sd – Fd больше в 18 раз.

6. Наименьшая разница между количеством формообразовательных и словообразовательных дериватов в пределах труда одного автора и одного стема обнаружена среди дериватов со стемом *-слог-* у В.Б. Касевича: 836 Fd vs 520 Sd – Fd больше всего в 1,6 раз.

7. Наибольшая разница между общим количеством дериватов со стемами *-фонем-* и *-слог-* в пределах труда одного автора зафиксирована у Л.Р. Зиндера: 1154 деривата со стемом *-фонем-* vs 339 со стемом *-слог-* – 3,4 раза.

Нельзя не заметить, что частотность стемов явно свидетельствует, например, о большем интересе Л.Р. Зиндера к понятию «фонема», а В.Б. Касевича – к понятию «слог».

Заключение

В настоящей статье мы описали частотность употребления словообразовательных и формообразовательных дериватов от исходных стемов *-фонем-* и *-слог-* разного числа, падежа и для прилагательных – рода и продемонстрировали их употребление в контексте в фонетических/фонологических работах трёх представителей ЩФШ и трёх представителей МФШ.

В целом можно сказать, что все шесть учёных в своих трудах очень часто оперируют множеством сложных фонологических понятий, что свидетельствует о выраженном научном интересе к данной области лингвистики. Именно поэтому ключевых слов со стемами *фонем-* и *-слог-* обнаружено достаточно много. Между тем, в целом, представители ЩФШ заметно чаще употребляли слова, содержащие изучаемые стемы, не исключено, что в силу активной полемики с представителями ЩФШ (и Пражской школы, в частности с Н.С. Трубецким и положениями его фундаментального труда [Трубецкой 2000]).

Во-первых, при рассмотрении дериватов от двух исходных стемов *-фонем-* и *-слог-* было выявлено преобладание формообразовательных дериватов над словообразовательными для обоих стемов у всех персоналий и у обеих школ. Это объясняется вполне естественной причиной – у каждого словообразовательного деривата имеется своя формообразовательная парадигма, которая в той или иной мере полноты была реализована в научных текстах. Вторым общим моментом при словообразовании от исходных стемов *-фонем-* и *-слог-* было то, что аффиксация (суффиксация и префиксация) и основосложение оказались самыми частотными способами.

В-третьих, частота встречаемости форм исходных слов *фонема* и *слог* и словообразовательных дериватов со стемами *-фонем-* и *-слог-* и их форм в работах В.Б. Касевича, Ю.С. Маслова, Л.Р. Зиндера, А.А. Реформатского, М.В. Панова и

В.В. Иванова была самой разной. Однако самыми частотными и для существительных, и для прилагательных оказались формы родительного падежа. Наконец, были определены наиболее и наименее частотные окончания для формообразовательных и словообразовательных дериватов единственного и множественного числа. В их частотности также были найдены сходства и отличия.

Объективно непреодолимым ограничением настоящего исследования следует назвать разный объём текстов для анализа. Перспектива нашей работы видится прежде всего в исследовании частотности двух других стемов – *-фонет-* и *-фонол-*. Ожидается, что именно они продемонстрируют яркую разницу между ЩФШ и МФШ, первая из которых позиционирует себя как фонетическая (в своём классическом варианте), а вторая – как фонологическая.

Список литературы

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
2. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
3. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 479 с.
4. Кожина Н.В., Андросова С.В. Моделирование конкорданса (на материале труда В.Б. Касевича «Фонологические проблемы общего и восточного языкознания») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4. № 4. С. 59–77.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
6. Метапоэтический словарь-конкорданс драматического текста А.П. Чехова / сост. и вступ. ст. В.П. Ходуса. Ставрополь : Изд-во «Ставропольский государственный университет», 2008. 415 с.
7. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика: учебник. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
9. Словарь-конкорданс публицистики Ф.М. Достоевского / М.В. Копотев, А.А. Леонтьев, А. В. Матюшкин, О. В. Холковская, Ю. Н. Караулов, Е.Л. Гинзбург, М. М. Коробова, Г.А. Черкасова. URL: <http://dostoevskij.karelia.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).
10. Словарь языка А.С. Грибоедова / сост. А.Е. Поляков. Т. 1 : А–З. М.: Языки славянской культуры, 2008. 432 с.
11. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с. [1-е изд. 1960].

12. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф.И. Тютчева / А. Белов, Б. Орехов (разработчики). Режим доступа : <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html> (дата обращения: 10.09.2018).

13. Шипулина Г.И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 1: Предлоги / ред. И.М. Айдынов. Баку: Мутарджим, 2012. 184 с.

14. Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А.С. Пушкина : В 2-х томах. Т. 1 : А–Н / Дж. Т. Шоу. М.: Языки русской культуры, 2000 а. 661 с.

15. Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А.С. Пушкина: В 2-х томах. Т. 2: О–Я / Дж. Т. Шоу. М.: Языки русской культуры, 2000 б. 640 с.

Информация об авторах

С.В. Андросова – доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет;

Н.В. Кожина – преподаватель, ЧУДО-школа «Эрудит»;

Ю.П. Иванашко – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Амурский государственный университет.

Information about the authors

S.V. Androsova – Grand Ph.D. (Philology),

Professor of the Foreign Languages Department, Amur State University;

N.V. Kozhina – Teacher, CHUDO-School “Erudit”;

Yu.P. Ivanashko – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Foreign Languages Department,
Amur State University.

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 14–24.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 14-24.

Научная статья

УДК 81'42; 811.11

ШУТКИ – В СТОРОНУ: ЖАНР АНЕКДОТА КАК ПРАКТИКА КОМИЧЕСКОГО

Светлана Викторовна Шустова¹, Елена Петровна Карзенкова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермь, Россия

¹ lanaschust@mail.ru

² karzenkova_e@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу жанра анекдота на темы мигрантов, миграционной политики, взаимоотношений мигрантов и немигрантов, мигрантов и государственных органов. Как жанр устного народного творчества, жанр анекдота характеризуется тем, что творчески и оперативно перерабатывается не просто актуальная – злободневная – информация, при этом серьёзные проблемы облачаются в образную, живую, лёгкую форму. Подобного рода дискурсивная практика характеризуется также и тем, что представляет собой некий символический текстовый оксюморон. В силу того, что в анекдоте соединяется несоединимое – глубина и «напряжённость» реальной проблемы и лёгкость «анекдотического» подхода к ней, – значимость самой реальной проблемы будто бы меркнет, затушёвывается. Это случается ещё и потому, что «комическому» – юмору, шутке, «приколу», насмешке – хотя бы на минутку удаётся помочь человеку, который стремится встать над сложными проблемами жизни и «притянуть» к себе, в свое поле смыслов, Человека, рассказывающего анекдот и Человека, слушающего его, что, в свою очередь, приводит к снижению внутренней напряжённости обоих. В статье анализируются также такие общенаучные понятия, как: Другой, антропологическая практика, комическое и другие.

Ключевые слова: речевой жанр анекдота, дискурсивные практики, миграционная лингвистика, коммуникативная цель, комическое

Для цитирования: Шустова С.В., Карзенкова Е.П. Шутки – в сторону: жанр анекдота как практика комического // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 14–24.

Original article

JOKES ASIDE: THE GENRE OF ANECDOTE AS A PRACTICE OF COMIC

Svetlana V. Shustova¹, Elena P. Karzenkova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ lanaschust@mail.ru

² karzenkova_e@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the genre of anecdote on the topics of migrants, migration policy, the relationship between migrants and non-migrants, migrants and government agencies. As a genre of oral folk art, the genre of anecdote is characterized by the fact that not just relevant – topical – information is processed creatively and promptly, while serious problems are clothed in a figurative, lively, light form. This kind of discursive practice is also characterized by the fact that it is a kind of symbolic textual oxymoron. Due to the fact that the anecdote combines the incongruous – the depth and "intensity" of the real problem and the ease of the "anecdotal" approach to it – the significance of the real problem itself seems to fade, obscured. This also happens because the "comic" – humor, joke, "joke", mockery – at least for a minute manages to help a person who seeks to rise above the complex problems of life and "attract" to himself, to his field of meanings, a person telling a joke and a Person listening to him, that, in turn, it leads to a decrease in the internal tension of both. The article also analyzes such general scientific concepts as: Other, anthropological practice, comic and others.

Keywords: speech genre of anecdote, discursive practices, migration linguistics, communicative purpose, comic

For citation: S.V.Shustova¹, E.P. Karzenkova. Jokes aside: the genre of anecdote as a practice of comic. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:14-24. (In Russ.).

Введение

Миграционная лингвистика постепенно находит своё место в российском научном пространстве. На отечественной почве уже вышли четыре коллективные монографии [Миграционная лингвистика ..., 2019, 2019а, 2020, 2021], в Пермском государственном национальном исследовательском университете стали регулярно выходить научные журналы, посвященные этой тематике [Миграционная лингвистика, 2019, 2020, 2021], защищена кандидатская диссертация Е.О. Зубаревой «Модель концептуального поля «Миграция» [Зубарева 2019].

Однако многие проблемы миграции, мигрантов, миграционной политики, взаимопонимания мигрантов и коренных жителей тех или иных стран, а также вопросы анализа дискурсивных практик, касающихся мигрантов, как участников коммуникации, а также миграции, как социального явления, ещё требуют своего решения, а возможно, даже и не сформулированы. Тем не менее миграционная лингвистика стремится внести свою лепту в анализ и интерпретацию результатов анализа мигрантского дискурса, что, в свою очередь, может повлиять и на общественное мнение, и на ситуацию в целом. Ибо «реальность важна, но то, как мы её воспринимаем», часто оказывается гораздо важнее [Майерс 2005: 520] для изменения этой ситуации, для принятия конструктивных решений, для «улучшения социального климата», снятия социальной напряжённости.

Проблема мигрантов не нова, она возникла не сегодня. «Культурный расизм живуч, ибо культурные различия являются фактом нашей жизни»: например, считается, что «чёрная культура <...> экспрессивна, эмоциональна, духовна» и «ориентирована на настоящее», тогда как культура «белой Америки», например, «устремлена в будущее», индивидуалистична, прагматична, целенаправленна; следовало бы соединить экспрессивность и устремлённость в будущее, вместо того, чтоб заниматься взаимным отрицанием [Майерс 2005: 521].

Человек – как существо социальное – ни дня не может прожить без общения, поэтому вопросы взаимопонимания во все времена были важны как для индивида, так и для отдельных групп людей или для общества в целом. Однако когда мы говорим о мигрантах, некоренных жителях той или иной местности, той или иной страны, то вопросы взаимопонимания приобретают особую значимость, а их решение требует дополнительных усилий. Эти – дополнительные – усилия связаны с тем, что, находясь в чужой и в какой-то степени чуждой культурной и языковой среде, мигрант вынужден каким-то образом отстаивать свои интересы и сохранять свои исконные ценности, а гражданин «принимающей» страны – хотя, вроде бы, он дома – свои. При этом неизвестно, решение чьих проблем требует бóльших усилий: проблем самих мигрантов или немигрантов. Кроме того, эти – дополнительные – усилия связаны с тем, что обеим сторонам необходимо преодолеть отчуждённость, сохранять возможность мирного сосуществования, для чего обеим сторонам следует быть «национально» и «культурно» терпимым, проявлять толерантность к Другому, к представителю Другой культуры, Другого языка, Другой психологии, Другого воспитания. Обеим сторонам необходимо каким-то образом адаптироваться к поведению и этике Другого. Преодоление отчуждённости, принятие Другого не как чужого или чуждого, а как части «нового Своего» или хотя бы как

имеющего право быть Другим, представляет собой и серьёзную проблему взаимоотношений людей, и главную задачу сосуществования мигранта и немигранта на общей территории.

Серьёзность такого рода проблем и реальные трудности в решении этих задач, казалось бы, вовсе не располагают к юмору. Казалось бы, сарказм (от др. греч. σαρκασμός ← σαρκάζω ‘рву мясо’), как «язвительная насмешка», «не только усиленный контраст подразумеваемого и выражаемого, но и намеренное обнажение подразумеваемого» [Кравченко 2001: 516] и любые шутки здесь совсем не уместны, ибо речь идёт о национальных, культурных, религиозных, нравственных принципах и ценностях. Проявление неуважения, презрения; унижительные намёки; бестактность – всё это может обидеть и оскорбить, то есть задеть человеческое достоинство. С этической точки зрения, насмешка над чужими ценностями представляется верхом невоспитанности, интолерантности, ведущей к конфликтному общению, к вражде.

Но как бы ни была серьёзна проблема, известно, что «человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым» (К. Маркс). Поэтому велика вероятность того, что, относясь с юмором к миграционным проблемам хотя бы иногда, и мигранты, и немигранты поймут, как важно делать шаги навстречу друг другу, воспитывать в себе терпимость по отношению Другим ценностям, другому видению мира. Ожидаемым следствием такого рода терпимости может быть то, что и мигранты, и немигранты начнут тоньше чувствовать Другую культуру и вообще всё Другое. Впрочем, толерантность требует не только понимания необходимости «миротворческого поведения» в решении мигрантских проблем, но и касается любых межперсональных отношений вообще. Тотальное принятие другого человека, вне зависимости от его национальных, психологических, физических и других особенностей, и есть главный признак проявления общечеловеческой любви – любви к ближнему – и важнейший гуманистический принцип.

Я и Другой, Свой и Чужой – эта дилемма, эта проблема во все времена интересовала и обычных людей, и представителей гуманитарной науки. В этом смысле она является универсальной, объединяющей философию, историю, антропологию, психологию, социологию, филологию с лингвистикой [Езерек 2007] и, разумеется, интересуется практически каждого рядового представителя человечества, ибо все мы – существа социальные. На пути решения этой проблемы встаёт ряд вопросов. Где проходит граница между «Я» и «не Я»? Кого и что считать своим, а кого и что чужим или чуждым? Позволено ли быку то, что позволено Юпитеру? А в мигрантском дискурсе? Кто этот бык, а кто Юпитер? Каким образом нивелируются противоречия между «Я» и «не Я»?

Основная часть

Говорить о мотивах проявления остроумия, казалось бы, «излишне, так как стремление получить удовольствие должно быть признано достаточным мотивом работы остроумия». [Фрейд эл. ресурс]. При этом З. Фрейд указывает на то, что остроумие (чувство юмора) присуще не всем и является «особой способностью» человека, его «духовным достоянием», а также подчёркивает, что «у остроумных людей – особое дарование» [Фрейд эл. ресурс]. Это дарование связано со способностью к порождению различных «жанров комического» и к их пониманию. Нам представляется, что, говоря о чувстве юмора, необходимо учитывать культурологические, лингвокультурологические, а не только индивидуальные особенности коммуникантов: что одному смешно, то другому ... Однако проявления остроумия, использование шутки или сарказма – это показатель наличия некой проблемы, актуальной на момент создания или использования юмористического текста и возникновения ситуации её обсуждения... Авторы данной статьи осознают это: появление анекдотов определённой тематики, например, связанных с «межнациональным» восприятием, с поведением человека другой национально-культурной принадлежности, с различиями в видении Мира, свидетельствует о том, что проблема существует и что она актуальна. А сам «остроумец», демонстрирующий якобы несерьёзное отношение к серьёзному, стремится (1) отстранённо взглянуть на неё, тем самым будто бы (2) облегчить своё отношение к проблеме и, как следствие, своё реальное положение. Участники «комического взаимодействия» в ситуации рассказывания анекдота стремятся сделать так, как пишет М.М. Бахтин, чтоб их «народно-площадное смеющееся лицо» «глядело в будущее и смеялось на похоронах прошлого и настоящего» [Бахтин эл. ресурс].

Понятие *комического* представляет собой, с одной стороны, категорию эстетики (от др. греч. *κωμῳδία* ‘весёлый’, ‘смешной’), означающую смешное; с другой – внутреннюю установку отдельного человека на его восприятие. «Комическое – ирония, юмор, сатира, сарказм» – всё, что может вызвать смех и улыбку; для комического «важна игра на» утрировании «предмета (карикатура), на фантастических сочетаниях (гротеск), на сближении далёких понятий (острота)»; *комическое* своеобразно отражает «противоречия реальности» [Кравченко 2001: 249]. Само понимание *комического*, то есть того, что признаётся смешным, что вызывает улыбку и смех, может различаться и у отдельных людей, и у отдельных этносов, хотя стремление получить удовольствие, в частности, от остроумия, без сомнения, является общечеловеческой чертой, присущей и тем, кто шутит, и тем, кто воспринимает шутки.

У *комического* – свои жанры, речевые жанры, с присущими им жанрообразующими чертами. Речевой жанр понимается нами, в след за М.М. Бахтиным, как «тип взаимодействия коммуникантов» [Бахтин 1979]. Один из них – *анекдот* (от др. греч. τὸ ἀνέκδοτον ‘неизданное’) – «краткий устный рассказ с остроумной концовкой», «жанр городского фольклора, злободневный комический рассказ-миниатюра с неожиданной концовкой» [Кравченко 2001: 26–27]. «Словарь иностранных слов» даёт дополнительное толкование, определяя анекдот как смешное происшествие [Женило, Юрченко 2001: 23], однако следует признать, что в случае анекдота на темы миграции сама ситуация вовсе не располагает к юмору, но это не мешает доведению её до «анекдотического абсурда».

Принято считать базовым жанрообразующим признаком «коммуникативную цель» [Бахтин 1979; Щурина 1999 и другие] или задачи: для чего используется тот или иной жанр. Для анекдота это – «сознательная установка на комический эффект» [Щурина 1999: 148], который возникает лишь в случае адекватного его восприятия. На удачность / неудачность «течения» речевого жанра шутки (анекдота), как и любого другого, влияет общность «апперцепционного фона» (термин М.М. Бахтина), а также «близость чувств юмора» адресанта и адресата – участников ситуации «анекдотического взаимодействия». Понимание шутки, то есть «соли» анекдота, оказывается возможным при условии, что у обоих коммуникантов – создателя («воспроизводителя») комического текста и реципиента (его «воспринимателя») – адекватные, то есть сопоставимые «уровни» жизненного и языкового опыта, а также чувства юмора.

Жанр анекдота является предметом исследования в работах ряда отечественных ученых. Так, например, немецкий социально-политический анекдот с позиций лингвокультурологии изучается в аспекте актуализации комического эффекта, культурных ценностей и особенностей менталитета немцев [Кузнецова 2021; Тюкина, Мельникова 2021]; коммуникативные стратегии, реализуемые в анекдоте изучаются в пространстве игрового дискурса в плане создания особых социокогнитивных параметров общения [Малаева, Мамытова, Сабиралиева 2021].

Если речь идёт об анекдотах, то предполагается, что их обычно воспроизводят и воспринимают носители одной лингвокультуры. При переводе на другой язык, «попадании» на другую «культурную почву» могут возникать недопонимание, проблемы восприятия. Одна из них – проблема этичности \ неэтичности, когда происходит «принижение» ценностей Другого. Вторая – проблема потери основной «острословной», эмоциональной составляющей, так как исчезает игра слов, то есть происходит «смещение фреймов» [Шустова 2020: 16–17]: присущая языку-источнику игра и связанное с

национально-культурной спецификой восприятие мира теряются. Исследуя вопросы дискурсивных практик миграционного медиадискурса, важно отметить такую особенность анекдотов «мигрантской тематики», как возможность возникновения когнитивного диссонанса [там же: 16]. Такого рода непонимание юмора может быть связано и с неосведомлённостью адресата, с его незнанием реальных, актуальных для Германии, например, событий.

Следует подчеркнуть также, что речевой жанр анекдота относится к «народной смеховой культуре» [Бахтин 1979], поэтому почти всегда оказывается связан и с таким аспектом *комического*, как «карнавальность» в бахтинском смысле [там же]. Суть «карнавальности» состоит в «смеющейся вольности», в «гротескном реализме», в «переворачивании бинарных оппозиций», когда верх становится «материально-телесным низом». Юмор при этом может быть лишён «положительной и обновляющей силы», а потому он «безрадостный и мрачный», ведь эстетика гротеска – соединение «смешного и буффонного» с бесформенным и безобразным [там же].

Многие национальные стереотипы современной России существуют ещё с советских времён, потому как мигранты проживали на неисконных территориях и тогда. И тогда были целые тематические группы анекдотов, которые дошли до наших дней, например: армянское радио спросили, и оно ответило; про одесситов; про евреев; про кавказцев; про чукчу, которого встретили геологи; про американца, француза и русского и другие.

Различные социумы (этноты) и комическое: *что смешно..., то не смешно...*: «Смеяться, право, не грешно над всем, что кажется смешно...» (Н.М. Карамзин).

«Национальные стереотипы» в русских анекдотах советского времени и в современных: *Что русскому хорошо, то немцу – смерть.*

Жадность, корыстолюбие украинцев: ... *что не съем, то понадкусываю...*

Нелюбовь украинца ко всему русскому: Слухай, Мыкола, як москали пыво называють! Піііиво! Пубывав бы!

Жадность, корыстолюбие, предприимчивость евреев, армян:

Кто с кем и с чем приходит и уходит в гости?... еврей приходит с женой детьми и тортом и уходит с женой, детьми и тортом.

Новости спорта. Во время гонки на этапе Формулы-1 армянский гонщик вдруг резко затормозил у обочины, подобрал пассажиров и поехал дальше.

Оказывается, в израильских соцсетях нет кнопки "поделиться"...

Умирает старый еврей. – Изечка, так кому же ты завещаешь оставшиеся деньги? – А еще шо то осталось? – Да, таки кое-шо есть. – Знаешь, Сарочка, мне уже лучше.

Любвеобильность французов и армян:

Кто с кем и с чем приходит и уходит в гости? ... француз приходит с девушкой, а уходит с гувернанткой хозяев...;

Армянин уходит в армию, на медкомиссии спрашивают: – Ты мальчик или мужчина? – Что такое «мальчик»? – Ну, мальчик, это когда не спал с женщинами, а мужчина, когда спал. – Пиши «мальчик», разве с ними заснёшь?;

Грузин армянину: – Женщина как пластинка – послушал и выкинул! Армянин: – Зачем выкинул? Перевернул и дальше слушай!

Различные национальные стереотипы разных наций в одном анекдоте:

Встречаются американец, русский и француз...;

Поймал абориген русского, француз и американца: кто скажет, что такое кайф, – отпущу, остальных съем...;

Армяне потому конкурируют с грузинами и азербайджанцами, что с евреями им делать нечего; Кто с кем (с чем) приходит в гости и с кем (с чем) уходит?;

Два еврея посетили Китай и осмотрели Великую китайскую стену. – Как ты думаешь, Абрам, зачем им такая длинная стена плача? – Что ж ты хочешь: полтора миллиарда населения!;

Любой северянин знает, что, когда идет снег, всегда тепло. Но попробуйте объяснить это южанину.

Почему в Советском Союзе было столько анекдотов о чукчах? Потому что Америка была далекой, неведомой страной.

Сидит чукча с удочкой на берегу Берингова пролива. Всплывает американская подводная лодка: Американец: – Куда русская подводная лодка поплыла видел? Чукча: – Норд-ост. – ОК. Американцы уплывают на северо-восток. Всплывает русская подводная лодка: – Эй, чукча, куда американская подводная лодка поплыла видел? Чукча: – Норд-ост. Командир подлодки: – Ты не умничай, ты мне пальцем покажи.

Получил чукча посылку, распечатал, а там – зеркало... Достал и говорит: – О..., братан приехал! Жена (беря в руки зеркало): – И бабу с собой привез! Вот страшилище-то....

Чукча пишет из Туркмении: – Снег тут желтый, горячий, и олени плюются!

Армянскому радио задают вопрос: “Какой из языков самый трудный для изучения: китайский или иврит?” Армянское радио, не задумываясь, отвечает: “Украинский, потому что половина самих украинцев до сих пор не может его выучить”.

Армянское радио спрашивают: “Какой самый умный народ?” Армянское радио отвечает: “Спасибо за комплимент”.

Армянское радио спрашивают: “Почему армянские загадки такие глупые?” Армянское радио отвечает: “Потому что их русские придумывают”.

Проблемы с русской орфографией и орфоэпией у представителей других наций:

Тарелька и бутылка пишутся без мягкого знака, нол и сол – с мягким знаком.

Армянин (грузин, азербайджанец) пишет девушке письмо:

– Дарагой мой подруг Галина, как ты дагадал, что я нэ русский?

Главная национальная особенность евреев, что в семье главная – мать, жена: – *Почему среди нобелевских лауреатов так много евреев? – Потому что они слушают-таки своих мам!*

Насмешка «над национальными чертами», гротеск:

Французы лягушек едят, а русские на них женятся (особенности кухни?);

У армянских чайников носик составляет 80 % (физические особенности);

– Изя, я-таки беспокоюсь, что теперь во всем русские виноваты, а не евреи. – А что такое, Мойша? – Так выходит, Изя, мы теперь не главные. (преувеличенное самомнение).

Насмешка над предпринимательской жилкой кавказцев или жителей Востока:

В Армении (в Азербайджане, в Грузии, в Узбекистане и других) даже автомат по продаже билетов в метро немного торгуется.

О примирении между нациями:

Поспорили о вере викинг и еврей, но в конце концов сошлись во мнении, что сила в Торе (Тора – главная книга иудеев, Тор – бог грома у скандинавов) «игра с омоформой»

Заключение

Серьезные проблемы действительности, в том числе мигрантской, нередко находят свое отражение в комическом. Анекдот является элементом смеховой культуры общества и одновременно способом выражения социального, политического протеста. Во многих случаях анекдоты отражают стереотипы той или иной культуры.

Комическое актуализируется разноуровневой системой языковых средств, реализующих языковую игру, построенную на контрасте. Важным аспектом, например, применительно к мигрантскому дискурсу, является рассмотрение анекдота как лингвотолерантного способа выражения отношения к насущным проблемам общества с целью снятия или смягчения психологического напряжения.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. URL: www.bim-bad.ru/dicviewer.yandex.ru/bakhtin-rambler.pdf (дата обращения: 13.08.2020).
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 1979. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 23.02.2022).
3. Желтухина М.Р. Миграционная лингвистика: конфликт vs. кооперация в межкультурной коммуникации // С.В. Шустова, М.Р. Желтухина, М.В. Дружинина, Е.О. Зубарева, Е.В. Исаева, В.М. Костева, А.С. Черноусова. Научный редактор, д. филол.н., проф. А.М. Ааматов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. С. 6–21.
4. Женило М.Ю., Юрченко Е.А. Словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 800 с.
5. Езерек Б., Железняк В., Кондаков Б., Салимовский В. Проблема «Я и Другой» в гуманитарных науках // Я и другой в пространстве текста. Пермь; Люблина: Изд-во «Пермский университет»; «Университет в Люблине». 2007. С. 5–23.
6. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академическая книга, 2001. 672 с.
7. Кузнецова Е.А. Немецкий социально-политический анекдот в лингвокультурологическом аспекте // Дневник науки. 2021. № 12(60). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47828027_59792458.pdf (дата обращения: 21.04.2021).
8. Малаева Н.А., Мамытова Г.З., Сабиралиева З.М. Коммуникативные стратегии в анекдоте // Евразийское научное объединение. 2021. № 6–6(76). С. 468–470.
9. Майерс Д. Влечение и близость, дружба и любовь // Мейерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2005. С. 496–562.
10. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Е.О. Зубарева, Е.В. Исаева, А.В. Иценко, В.М. Костева, Е.Ю. Мощанская, С.В. Шустова. Научный редактор, д. филол. н., проф. Т.И. Ерофеева. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. 163 с.
11. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С.В. Шустова, М.Р. Желтухина, М.В. Дружинина, Е.О. Зубарева, Е.В. Исаева, В.М. Костева, А.С. Черноусова. Научный редактор д. филол. н., проф. А.М. Ааматов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. 180 с.
12. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / С.В. Шустова, Е.О. Зубарева, Н.В. Хорошева, В.М. Костева, Е.Ю. Мощанская, А.С. Киндеркнехт, Jh. Кёск. Научный редактор, д-р филол. наук, профессор О.А. Радченко. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2020. 180 с.
13. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма / С.В. Шустова, М.Б. Раренко, М.В. Попова, Т.П. Зорина, В.М. Костева, Е.И. Боровицкая, Н.Н. Меньшакова, М.Ю. Ален, А.А. Лапаева, А.Ю. Новиков.

Научный редактор, д. филол. н., проф. О.А. Радченко. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2021. 192 с.

14. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/fr_ostr/05.php (дата обращения 07.08.2020).

15. Шустова С.В. Дискурсивные практики в немецком миграционном медиадискурсе // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 13–33.

16. Щурина Ю.В. Речевые жанры комического // Жанры речи. 1999. Саратов: Колледж. С. 146–156.

Информация об авторах

С.В. Шустова – доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Е.П. Карзенкова – старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

S.V. Shustova – Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Linguistic and Translation Department, Perm State University;

E.P. Karzenkova – Senior Lecturer, Department of Russian Language and Stylistics,
Perm State University.

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 25–37.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 25-37.

Научная статья

УДК 81'27:81'23

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ «ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА» И «ПРЕБЫВАНИЕ В СТРАНЕ» НА СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛЕКТЕ У КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГ ДРУГА

Елена Валентиновна Ерофеева¹, Чэнь Яо²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ elena.v.erofeeva@yandex.ru

² chen.yao@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты социолингвистического эксперимента, целью которого является выявление влияния факторов «изучение языка» и «пребывание в стране» на формирование гетеростереотипов китайских и русских информантов относительно интеллекта. Данные были получены в ходе анкетирования, в котором приняли участие шесть групп информантов по 20 человек в каждой (три группы китайский и три группы русских информантов: те, кто не изучает язык другой страны и никогда в ней не был; те, кто изучает язык другой страны, но никогда в ней не был; те кто изучает язык и был в другой стране). В результате анкетирования было получено 486 реакций от китайских информантов и 424 реакции от русских информантов относительно их мнения по поводу интеллекта противоположного этноса. Семантический и количественный анализ полученных реакций показал, что структуры стереотипов относительно интеллекта противоположного этноса у разных китайских и русских групп информантов различаются. Изучение языка оказывает влияние на детализацию или степень стереотипизированности представлений информантов, не бывавших в стране, а пребывание в стране размывает стереотипы, накопленные на основе изучения языка.

Ключевые слова: этнический стереотип, гетеростереотип, интеллект, китайцы, русские

Для цитирования: Ерофеева Е.В., Чэнь Яо. Влияние факторов «изучение языка» и «пребывание в стране» на стереотипные представления об интеллекте у китайцев и русских относительно друг друга // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 25–37.

Original article

INFLUENCE OF FACTORS "LANGUAGE LEARNING" AND "STAYING IN THE COUNTRY" ON STEREOTYPICAL PERCEPTION OF INTELLIGENCE AMONG CHINESE AND RUSSIANS IN RELATION TO EACH OTHER

Elena V. Erofeeva¹, Chen Yao²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ elena.v.erofeeva@yandex.ru

² chen.yao@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of a sociolinguistic experiment, the purpose of which is to identify the influence of the factors "learning a language" and "staying in the country" on the formation of heterostereotypes of Chinese and Russian informants regarding intelligence. The data were obtained in the course of a survey in which six groups of informants (20 people in each group) took part – three groups of Chinese and three groups of Russian informants: those who do not study the language of another country and have never been to it; those who study the language of another country, but have never been to it; those who study the language and have been to another country. As a result of the survey, 486 reactions were received from Chinese informants and 424 reactions from Russian informants regarding their opinion about the intelligence of the opposite ethnic group. Semantic and quantitative analysis of the received reactions showed that the structures of stereotypes regarding the intelligence of the opposite ethnic group differ among Chinese and Russian groups of informants. Language learning has an impact on the level of detail or degree of stereotyped representations of informants who have not been to the country, and staying in the country blurs the stereotypes accumulated on the basis of language learning.

Keywords: ethnic stereotype, heterostereotype, intelligence, Chinese, Russians

For citation: Erofeeva E.V., Chen Yao. Influence of factors "language learning" and "staying in the country" on stereotypical perception of intelligence among chinese and russians in relation to each other. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:25-37. (In Russ.).

Введение

В современной науке проблемой стереотипа занимались многие исследователи (см., например: [Агеев 1986; Липман 2004; Стефаненко 1999; Шихирев 1971; Doise 1978; О'Нара 1961; Tajfel 1984 и многие другие]). Проведенные исследования, посвящённые феномену стереотипа, чаще всего носят междисциплинарный характер: стереотипы становятся

предметом исследования с позиций теории коммуникации, психологии, социологии, лингвистики, лингвокультуры, социолингвистики и т. д. Понятие «стереотип» впервые было введено в науку американским политологом, журналистом и социологом У. Липпманом. По мнению У. Липпмана, в целях экономии когнитивных усилий и закрепления групповых ценностей в своём сознании человек создаёт мысленные образы тех или иных социальных явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Эти мысленные образы и являются стереотипами, обусловленными культурным окружением, в котором формируются взгляды человека [Липпман 2004].

Будучи частью картины мира, различные стороны социальной жизни включены в систему стереотипов, в связи с чем по разным критериям выделяются различные социальные стереотипы, например, этнические, гендерные, возрастные, профессиональные, расовые, религиозные и т. д. По отношению «свой»/«чужой» все стереотипы могут быть разделены на автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотип является представлением какой-то социальной группы о самой себе, а гетеростереотип – оценочные взгляды данной группы о других социальных группах [см. Здравомыслов 2001; Леонтович 2005; Солдатова 1998; Castano, Paladino, Coull 2002; Löschmann 2001].

Остановимся подробнее на этнических стереотипах, которые служат предметом рассмотрения в настоящей статье. Этнический стереотип, будучи одним из видов социального стереотипа, является «схематизированным образом своей или чужой этнической общности»; он представляет собой «упрощённое (иногда одностороннее или неточное, искажённое) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа», и на его основе «складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [Крысько 2002: 133]. Исследователи отмечают, что этнические стереотипы, как устойчивые представления о своей или чужой этнической группе, фиксируются в сознании большинства представителей данной стереотипизирующей группы. Кроме этого, этнические стереотипы приписываются не только всем членам этнической общности, но и каждому члену этнической группы в отдельности [Белова 2006; Мучкина 2010; Стефаненко 1999].

При исследовании механизма функционирования этнических стереотипов необходимо обратить внимание на явление «этноцентризма», под которым понимается склонность человека смотреть на мир таким образом, чтобы «своя» группа находилась в центре всего [Самнер 1998]. Кроме того, под влиянием «этноцентризма» у человека формируются более положительные образы собственной этнической группы на фоне всех остальных [Садохин 2005: 236]. В то же время на формирование этнических авто- и гетеростереотипов не могут

не влиять и другие социальные факторы, в частности факторы, связанные со знакомством с той или иной культурой. В процессе планирования настоящего исследования в число исследуемых параметров были заложены факторы, учитывающие опыт контакта информантов с оцениваемой этнической группой, такие как «изучение языка» (опосредованный опыт контакта с культурой) и «пребывание в стране» (непосредственный опыт контакта с культурой). При анализе влияния этих факторов на формирование стереотипных представлений об интеллекте будут рассмотрены гетеростереотипы китайцев и русских относительно друг друга. Таким образом, конкретным предметом изучения в данной статье являются зависимость гетеростереотипов китайцев и русских от факторов «изучение языка» и «пребывание в стране».

Основная часть

Материал и методы исследования

Для получения языкового материала был проведен социолингвистический эксперимент, в котором участвовали две группы информантов (китайцы и русские) по 60 человек в каждой. По фактору «изучение языка» и «пребывание в стране» каждая группа была разделена на три подгруппы по 20 человек в каждой; в результате были опрошены 6 подгрупп информантов:

- 1) китайские информанты, изучающие русский язык и бывавшие в России;
- 2) китайские информанты, изучающие русский, но не бывавшие в России;
- 3) китайские информанты, не изучающие русский и не бывавшие в России;
- 4) русские информанты, изучающие китайский и бывавшие в Китае;
- 5) русские информанты, изучающие китайский, но не бывавшие в Китае;
- 6) русские информанты, не изучающие китайский и не бывавшие в Китае.

В социолингвистическом эксперименте информантам было предложено написать не менее пяти слов или словосочетаний, характеризующих интеллект противопоставленной по этносу группы, участвующей в анкетировании. В итоге было получено 910 реакций: 486 реакций от китайских информантов и 424 реакции от русских информантов.

Для обработки полученных данных был использован семантический и количественный анализ. Все полученные реакции были объединены в группы на основе общности выраженных в них семантических признаков¹. Выделение семантических признаков опиралось на теорию интеллекта, а также проводилось исходя из логики полученного материала. Среди реакций китайских информантов было выделено 14 семантических

¹ См. подробнее о методе и его применении в наших предыдущих работах о стереотипах относительно внешности и характера китайцев [Чэнь Яо, Ерофеева 2021; Чэнь Яо 2022].

признаков, а среди реакций русских информантов – 17 признаков (см. таблицы 1, 3). Семантические группы с 1–2 реакциями, а также сложно классифицируемые реакции включены в группу «другие».

Количественный анализ объёма семантических групп позволил построить полевые модели структуры стереотипов, в которых на основании анализа распределений частотности признаков были выделены ядро, предъядерная и периферийная зоны. Поскольку периферийные признаки не могут считаться стереотипными, в структуру стереотипа включались только признаки, вошедшие в ядро и предъядерную зону.

Результаты

Стереотипные представления китайцев относительно интеллекта русских в зависимости от изучения русского языка и пребывания в России

Частоты признаков, актуализированные в ответах разных групп китайских информантов по отношению к интеллекту русских представлены в таблице 1.

Таблица 1. Частоты актуализации семантических признаков в реакциях разных групп китайских информантов при описании интеллекта русских, абс.

Признаки	Информанты-китайцы		
	изучают русский и были в России	изучают русский, но не были в России	не изучают русский и не были в России
ум	52	42	57
сообразительность	37	54	31
талант	18	15	19
здравомыслие	8	6	5
образованность	9	5	4
оценка	2	7	8
креативность	1	12	3
скромность	6	4	5
любопытность	1	1	12
предприимчивость	5	5	3
общительность	4	4	0
юмор	4	4	0
смелость	3	2	3
красота	1	1	4
другие	9	11	8
Всего	155	169	162

Видно, что факторы «изучение языка» и «пребывание в стране» оказывают влияние на количество реакций выделенных семантических признаков.

На рисунке 1 представлены частоты актуализации семантических признаков, актуализированных в реакциях трех групп китайских информантов относительно интеллекта русских. Рисунок показывает, что три разных группы китайских информантов в разной степени ориентируются на разные семантические группы. Так, признак «ум» служит наиболее значимым для групп, изучающих русский язык (независимо от пребывания в России), однако он занимает второе место по частоте для группы информантов, не изучающих русский и не бывавших в России. Наоборот, наиболее частотный для данной группы признак «сообразительность» занимает второе место у двух других групп. Признак «креативность» нередко актуализирован в ответах группы, изучающей русский язык, но не бывавшей в России, однако довольно редко упоминается остальными группами информантов. Подобные различия типичны для большинства выделенных признаков.

Рисунок 1. Частота актуализации признаков в реакциях китайцев о русских, абс.

Выделим ядро и предьядерную зону стереотипа об интеллекте русских для каждой оценивающей группы информантов-китайцев.

В представлениях группы китайских информантов, изучающих русский и бывавших в России, ядро состоит из признаков «ум» (54) и «сообразительность» (37), а предьядерная зона включает признак «талант» (18).

При описании интеллекта русских группа информантов, изучающих русский, но не бывавших в России, опирается на ядерные признаки «сообразительность» (54) и «ум» (42), а также предъядерные признаки «талант» (15) и «креативность» (12).

У группы информантов, не изучающих русский и не бывавших в России, представления основываются на ядерных признаках «ум» (57) и «сообразительность» (31), предъядерных признаках «талант» (19) и «любопытность» (12).

Ядерные и предъядерные признаки, являющиеся стереотипными для разных групп китайских информантов в представлениях об интеллекте русских, показаны в таблице 2.

Таблица 2. Стереотипные признаки интеллекта русских в восприятии разных групп китайских информантов

Поле	Информанты-китайцы		
	изучают русский и были в России	изучают русский, но не были в России	не изучают русский и не были в России
Ядро	ум сообразительность	сообразительность ум	ум сообразительность
Предъядерная зона	талант	талант креативность	талант любопытность

Как видно из таблицы 2, ядро у всех оценивающих групп формируется одними и теми же признаками – «ум» и «сообразительность», однако частоты данных ядерных признаков у разных групп могут отличаться. Предъядерные зоны у всех групп информантов частично совпадают (признак «талант»). Внутри групп, не бывавших в России, признак «креативность», который выступает предъядерным у группы информантов, изучающих русский язык, оказывается периферийным у группы информантов, не изучающих русский. Наоборот, предъядерный у второй группы информантов признак «любопытность» становится периферийным у первой группы.

Итак, можно прийти к выводу, что стереотипные представления относительно интеллекта русских у групп информантов, изучающих русский и бывавших в России, детализированы в наименьшей степени среди всех оценивающих групп. Фактор «пробывание в стране» влияет на представления информантов, изучающих русский язык, однако в данном случае у группы, не бывавшей в России, больше стереотипных признаков, чем у группы, бывавшей в России. Фактор «изучение языка» также оказывает влияние на стереотипные представления информантов, не бывавших в России, так как у данных двух групп информантов предъядерные признаки не полностью совпадают.

Стереотипные представления русских относительно интеллекта китайцев в зависимости от изучения китайского языка и пребывания в Китае

Количество реакций, актуализирующих семантические признаки в ответах разных групп китайских информантов по отношению к характеру русских, представлено в таблице 3. Очевидно, что, как и в предыдущем случае, частоты актуализации выделенных семантических признаков варьируют в зависимости от факторов «изучение языка» и «пребывание в стране».

Таблица 3. Частоты актуализации семантических признаков в реакциях разных групп русских информантов при описании интеллекта китайцев, абс.

Признаки	Информанты-русские		
	изучают китайский и были в Китае	изучают китайский, но не были в Китае	не изучают китайский и не были в Китае
ум	27	25	24
здравомыслие	18	27	18
сообразительность	18	26	17
образованность	6	26	20
оценка	9	9	8
настойчивость	4	4	4
креативность	2	8	3
хитрость	8	3	0
любопытность	2	1	8
простота	3	6	1
прагматичность	3	2	4
юмор	2	3	1
трудолюбие	3	1	2
эмоциональность	3	3	0
стандартность	3	2	0
бережливость	3	0	1
инновация	1	3	0
другие	19	21	21
всего	127	164	133

На рисунке 2 представлено количество реакций семантических признаков, актуализированных в ответах трех групп русских информантов относительно интеллекта китайцев.

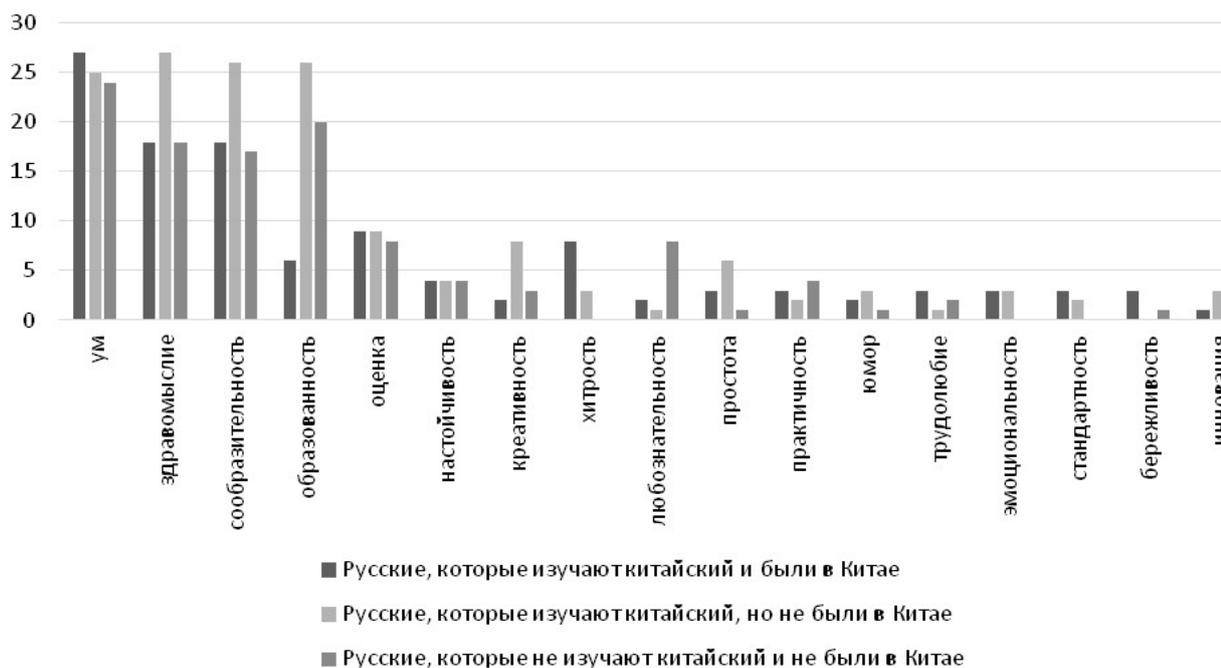

Рисунок 2. Частота актуализации признаков в реакциях русских о китайцах, абс.

Рисунок 2 показывает, что при оценке интеллекта китайцев три группы русских информантов в разной степени ориентируются на разные признаки. Например, признаки «здравомыслие» и «сообразительность» являются одними из наиболее значимых для всех оценивающих групп, однако частота их актуализации в ответах у группы информантов, изучающих китайский язык, но не бывавших в Китае, значительно выше, чем в ответах остальных групп. Признак «образованность» слабо актуализирован у группы информантов, которые изучают китайский язык и посещали Китай, однако данный признак часто упоминается информантами из других групп. Подобные различия характерны для большинства выделенных признаков. Признаки с одинаковой частотой скорее редкость в данном материале.

Выделим ядро и предъядерную зону в представлениях каждой оценивающей группы.

В представлениях группы информантов, изучающих китайский язык и бывавших в Китае, ядро состоит из признака «ум» (27), а предъядерная зона включает признаки «здравомыслие» (18) и «сообразительность» (18).

При оценке интеллекта китайцев группа информантов, изучающая китайский язык, но не бывавшая в Китае, опирается на набор следующих признаков: «здравомыслие» (27), «образованность» (26), «сообразительность» (26) и «ум» (25), все из которых являются ядерными.

У группы информантов, не изучающих китайский язык и не посещавших Китай, ядро формируется признаком «ум» (24), а предъядерная зона – признаками «образованность» (20), «здравомыслие» (18) и «сообразительность» (17). Стоит отметить, что признак «образованность» не вошел в данном случае в ядро в связи с тем, что в него включены противоположные по смыслу реакции.

Ядерные и предъядерные признаки разных русских групп об интеллекте китайцев представлены в таблице 4.

Таблица 4. Стереотипные признаки интеллекта китайцев
в восприятии разных групп русских информантов

Поле	Информанты-русские		
	изучают китайский и были в Китае	изучают китайский, но не были в Китае	не изучают китайский и не были в Китае
Ядро	ум	здравомыслие образованность сообразительность ум	ум
Предъядерная зона	здравомыслие сообразительность		образованность здравомыслие сообразительность

Согласно таблице 4 все оценивающие группы имеют общий ядерный признак – «ум». Однако, кроме данного общего ядерного признака, информанты, изучающие китайский язык, но не бывавшие в Китае, также опираются на другие ядерные признаки – «здравомыслие», «образованность» и «сообразительность», которые попадают в предъядерную или периферийную зону у остальных двух групп. Кроме этого, у группы информантов, изучающей китайский, но не бывавшей в Китае, не формируется предъядерной зоны.

Итак, можно сказать, что представления у информантов, которые изучают китайский язык, но не посещали Китай, наиболее стереотипизированы (наибольшее количество ядерных признаков) среди всех оценивающих групп. Фактор «пребывание в стране» влияет на формирование стереотипных представлений у информантов, изучающих китайский язык, потому что у двух групп информантов – бывавших в Китае и нет – количество стереотипных признаков не одинаково, при этом их место в структуре стереотипа сильно отличается. Фактор «изучение языка» также оказывает влияние на представления информантов, не бывавших в Китае, так как у групп информантов, изучающих и не изучающих китайский язык, место стереотипных признаков в представлениях и частота их актуализации отличаются.

Выводы

Результаты проведённого социолингвистического эксперимента позволяют сделать выводы относительно структуры стереотипов об интеллекте у китайцев и русских. Прежде всего обратим внимание на тот факт, что в обеих культурах стереотип относительно интеллекта строится на общих признаках «ум» и «сообразительность», однако китайцы добавляют к этим признакам черты интеллекта, свидетельствующие о творческих способностях – «талант», «креативность», в то время как русские обращают большее внимание на рациональность – «здравомыслие», «образованность». Скорее всего, такая разница – это не отражение разных реальных когнитивных способностей китайцев и русских, а ценностные ориентиры разных культур: китайцы больше ценят творческое начало и отмечают его, а русские – рациональное. Таким образом, можно предположить, что в структура этностереотипа опирается на систему «своих» этнических ценностей.

Рассмотренные в исследовании социальные факторы «изучение языка» и «пребывание в стране», взаимодействующие с этническим фактором, оказывают влияние на формирование этнических стереотипов. При этом на материале изучения стереотипных представлений об интеллекте русских и китайцев очевидно, что данные факторы «работают» не совсем одинаково в разных культурах.

Так, разница в стереотипных признаках, которые разные группы китайцев – изучающих или не изучающих русский язык, бывавших или не бывавших в России – называют черты интеллекта русских, «очень похоже». Ядро стереотипных представлений китайцев стабильно от группы к группе и включает признаки «ум» и «сообразительность», а разница между группами заключается только в акцентуации ядерных признаков и в добавлении к общему же предъядерному признаку «талант» дополнительных предъядерных признаков. Тем не менее, стоит отметить тот факт, что наименьшее количество признаков включает стереотип у группы китайцев, которые и учат русский язык и были в России. Кроме того, и сами признаки никогда не являются у них выраженными сильнее, чем хотя бы в одной из других групп.

Более яркой является разница в оценке интеллекта китайцев разными группами русских информантов. Мы можем видеть, что фактор «изучение языка» при условии, что информанты не посещали страны изучаемого языка, значительно усиливает степень яркости стереотипных признаков: русские информанты, которые не были в Китае, – и изучающие китайский язык, и не изучающие его – опираются на один набор стереотипных признаков («ум», «образованность», «здравомыслие» и «сообразительность»). Однако у информантов, изучающих язык, все эти признаки являются ядерными, в то время как у информантов, не

изучающих язык, ядерным является только признак «ум», а остальные признаки входят в предъядерную зону. Следовательно, фактор «изучение языка» в данном случае способствует большей степени стереотипизации.

Влияние фактора «пребывание в стране» на реакции русских информантов по своему действию оказывается примерно таким же, как и в случае с китайскими информантами: уменьшается общее количество стереотипизируемых признаков. Однако в данном случае это влияние сильнее, поскольку отбрасывается большее количество признаков.

Итак, в общем можно заключить, что изучение языка без посещения страны распространения данного языка, то есть опосредованный контакт с культурой, способствует детализации стереотипа и степени выраженности стереотипных признаков, при этом в группе русских это влияние гораздо заметнее. В то же время непосредственный контакт с культурой (пребывание в стране), столкновение с реальными людьми в рамках данной культуры, размывает стереотипы, сформированные на основе изучения языка.

Список литературы

1. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
2. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). Автореф. ... д. филол. н. М., 2006. 48 с.
3. Здравомыслов А.Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 103–112.
4. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 320 с.
5. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
6. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Общественное мнение, 2004. 384 с.
7. Мучкина Е.С. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов // Филология и человек. 2010. № 4. С. 107–118.
8. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.
9. Самнер У.Г. Народные обычаи: исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики / пер. с англ. М.С. Добрякова. Рубеж (альманах социальных исследований). 1998. № 12. С. 4–32
10. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Ин-т психологии РАН. М.: Академ. проект, 1999. 320 с.

12. Чэнь Яо, Ерофеева Е.В. Авто- и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7. № 3. С. 204–219.
13. Чэнь Яо. Представления о характере у китайских женщин и мужчин: кросс-групповое исследование // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 1. С. 186–201.
14. Шихирев П.Н. Исследование социального стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168–175.
15. Castano E., Paladino M.-P., Coull A. Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members // The British journal of social psychology. 2002. Vol. 41 (3). P. 365–386.
16. Doise W. Images, representations collectives et ideologies dans la psychologie sociale // Social Science Information. 1978. Vol. 17(1). P. 41–69.
17. Löschmann M. Was tun gegen Stereotype? // Interkulturelle Kommunikation in Wirtschaft und Fremdsprachenunterricht / Gerhard Wazel (Hrsg.). Frankfurt-am-Main: Lang, 2001. S. 147–201.
18. O’Hara R. Media for the millions: The process of mass communication. NY.: Random House. 1961. 421 p.
19. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1984. 523 p.

Информация об авторах

Е.В. Ерофеева – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Чэнь Яо – аспирант, кафедра теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E.V. Erofeeva – Grand Ph.D. (Philology),
 Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
 Perm State University;
Chen Yao – Graduate Student,
 Department of Theoretical and Applied Linguistics,
 Perm State University.

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 38–49.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 38-49.

Научная статья

УДК 81`362

ЧАСТИЦЫ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Марина Сергеевна Панюкова

Московский государственный областной университет, Москва, Россия, panyukova-1991@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены восклицательные предложения немецкого и русского языков, содержащие частицы. Основная задача заключается в описании частиц и их группировок в немецком и русском языках в восклицательных предложениях. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из немецких корпусов DWDS и DEWAC 16A, а также из национального корпуса русского языка. Выбор данной темы объясняется тем, что, во-первых, частицы не могут быть истолкованы вне контекста, их значение раскрывается только в синтагматике, во-вторых, для каждого типа предложения по цели высказывания (побудительное, восклицательное и т. д.) характерен свой спектр частиц, и, в-третьих, соответствия между частицами в немецком и русском языках можно подобрать только на уровне предложения. Анализ фактического материала осуществлялся посредством использования метода контекстуального анализа и сопоставительного метода. Показано, что соответствия в языках следует искать на уровне типа высказывания: существует определенный набор частиц, характерный для выражения удивления и для восклицания, содержащего оценочные маркеры. Выражение удивления в немецком языке может быть передано в предложениях с частицами *ja*, *aber*, *vielleicht*, *nur*, в русском языке – в предложениях с частицами *ну* и *что за*. Восклицательные предложения с оценочными маркерами содержат частицу *doch* и местоимение *mir* в функции частицы. В русском языке та же семантика передается в высказываниях с частицами *мне* и *же*. Обращается внимание на особенность восклицательных предложений с частицами и их соотносительностью с говорящим: в высказываниях данного типа всегда отражена позиция говорящего. Восклицательные высказывания с частицами эмотивны и зачастую содержат слова с семантикой оценки.

Ключевые слова: восклицательные предложения, частицы, сопоставление, русский язык, немецкий язык, эмотивность

Для цитирования: Панюкова М.С. Частицы немецкого и русского языков в восклицательных предложениях // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 38–49.

Original article

GERMAN AND RUSSIAN PARTICLES IN EXCLAMATORY SENTENCES

Marina S. Panyukova

Moscow State Regional University, Moscow, Russia, panyukova-1991@mail.ru

Abstract. The article considers exclamatory sentences of the German and Russian languages containing particles. The main task is to describe particles and their groupings in German and Russian in exclamatory sentences. The research materials were examples selected from the German DWDS and DEWAC 16A corpora, as well as their national corpus of the Russian language. The choice of this topic is explained by the fact that, firstly, particles cannot be interpreted out of context, their meaning can be revealed only in syntagmatics, secondly, each type of sentence for the purpose of utterance (motivational, exclamation, etc.) has its own spectrum of particles, and, thirdly, correspondences between particles in German and Russian, it is possible to pick up only at the level of the sentence. The analysis of the factual material was carried out by using the method of contextual analysis and the comparative method. It is shown that correspondences in languages should be sought at the level of the type of utterance: there is a certain set of particles characteristic of the expression of surprise and exclamation containing evaluative markers. The expression of surprise in German can be conveyed in sentences with particles *ja*, *aber*, *vielleicht*, *nur*, in Russian – in sentences with particles *nu i*, *čto za*. Exclamatory sentences with evaluation markers contain the particle *doch* and the pronoun *mir* in the particle function. In Russian, the same semantics is conveyed in statements with particles *mne* and *že*. Attention is drawn to the peculiarity of exclamatory sentences with particles and their correlation with the speaker: statements of this type always reflect the speaker's position. Exclamatory statements with particles are emotive and often contain words with evaluation semantics.

Keywords: exclamatory sentences, particles, comparison, Russian, German, emotivity

For citation: Panyukova M.S. German and Russian particles in exclamatory sentences. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:38-49. (In Russ.).

Введение

Объект настоящей публикации – восклицательные предложения немецкого и русского языков. Предмет исследования – частицы немецкого и русского языков, используемые в высказываниях данного типа. Основная задача заключается в выявлении русско-немецких соответствий, используемых в восклицательных предложениях. Выбор данной темы объясняется тем, что, во-первых, частицы не могут быть истолкованы вне контекста, их значение раскрывается только в синтагматике, во-вторых, для каждого типа предложения по

цели высказывания (побудительное, восклицательное и т. д.) характерен свой спектр частиц, и, в-третьих, соответствия между частицами в немецком и русском языках можно подобрать только на уровне предложения.

Исследованию частиц посвящено немало работ в германистике. Это, прежде всего, работы А.В. Авериной [Аверина 2010; Averina 2015; Аверина 2017, 2019, 2021, 2022], М. Турмэр [Thurmer 1989], М. Конiglio [Coniglio 2009, 2011], В. Абрахама [Abraham 2013], Д.О. Добровольского [Добровольский 2000], С.В. Шустовой, Е.Р. Журавлевой [Шустова, Журавлева и др. 2020] и др. Как правило, в перечисленных научных трудах внимание уделяется изучению синтаксиса, семантики и прагматики частиц немецкого языка.

В исследовании А.В. Авериной указывается, что частицы немецкого языка передают не только модальное, но и эмотивное значение [Аверина, 2022; см. также Афанасьева 2021; Шустова, Сюткина 2020; Шустова 2021], предложены критерии разграничения модальных и дискурсивных частиц [Аверина 2017]. Существует потребность в описании русско-немецких соответствий на уровне определённых типов высказываний, поскольку частицы как элементы грамматического строя [Аверина 2022] получают полноценную интерпретацию только с учётом контекстуального окружения. Это и определяет актуальность проводимого в данной работе исследования.

Цель статьи заключается в описании частиц и их группировок в немецком и русском языках в восклицательных предложениях. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из немецких корпусов DWDS и DEWAC 16A, а также из национального корпуса русского языка. При подборе соответствий учитывался эмоциональный оттенок высказывания. Анализ фактического материала осуществлялся посредством использования метода контекстуального анализа и сопоставительного метода. Всего было отобрано и проанализировано свыше 100 контекстов.

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы на занятиях по практическому курсу немецкого языка, сопоставительной типологии немецкого и русского языков и способствовать повышению культурно-языковой информативности студентов, чему в настоящее время уделяется особое внимание (см. [Утехина 2020]).

Основная часть

Частицы и эмотивность

По справедливому замечанию В.Г. Гака, выражение эмоций и оценок играет важную роль в построении высказывания в целом. Эмоции выражаются интонацией, особыми лексическими средствами (например, междометиями) и некоторыми специализированными

типами предложений – эмотивными предложениями [Гак 2010: 288]. Восклицательные предложения с частицами эмотивны и обладают своими особенностями построения. Они могут быть оформлены в виде предложения со знаком вопроса, при этом они служат не для запроса информации, а для выражения эмоциональной оценки. Например:

1) *An wem hast du **nur** dein Gehirn verkauft?* (DWDS)

В приведённом высказывании выражено удивление говорящего, его интенция не состоит в запросе какой-либо информации. Восклицательные высказывания с модальными частицами *auch, nur, aber, vielleicht* и *mir* передают удивление говорящего и неожиданность вновь возникшей ситуации:

2) *du bist **aber** mutig:-)....vielleicht kommt der Tag irgendwann und dann???* (DWDS).

3) *Pezi, du bist **vielleicht** eine Knackwurst!* (DWDS)

4) *Du bist **mir** vielleicht ein feiger Schrat.* (DWDS)

Анализируя эмотивный потенциал синтаксиса немецкого языка, И.А. Шипова обращает внимание на возможности выражения эмоционального содержания. По её мнению, восприятие эмоционально окрашенных «участков» текста возможно при условии чередования экспрессивно и эмотивно заряженных и нейтральных фрагментов, на фоне которых первые приобретают особую выразительность [Шипова 2005]. Частицы в восклицательных предложениях однозначно служат созданию эмоционального содержания.

Эмотивность заложена в семантике частиц. В.И. Шаховский, обобщая мнение большинства отечественных и зарубежных учёных по данному вопросу, выделяет следующие аргументы в пользу существования эмотивного значения в семантике слова.

1. Два слова могут иметь одинаковое логико-предметное значение, но различаться по наличию (отсутствию) эмотивного компонента (например, *bad – terrific* в английском языке). С одной стороны, они имеют схожее денотативное значение, но, с другой стороны, отличаются по эффекту воздействия и ситуациям употребления.

2. Эмотивное значение может развиваться отдельно от логико-предметного внутри лексического значения слова. В качестве примера можно рассматривать английское слово *imp*, которое во времена Шекспира использовалось как ласкательное, игривое название ребенка и ласкательное обращение к взрослым людям. Современное значение этого слова трактуется словарями как эмоция неодобрения.

3. Эмотивные значения осознаны, дискретны и одинаково соотносятся всеми говорящими с понятиями, признаками объектов, детерминирующими эмоции, и идентифицируются с определёнными языковыми единицами, их выражениями, а также с типизированными эмоциональными ситуациями и их употреблениями в речи.

4. Эмотивное значение может быть вычленено при измерении смысловой информации контекстуального слова. Так, в определенных типах контекстов слово с эмотивным компонентом не может быть заменено на нейтральное без утери смыслового содержания.

5. Эмотивное значение быстро схватывается, что подтверждает факт существования «эмоционального мышления» [Шаховский 2008: 56–57].

Таким образом, частицы можно рассматривать как маркеры эмотивности.

А.В. Аверина [Аверина 2021] вслед за В. Абрахамом [Abraham 2019] обращает внимание на то, что в восклицательных предложениях модальные частицы служат для создания миративного эффекта. В лингвистике под миративностью понимается неожиданность сообщаемой информации для говорящего. Неожиданной может быть не только сообщаемая информация, но и ситуация, вызвавшая недоумение говорящего. Существуют концепции, согласно которым миративность относится к зоне эвиденциальных значений. Они имеют следующее обоснование: неожиданность – это особый способ получения информации о ситуации.

Так, например, по наблюдениям В.А. Плунгяна косвенная эвиденциальность *«обычно имеют два блока контекстных значений»*:

(a) *инферентивное – 'говорящий наблюдал не саму ситуацию, а ее результат' (это значение является диахронически исходным, и его связь с перфектом очевидна) и*

(b) *цитативное – 'говорящий знает о ситуации от третьих лиц'. В балканских языках к этим значениям добавляется чисто модальное значение адмиратива, развивающееся из предыдущих (в современном албанском языке это значение фактически наиболее распространенное); тем самым, неожиданное обнаружение ситуации в этих языках трактуется как особый способ получения информации о ней» [Плунгян 2001: 324, цит. по: Аверина 2022: 61].*

В. Абрахам рассматривает миративность как вид эвиденциальных значений и показывает, что именно частицы, наряду с интонацией, служат для выражения неожиданности, ошеломленности говорящего – это становится благодаря тому, что назначение частиц – скорректировать позицию собеседника [Abraham 2013].

Мы разделяем позицию В. Абрахама [Ibid.], что модальные частицы в восклицательных предложениях, действительно, способствуют кодировке миративности. Миративность выступает в данном случае как одна из разновидностей эвиденциальных значений, поскольку речь идёт об информации, новой и неожиданной для говорящего и поступившей извне. [Аверина 2022].

Рассмотрим высказывания с модальными частицами в восклицательных предложениях, обращая внимание на оттенки, характерные для этих предложений.

Восклицательные предложения с частицей *auch* служат для выражения удивления, недоумения говорящего – он ожидает большего, однако ситуация складывается иначе:

5) *Und das **auch** im übertragenen Sinn!* (DWDS)

6) *Frau süssana süssman möchte eine Bitte demütigen und sich in Fonds investieren, und das **auch** noch in meinem Land!* (DWDS)

Для выражения удивления может быть использована и частица *nur*, сравним:

7) *Wie kannst Du **nur** irgendetwas der Wambologie vorziehen?!?* (DWDS)

8) *Oh nein, Lasko, wie kannst Du **nur**?* (DWDS)

9) *puh, selbst gemachte ravioli! sehr beeindruckend ... wo nimmst du **nur** die zeit her?* (DWDS)

Примеры (8) и (9) содержат знак вопроса, однако по содержанию – восклицательные.

Неожиданность в восклицательных предложениях маркирует и частица *aber*, при этом оценка может быть как позитивной, так и негативной:

10) *Du bist **aber** IM Videospiel!* (DWDS)

11) *Wow, Du bist **aber** wirklich cool mit Deiner Frisur!* (DWDS)

12) *Mensch, du warst **aber** flott!* (DWDS)

В создании миративного эффекта участвуют и частицы *mir* и *vielleicht*, сравним:

13) *Pezi, du bist **vielleicht** eine Knackwurst!* (DWDS)

14) *Nee, aber du bist **vielleicht** etwas zu perfektionistisch!* (DWDS)

15) *Du bist **mir** heute zu elegant!, ruft ein Kollege* (DWDS).

16) *„Mensch, Koldewei, du bist **vielleicht** ein Glückspilz!“ und Krüger, der ihm in den Weg kam, sagte: „Jetzt brauchen Sie nicht mehr zu, kommen* (DWDS).

17) *„Ja, die Komsomolzen / Was sind sie **doch** für Kerle / Knorke, knorke – knorke alle Mann!“* (DWDS)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в восклицательных предложениях с модальными частицами может быть выражено удивление говорящего, его положительная или отрицательная оценка происходящих событий. Как правило, финитная форма глагола в высказываниях подобного рода получает наибольшее ударение (см. [Аверина 2022: 63]).

В восклицательных предложениях русского языка используются такие частицы и их комбинаторные сочетания: *ну, же, вот, ведь, вот ведь, вот же*. Причём зачастую они выступают в комбинациях друг с другом:

18) *Пришлось смириться с мыслью, что я готов на любой подвиг во имя снисходительной улыбки своего начальника. **Вот ведь** до чего докатился!* (НКРЯ)

19) – *Ну и фрукт, – вздохнул первый экспедитор, молоденький зауряд-прапорщик. – А **вот ведь** нашел себе какую-то* (НКРЯ).

20) – ***Вот ведь** в чём беда... у них есть основания верить в это* (НКРЯ).

21) ***Вот ведь** везение* (НКРЯ).

22) *Ведущий подкаста Луис Гомес был изумлен поступком гостя. «**Вот ведь** черт! У нас сегодня выпуск, приуроченный к Хэллоину», – пошутил он* (НКРЯ).

23) *Но **вот ведь** как бывает: оба писателя давно сдохли, а «чванливая белиберда», как ее ни запрещали, дает новые всходы в самых неожиданных местах* (НКРЯ).

В приведенных высказываниях говорящий сетует на то, что обстоятельства сложились именно таким образом. Это позволяет приписать сочетанию частиц *вот ведь* значение разочарования.

Рассмотрим примеры высказываний, содержащих сочетание частиц *вот же*:

24) *Правильно, **вот же** они, сотни миллиардов в бюджет, а ВИНК и так богатые* (НКРЯ).

25) *«**Вот же** антихристы!» – недовольно отреагировал человек с нашивкой серпа и молота* (НКРЯ).

В приведенных высказываниях комбинация частиц *вот* и *же* позволяет говорящему указать на то, что говорящий обнаружил какую-то деталь, которая вызывает его удивление.

Сочетание частицы *ну* с союзом *и*, стоящим после подлежащего, также позволяет говорящему передать удивление собеседника:

26) *Я спросил, отчего у него в песнях так много хемингуэевского героического пессимизма, и он расхохотался: «**Ну ты и...** фрукт* (НКРЯ).

Таким образом, в русском языке могут быть использованы частицы и их комбинаторные сочетания для выражения удивления, радости, ошеломления и т. д. Поскольку частицы не могут быть интерпретированы вне контекста, для сопоставления и выявления немецко-русских соответствий были выделены следующие типы восклицательных предложений: восклицание-удивление и восклицание-оценка.

Дифференциация восклицательных предложений по различным типам эмоциональной окраски и немецко-русские соответствия

1. Восклицание-удивление

М. Турмэр рассматривает использование частицы *ja* в эмфатических высказываниях – она не трактуется как восклицательные предложения ввиду порядка слов в них и отсутствия

в них восклицательной интонации [Thurmair 1989: 107]. Как правило, в предложениях данного типа говорящий выражает своё удивление.

27) *Das hat **ja** herrliche Farben!!!* (DWDS)

28) *Für die Steuerzahler war die Rettung der Commerzbank ein Desaster, wie es heißt; das hat **ja** vorher niemand ahnen können!* (DWDS)

29) *Die haben **ja** alle keinen Geschmack!* (DWDS)

Если опустить частицу *ja*, то высказывание будет выглядеть как обычное, тривиальное, в предложениях с ней подчеркивается необычность ситуации [Thurmair 1989: 108].

Выражение удивления возможно и благодаря использованию частицы *nur*. Рассмотрим ряд высказываний.

30) *Was machst du dir **nur** für Sorgen!* (DWDS)

31) *Mensch Stephan was machst du **nur** für Sachen?!* (DECOW 16A).

32) *Ginny! Wie kannst du dich **nur** für so eine Sache starkmachen?* (DECOW 16A).

В приведённых высказываниях выражению удивления способствует использование частицы *nur*. Предложения не несут какую-либо значимую в содержательном плане информацию – речь идет об эмоциональной оценке говорящим происходящего.

Неожиданность ситуации может маркировать и модальная частица *aber*:

33) *Du bist **aber** schlecht gelaunt!* (DECOW 16A).

34) *Nicht der beste Weg zu trainieren, aber besser als gar nicht. Oh, du bist **aber** süß!* (DECOW 16A).

(35) *Na, du bist **aber** ein Optimist!* (DECOW 16A).

Используя частицу *aber*, говорящий маркирует, что обстоятельства для него совершенно неожиданны [Thurmair 1989: 190].

Удивление говорящего передает модальная частица *vielleicht* в предложениях с ударной связкой:

36) *Du bist **vielleicht** ein Eumel!* (DECOW 16A).

37) *Du bist **vielleicht** ein Witzbold! Oder willst Du uns veräppeln?* (DECOW 16A).

38) *Du bist **vielleicht** lustig!* (DECOW 16A).

Как видно из приведённых фрагментов, для выражения удивления в восклицательных предложениях могут быть использованы *ja*, *nur*, *aber*, *vielleicht*. В русском языке для этой цели в восклицательные предложения могут быть включены частицы *ну*, *и*, *что за*, например:

39) «**Что за**, черт возьми, магия здесь происходит?» (НКРЯ)

40) **Ну и ну**, а какой в этом был смысл? (НКРЯ)

41) – *Ну и ну...* – *остолбенел Алексей Морозов, неожиданно увидев на стене заголовок «Морозушко, давай гол!»* (НКРЯ)

Удивление говорящего маркируют наряду с частицами интонация и особое построение предложений. В русском языке в экскламативных предложениях частицы занимают начальную позицию в предложении.

2. Восклицание-оценка

Восклицательные предложения данного типа содержат слова с положительной или отрицательной коннотацией и частицы. В немецком языке это, как правило, частица *doch*. Э. Хэнчель [Hentschel 1986] считает, что восклицательные предложения с *doch* целесообразно относить к экскламативным, в то время как М. Турмэр рассматривает их как обычные повествовательные предложения, обладающие экспрессивной окраской [Thurmair 1989: 114]. Рассмотрим в этой связи следующий пример:

42) *Sicher, Honey pots gehen auch, aber die sind **doch** böse!* (DWDS)

Частица *doch* сигнализирует, что говорящий критикует сложившуюся ситуацию – благодаря использованию частицы *doch* он пытается склонить собеседника на свою сторону:

43) *So macht der einzelne Mitarbeiter nichts falsch und kann immer sagen “ich habe Sie **doch** informiert!”*, *sollte es mal zu Schwierigkeiten im Projekt kommen* (DWDS).

В некоторых случаях частица *doch* может быть использована в восклицательных предложениях с вопросительным словом в первой позиции – особенности предложений данного типа, согласно М. Турмэр, состоят в том, что говорящий усиливает убедительность своего высказывания, в результате чего собеседник должен обязательно согласиться с ним [Thurmair 1989: 116]. Зачастую высказывания содержат слова оценочной семантики:

44) *Na das sind **doch** strahlend helle Sterne am Energiehimmel!* (DWDS)

В русском языке предложения данного типа содержат модальную частицу *же*:

45) *Согласитесь, это **же** буквально воплощение мечты, когда-то мы такое только в фильмах видели», – добавил он* (НКРЯ).

Предложения данного типа относятся к восклицательным не по форме, а по большей части по содержанию.

Негативную оценку могут содержать высказывания в немецком языке с частицей *mir*:

46) *Mann, du bist **mir** unheimlich! Wie kannst du in kürzester Zeit das rausfinden, was meine Familie in Jahren nicht schaffte* (DECOW 16A).

47) *Du bist **mir** ein feiner Freund!* (DECOW 16A).

Аналогичную ситуацию можно проследить и в высказываниях с местоимением *мне* в русском языке, которое по сути является частицей:

48) *Вот нашёлся мне тоже иждивенец* (НКРЯ).

49) *Мы все сами знаем. – Ой, нашёлся мне герой. На себя посмотри* (НКРЯ).

Частицы немецкого и русского языков усиливают экспрессивность высказываний, содержащих оценочные показатели. Без частиц высказывания были бы лишены эмотивности и в некоторых случаях это повлияло бы на их оценочную семантику.

Анализ фактического материала позволило выявить немецко-русские соответствия частиц в восклицательных высказываниях, что представлено в таблице 1.

Таблица 1. Немецкие и русские частицы в восклицательных предложениях

	Частицы в немецком языке	Частицы в русском языке
Восклицание-удивление	<i>Ja, aber, vielleicht, nur</i>	<i>ну, и, что за</i>
Восклицание-оценка	<i>doch, mir</i>	<i>мне, же</i>

Особенность восклицательных предложений с частицами состоит в том, что они всегда отражают позицию говорящего и всегда эмотивны.

Заключение

В статье были рассмотрены восклицательные предложения немецкого и русского языков, содержащие частицы. Показано, что соответствия в языках следует искать на уровне типа высказывания: существует определённый набор частиц, характерный для выражения удивления и для восклицания, содержащего оценочные маркеры. Выражение удивления в немецком языке может быть передано в предложениях с частицами *ja, aber, vielleicht, nur*, в русском языке – в предложениях с частицами *ну и, что за*.

Восклицательные предложения с оценочными маркерами содержат частицу *doch* и местоимение *mir* в функции частицы. В русском языке та же семантика передаётся в высказываниях с частицами *мне* и *же*. Восклицательные предложения с частицами всегда эмотивны и зачастую содержат слова с семантикой оценки.

Список литературы

1. Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен. М.: УРСС, 2010. 190 с.
2. Аверина А.В. К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 4–7.
3. Аверина А.В. Модальный синтаксис немецкого языка. М.: Изд-во «Московский государственный областной университет», 2019. 142 с.

4. Аверина А.В. Частицы как элементы коммуникативного взаимодействия в немецкоязычной среде: теория и практика: учебное пособие (магистратура). М.: Прометей, 2021. 196 с.
5. Аверина А.В. Частицы в немецком языке. М.: Изд-во «Московский государственный областной университет», 2022. 142 с.
6. Афанасьева А.А. Актуализация эмотивности в испанском миграционном дискурсе (на материале эмотивных каузативов и эмотивных декаузативов) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 4. С. 60–67.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 2010. 764 с.
8. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянских культур, 2013. 752 с.
9. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. 384 с.
10. Утехина А.Н. Повышение культурно-языковой информативности студентов // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 4. С. 23–30.
11. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
12. Шипова И.А. Эмоциональный синтаксис в немецкоязычном художественном дискурсе. Дисс. ... к. фил. н. М., 2005. 231 с.
13. Шустова С.В., Сюткина Н.П. Рацио и эмоцио в грамматике: эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциоанльное в языке и речи / Я.А. Манукян, Т.Г. Мегрелишвили, Л.М. Рязановский, Н.П. Сюткина, С.В. Шустова, Н.А. Трофимова. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2020. С. 73–168.
14. Шустова С.В., Журавлева Е.Р., Путина О.Н., Исаева Е.В. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты. Коллективная монография. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2020. 180 с.
15. Шустова С.В. Инструментальность и эмотивность в ситуации с глаголами *worherrn* / *worherrn* и их дериватами // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков имени В.Г. Гака. Сборник статей по итогам VI международной конференции. М.: Изд-во «Московский педагогический государственный университет», 2021. С. 511– 515.
16. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 707 S.
17. Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 244 S.
18. Coniglio M. Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 2009. S. 191–221.
19. Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 220 S.

20. Hentschel E. Funktion und Geschichte deutscher Partikeln. Ja, doch, halt und eben. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1986. 291 S.

21. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.

Материалы исследования

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2022 – 30.03.2022).

2. DECOW 16 A [Электронный ресурс] // URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 15.03.2022 – 30.03.2022).

3. DWDS [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.03.2022 – 30.03.2022).

Информация об авторе

*М.С. Панюкова – аспирант, кафедра германской филологии,
Московский государственный областной университет.*

Information about the author

*M.S. Panyukova – Graduate Student, Department of Germanic Philology,
Moscow State Regional University.*

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 50–57.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 50-57.

Научная статья

УДК 811.112.2

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВНОСТИ

Надежда Павловна Сюткина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,

nad975@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается нейтральная группа эмотивных каузативов в немецком языке. Эта группа представляет интерес, поскольку обладает рядом особенностей. В качестве основного критерия, который позволяет объединить глаголы в этот класс, выступает семантический принцип: актуализация общего каузативного значения, без указания сферы каузации и аксиологического знака. Соответственно, лексемы, относящиеся к этой группе, способны выражать как положительные, так и отрицательные эмоции в сфере каузации, в зависимости от дополнительных языковых средств. Контекстуальные средства помогают также дифференцировать именно эмотивное употребление данных единиц, поскольку ещё одной особенностью этой группы является тот факт, что эмотивное значение у этих лексем не является основным и требует дополнительных средств актуализации. К таким средствам относятся: указание на лицо, устойчивые метафорические сочетания, употребление в одном предложении синонимичного глагола, с функцией уточнения или интенсификации эмоции. Типичным средством интенсификации эмотивного компонента в ситуации с эмотивными каузативами является использование наречий и прилагательных, в том числе в сравнительной и превосходной степенях сравнения. Таким образом, спектр средств создания эмотивности в группе нейтральных эмотивных каузативов достаточно широк, и имеет целью не только фиксировать факт каузации эмоциональной модификации, но и выразить интенсивность эмоции.

Ключевые слова: каузативный глагол, эмотивный каузатив, категория каузативности, категория интенсивности, нейтральная группа эмотивных каузативов

Для цитирования: Сюткина Н.П. Способы создания эмотивности (на примере нейтральной группы эмотивных каузативов немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 50–57.

Original article

LINGUISTIC MEANS OF ACTUALIZATION OF EMOTIVITY

Nadezhda P. Syutkina

Perm State University, Perm, Russia, nad975@yandex.ru

Abstract. The article deals with the neutral group of emotive causatives in the German language. This group is of interest because it has a number of features. The main criterion that allows us to combine verbs into this class is the semantic principle: actualization of the general causative meaning, without specifying the sphere of causation and the axiological sign. Accordingly, lexemes belonging to this group are capable of expressing both positive and negative emotions in the sphere of causation, depending on additional linguistic means. Contextual means also help to differentiate precisely the emotive use of these units, since another feature of this group is the fact that the emotive meaning of these lexemes is not the main one and requires additional means of actualization. These means include: indicating a person, stable metaphorical combinations, the use of a synonymous verb in one sentence, with the function of clarifying or intensifying emotions. A typical means of intensifying the emotive component in a situation with emotive causatives is the use of adverbs and adjectives, including in the comparative and superlative degrees of comparison. Thus, the range of means for creating emotiveness in the group of neutral emotive causatives is quite wide, and is aimed not only at fixing the fact of causation of emotional modification, but also to express the intensity of emotion.

Keywords: causative verb, emotive causative, category of causativeness, category of intensity, neutral group of emotive causatives

For citation: Syutkina N.P. Linguistic means of actualization of emotivity. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:50-57. (In Russ.).

Введение

В фокусе нашего внимания находится категория каузативности в целом, а более конкретно, категория эмотивных каузативов. Каузативность мы рассматриваем как интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация различных сфер антропонимического характера: физической, перцептивной, психической и информативной сфер (о каузативности см. [Афанасьева 2021; Шустова 2021]). Эмоционально-модифицирующие глаголы содержат в своём семантическом потенциале значение модификации психического состояния. Эмоции являются важной частью психики человека и участвуют его деятельности, «в человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его акисологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том

числе и эмоциональные» [Шаховский 2008: 13–14]. Когнитивная функция эмоций проявляется в нескольких ролях: давать толчок к познанию, компенсировать недостаток знания, быть катализатором познавательного процесса [Шаховский 2009: 6]. «Проблема вербализации эмоций человека как *Homo sapiens* является в современной лингвистике тем исследовательским фокусом, в котором перекрещивается ряд её парадигм: коммуникативная, когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая, категоризационная и другие [Шаховский 2008: 24], поэтому эмоции интенсивно изучаются в лингвистике с самых разных сторон [Дымова 2019; Пиотровская 2015].

Мы рассматриваем класс языковых единиц – глаголы, объединённых значением модификации эмоционального состояния. Подобные глаголы представляют собой категориальный семантический комплекс [Архипова 2021, Сюткина 2019]. Эмотивные каузативы подразделяются на лексемы, актуализирующие положительный либо отрицательный эмоциональный тон, либо аксиологически нейтральное состояние [Шустова, Ошева 2015: 128]. В нашей статье внимание уделено группе нейтральных эмотивных каузативов, к функционально-семантическим особенностям которых относится тот факт, что эти глаголы (1) обладают широким семантическим потенциалом, (2) выступают в роли операторов каузативной связи. Кроме того, для них (3) не характерна синкретичность эмотивного и каузативного значений, в отличие от группы эмотивных каузативов, актуализирующих отрицательное или положительное эмоциональное состояние. Эмотивные значения эти глаголы приобретают, как правило, в функциональных структурах, в которых происходит распределение значений: глагол отвечает за каузативную, а именная группа – за эмотивную составляющую.

Основная часть

Семантическое поле нейтральных эмотивных каузативов было построено с помощью дефиниционно-синонимического анализа. За основу были взяты принцип частотности и степень синонимичности. Частотность определялась по данным корпуса Leipzig Corpora Collection. Семантическое поле каузативов модификации нейтрального эмоционального тона в немецком языке состоит из пяти зон. В ядерной части находятся глаголы *bewirken*, *hervorrufen*, *verursachen*, *wecken*, *erwecken*, к доминантной зоне также относятся лексемы *berühren*, *bewegen*, *auslösen*, в зоне ближней периферии – *schüren*, *bereiten*, *schaffen*, в зоне дальней периферии располагаются лексемы *rühren* und *beeindrucken*, а в зоне крайней периферии с наименьшей степенью синонимичности находятся глаголы *anstecken* и *stimmen* [Сюткина 2019: 124].

Рассмотрим каузативы, составляющие ядерную зону вышеуказанных семантических полей. По данным словарей лексемы имеют следующие значения:

schaffen – *nervös, müde machen; zur Verzweiflung bringen (DBW); hervorrufen, ins Leben rufen (Wahrig); jmdn. fertigmachen, stark erschöpfen, jmdm. die Nerven rauben; etw., jmd. verursacht jmdm. Schwierigkeiten, Mühe, Sorgen (dwds); entstehen, zustande kommen lassen; zustande bringen; sehr anstrengen, mitnehmen, erschöpfen (DO);*

bewegen – *innerlich in Anspruch nehmen, in jmdm., wirksam sein; ein Gefühl des Ergriffenseins (in jmdm.) wecken (DBW); jmdn. rühren, innerlich ergreifen, erregen; jmds. Gemüt beeindrucken (Wahrig); etw. bringt jmdn. aus seiner ruhigen Gemütslage (dwds); innerlich beschäftigen; erregen, ergreifen, rühren (DO);*

stimmen – *in eine bestimmte Stimmung versetzen (DBW); jmdn. in eine bestimmte Laune, Stimmung bringen (Wahrig); etw. versetzt jmdn. in eine heitere Stimmung (dwds); in eine bestimmte Stimmung versetzen (DO);*

bereiten – *mit dem, was man tut, bei einem anderen eine bestimmte Empfindung oder Ähnliches hervorrufen (DBW); verursachen, zuteilwerden lassen (Freude; Kummer, Schmerz) (Wahrig); jmdm. etw. zufügen (dwds); zuteilwerden lassen, zufügen (DO);*

verursachen – *die Ursache, der Urheber (von etwas nicht Beabsichtigtem) sein (DBW); die Ursache, der Grund für etw. sein; etwas bewirken (Wahrig); die Ursache von etw. sein, etw. bewirken (dwds); die Ursache, der Urheber von etwas sein; hervorrufen, bewirken (DO);*

auslösen – *als Wirkung, Reaktion hervorrufen (Überraschung, Freude) (DBW); veranlassen (Wirkung), in Gang setzen (Wahrig); etw. wirksam werden lassen, bewirken (dwds); hervorrufen, bewirken (DO);*

bewirken – *zur Folge haben; als Wirkung hervorbringen, hervorrufen (DBW); zustande bringen, hervorbringen, hervorrufen, herbeiführen, veranlassen (Wahrig); etw. herbeiführen, verursachen (dwds); verursachen, (als Wirkung) hervorbringen, veranlassen, hervorrufen, herbeiführen (DO);*

wecken – *etwas (in jmdm.) entstehen lassen (DBW); hervorrufen, wachrufen (Wahrig); etw. in jmdm. wachrufen, entstehen lassen, erregen (dwds); etwas [in jemandem] entstehen lassen (DO);*

beeindrucken – *starken Eindruck machen, nachhaltige Wirkung haben (auf jmdn.) (DBW); Eindruck auf jmdn. machen (Wahrig); Eindruck auf jmdn. machen, nachhaltig auf jmdn. wirken (dwds); auf jemanden einen starken Eindruck machen, eine nachhaltige Wirkung haben (DO);*

berühren – *auf bestimmte Weise auf jmdn. wirken; ein bestimmtes Gefühl in jmdm. wecken (DBW); Gefühle erwecken (Wahrig); jmdn. beeindrucken, bewegen (dwds); in bestimmter Weise auf jemanden wirken; jemanden beeindrucken (DO);*

rühren – (bei jmdm.) innere Erregung, Anteilnahme bewirken (DBW); Rührung, gefühlvolle Stimmung, Mitleid in jmdn. verursachen; jmds. Gemüt bewegen; jmdn. in weiche Stimmung versetzen (Wahrig); jmdn. innerlich bewegen, ergreifen (dwds); innerlich berühren, weich stimmen; Rührung bei jemandem bewirken (DO);

erwecken – erregen, wachrufen, hervorrufen (DBW); erregen, hervorrufen (Gefühle) (Wahrig); etw. erregen, wachrufen (dwds); erregen, wach-, hervorrufen (DO);

hervorrufen – bewirken, zur Folge haben (DBW); etwas verursachen, bewirken, ins Leben rufen (Wahrig); etw. verursachen, bewirken, auslösen (dwds); bewirken, zur Folge haben (DO);

schüren – (in jmdm.) etwas Negatives entstehen lassen, entfesseln (und steigern) (DBW); anfachen, vergrößern (Haß); etw. wecken, erwecken, erregen (dwds); (etwas [aus der Sicht des Sprechenden] Unerwünschtes, Negatives) anstacheln, entfachen, entfesseln [und steigern] (DO);

anstecken – sich übertragen; leicht auf andere übergehen (DBW); eine Stimmung auf jmdn. übertragen (Wahrig); eine Krankheit auf jmdn. übertragen, jmdn., sich infizieren (dwds); eine Krankheit auf jmdn. übertragen (DO).

Приведённые дефиниции показывают, что эту группу составляют глаголы, имеющие каузативное значение, которое в разных контекстах будет актуализировать модификацию разных сфер: физической, информативной, перцептивной и психической. Нас интересует модификация психической сферы – эмоционального состояния, что будет определено средой функционирования. Ряд глаголов, как свидетельствуют дефиниции, обладает только каузативным значением, для актуализации эмоции требуется именная группа (*verursachen, auslösen, bewirken, wecken, erwecken, bereiten*), остальные глаголы имплицитно содержат эмотивное значение и не всегда требуют конкретизации эмотивного компонента.

Рассмотрим более подробно способы создания эмотивной семантики в этой группе каузативов.

Эмотивность может создаваться с помощью номинаций, в частности, номинироваться может лицо (или группа лиц), на которое направлено действие, актуализируемое с помощью прямого дополнения: *Orfeo berührte und bewegte die Zuhörer, weil er ein Mensch war* (dwds); *Er hat viele Menschen bewegt und seine Musik tut es noch immer* (dwds); *Spielberg: Natürlich will ich das Publikum auch hier berühren und bewegen* (dwds).

Глаголы представленной группы отличает широкий семантический потенциал, при указании же лица – объекта каузации, этот широкий спектр значений сужается до эмотивных. «Градус» эмотивности в таких случаях наиболее низкий, речь идёт скорее о констатации возникновения эмоции, о том, что каузация эмоциональной модификации состоялась.

Большей экспрессивностью обладают структуры, в которых объект каузации актуализируется метафорами, называющими те части организма, которые, в представлении людей, связаны с эмоциями: сердце, ум, дух и т. п.

*Was **bewegt dein Herz**, wovon lässt du dich provozieren?* (dwds)

*In Potzlow und in Berlin **bewegt** das grausame Schicksal von Marinus Schöberl noch immer die **Gemüter*** (dwds).

*Es öffnet Augen und Ohren, **bewegt Herz und Hirn*** (dwds).

*In ihrem verzweifelten Selbstfindungsbemühen **bewegen** sie die **Herzen** und – mehr noch – die **Lachmuskeln*** (dwds).

*Die Raumstation MIR setzte Meilensteine in der Erkundung des Weltraums, sie **bewegte die Herzen** von Millionen, die mit den Kosmonauten fieberten* (dwds).

Еще одним приёмом создания эмотивности является употребление в одном предложении синонимичных глаголов данной группы, глаголы могут уточнять каузируемую эмоцию: *Was **erstaunen** und **sympathisch berühren** mag, ist der bildungsbürgerliche Grundton, der die Klage über Sprachverlust, Nivellierung der Kulturansprüche und Rückzug in den Privatismus untermalt* (dwds); *Mit ihm werden Menschen ausgezeichnet, die das Publikum durch ihre Leistung **bewegt, beeindruckt und begeistert** haben* (dwds).

Либо, при большей степени синонимичности глаголов, с помощью такого приема создается эффект большей интенсивности каузируемой эмоции: *Küsse, die uns 2004 **gerührt** oder **bewegt** haben* (dwds); *Sie informieren, **bewegen** und **rühren** mich gleichzeitig mit ihren Berichten* (dwds).

Следующий способ создания эмотивности – использование прилагательных. Их функция может состоять в уточнении эмоций, уточнении знака эмоций и интенсификации эмоции, если группа прилагательного включает интенсификатор. В качестве интенсификатора может выступать наречие, степени сравнения имени прилагательного.

*Und es **berührt ungemein sympathisch**, wie er, in jenem Gespräch mit Gaus, über sein Verhältnis zu dem Autor spricht* (dwds).

*Viele sind überzeugt, dass dies die Führer der arabischen Welt **stark beeindrucken** und dazu **bewegen** wird, ihre diktatorischen Ambitionen einzuschränken, die Menschenrechte zu achten und Demokratie zu fördern.*

*Es **berührt überaus sympathisch**, dass Borchardt sich davor hütet, die Bedeutung wirtschaftsgeschichtlicher Erkenntnisse für die Lösung aktueller Probleme zu überschätzen* (dwds).

*Niemand hat mich in meinem Leben menschlich **stärker bewegt** oder **tiefer beeindruckt** als Marion Dönhoff* (dwds).

Заключение

Анализ эмотивных каузативов, принадлежащих к нейтральной группе, показал, что мы имеем дело с каузативами, семантический потенциал которых достаточно широк, эмотивные значения являются, как правило, не основными у лексем этой группы. Требуются контекстуальные средства, которые помогают дифференцировать эмотивное употребление данных единиц. Так, например, указание лица, на которое направлено воздействие, уже создает сценарий каузации эмоциональной модификации, с минимальным прототипическим набором участников: каузатор и объект каузации. Воспринимаемая в рамках данного сценария ситуация позволяет реципиенту понимать, что речь идет именно о каузации эмоций, даже в том случае, если нет никаких других языковых средств, актуализирующих эмоции.

Таким образом, фиксируется сам факт каузации модификации эмоционального состояния. Для того, чтобы отразить дополнительные параметры когнитивного сценария эмотивной каузативной ситуации, используются дополнительные средства. К таким средствам относятся устойчивые метафорические сочетания (*Herz, Gemüter bewegen*), в которых метафора, обладая большей экспрессивной силой, создает эффект интенсификации эмоций. Созданию подобного эффекта служит также употребление в одном предложении синонимичного глагола, с функцией уточнения или интенсификации эмоции.

Типичным средством интенсификации эмотивного компонента в ситуации с эмотивными каузативами является использование наречий и прилагательных, в том числе, в сравнительной и превосходной степенях сравнения, в роли интенсификаторов. Данное средство активно используется с глаголами данной группы. Таким образом, спектр средств создания эмотивности в группе нейтральных эмотивных каузативов достаточно широк, и имеет целью не только фиксировать факт каузации эмоциональной модификации, но и выразить интенсивность эмоции.

Список литературы

1. Архипова И.В. Таксис и финальность: вопросы межкатегориальной связи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 4. С. 68–74.
2. Афанасьева А.А. Актуализация эмотивности в испанском миграционном дискурсе (на материале эмотивных каузативов и эмотивных декаузативов) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 4. С. 60–67.
3. Дымова А.В. Метафорическое моделирование психоэмоциональной нестабильности на основе цвета на иконическом уровне британского и американского рок-дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 11–16.

4. Пиотровская Л. А. Эмотивность, эмоциогенность, эмоциональность: язык, текст, человек (о категориальном аппарате эмотиологии) // К 150-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. С. 213–223.

5. Сюткина Н.П. Функционирование эмотивных каузативов (на материале русского и немецкого языков). Дисс. ... к. филол. н. Пермь. 2019. 239 с.

6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис. 2008. 416 с.

7. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: «Перемена». 2009. 170 с.

8. Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89.

9. Шустова С.В., Ошева Е.А. Актуализация эмоциональной модификации // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. Краснодар. Т. 7. 2015. № 1, С. 127–131.

Словари

1. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Band 10. Dudenverlag. Mannheim. Wien. Leipzig. 2010. 1152 p.

2. Duden-online. URL: www.duden.de (дата обращения: 14.06.2021).

3. dwds – Корпус немецкого языка (электронный словарь немецкого языка) – www.dwds.de

4. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. München: Bertelsmann Lexikon Verlag. Gütersloh, 2000. 1451 p.

Материалы исследования

1. Корпус немецкого языка (электронный словарь немецкого языка) – www.dwds.de

Список принятых обозначений и сокращений

1. DBW – Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 2010.

2. DO – Duden-online. Электронный словарь.

3. dwds – Корпус немецкого языка (электронный словарь).

4. Wahrig – Wahrig. Deutsches Wörterbuch. 2000.

Информация об авторе

Н.П. Сюткина – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

N.P. Syutkina – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Linguistic and Translation Department, Perm State University.

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 58–71.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 58-71.

Научная статья

УДК 398.91

КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ЕЁ ТРАНСЛЯЦИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Надежда Николаевна Меньшакова¹, Сергей Владимирович Поткин²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ mnesperanza@mail.ru

² sev208pot@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация категории таксиса в английских пословицах и её трансляция на русский язык. Исследуется понятие таксиса и изучаются основные положения функционально-семантической концепции. Объясняется процесс разделения функционально-семантического поля таксиса на микрополя зависимого и независимого таксиса. Анализируются отличительные структурно-семантические особенности при описании зависимого и независимого таксиса, выделяются основные уровни микрополей таксиса. Дается толкование понятия пословицы, изучаются и объясняются основные способы трансляции пословицы с английского языка на русский. Рассматриваются английские пословицы, в которых есть примеры репрезентаций таксисных отношений. Приводятся примеры грамматических конструкций, которые представляют определённый уровень в иерархической системе микрополей таксиса. Демонстрируются способы перевода на русский язык английских пословиц с таксисными отношениями. Сравняются функциональные особенности репрезентации грамматических единиц языка, которые содержат в себе предикативные компоненты, передающие таксисные отношения. Транслируются таксисные значения дистантного, контактного и прерываемого предшествования и следования, полной и неполной одновременности и разновременности действий, а также добавочные семантические признаки таксисных отношений в паремиях исходного и переводящего языка. Анализируются сходства и различия передачи таксисных значений с английского языка на русский. Исследуется частотность проявления конструкций, определяющих репрезентативность зависимого и независимого таксиса в английских пословицах.

Ключевые слова: категория таксиса, зависимый таксис, независимый таксис, таксисные отношения, таксисные значения, репрезентация категории таксиса, трансляция категории таксиса, таксис в английских пословицах, перевод пословиц

Для цитирования: Меньшакова Н.Н., Поткин С.В. Категория таксиса в английских пословицах и ее трансляция на русский язык // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 58–71.

Original article

TAXIS CATEGORY IN ENGLISH PROVERBS AND ITS TRANSMISSION INTO RUSSIAN

Nadezhda N. Menshakova¹, Sergei V. Potkin²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ mnesperanza@mail.ru

² sev208pot@mail.ru

Abstract. The article explores the representation of taxis in English proverbs and its transmission into Russian. The authors give the definition of taxis in the course of studying the main statements of the functional-semantic conception. The process of dividing the functional-semantic field of taxis into microfields of dependent and independent taxis is explained in the article. Distinctive structural and semantic features are analyzed in the description of dependent and independent taxis, the main levels of microfields of taxis are represented. The authors give a definition of proverb based on the research of paremiologists. The main ways of translating proverbs from English into Russian are studied and explained in the article. English proverbs, which have examples of representations of taxis relations, are explored. The authors give examples of grammatical constructions that represent a certain level in the hierarchical system of taxis microfields. Ways of translating English proverbs with taxis relations into Russian are demonstrated in the article. The authors compare the functional features of the representation of grammatical units of the language, which include predicative components that convey taxis relations. Taxis meanings of distant, contact and intermittent precedence and following, complete and incomplete simultaneity and diversity of actions, as well as additional semantic signs of taxis relations are transmitted in proverbs from English into Russian. The authors also analyze similarities and differences of taxis meanings in the transmitting from English into Russian. The frequency of structures that define the representativeness of dependent and independent taxis in English proverbs is explored.

Keywords: taxis, dependent taxis, independent taxis, taxis relations, taxis meanings, representation of taxis, transmission of taxis, taxis in English proverbs, translation of proverbs

For citation: Menshakova N.N., Potkin S.V. Taxis category in English proverbs and its broadcast into Russian. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:58-71. (In Russ.).

Введение

Статья посвящена изучению таксиса как функционально-семантической категории в английских пословицах и трансляции данной категории на русский язык. Актуальность работы объясняется соответствием темы современной научной парадигме, в которой таксис рассматривается как функционально-семантическая категория, имеющая грамматические и семантические особенности, а также характеризуется малой степенью изученности репрезентации таксисных отношений в английских пословицах. При работе с материалом были использованы описательный, дедуктивный эвристический, структурный методы исследования, а также метод контекстуального анализа. Материалом анализа исследования являются пословицы, источником которых послужил словарь *Concise Dictionary of Proverbs* [Concise Dictionary of Proverbs 2003]. Пословицы для анализа отбирались методикой целенаправленной выборки на основании наличия в них средств репрезентации категории таксиса. Теоретической базой для исследования пословиц являются работы отечественных и зарубежных лингвистов и паремиологов [Алефиренко, Семенов 2017; Виноградов 2001; Даль 1984; Меньшакова 2020; 2021; Мокиенко 2009; 2010; Mieder 1996; Mieder, Litovkina 2006]. Теоретической основой изучения грамматической категории таксиса являются работы отечественных лингвистов [Архипова 2017, 2019, 2020; Арсланов 2015; Бондарко 1984, 1999, 2015, 2017; Кудинова 2008, 2014; Ляшенко 2007, 2019; Маслов 1978; Муравьев 2017; Храковский 2003, 2009; Якобсон 1972].

В данной работе под пословицей понимается логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл, план выражения и план содержания и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией. Специфика перевода пословиц с иностранного языка на русский отражена в работах В.В. Виноградова [Виноградов 2001: 206]. Исследователь выделил несколько основных способов перевода пословиц: 1) подбор эквивалентов на исходном и переводящем языках, которые полностью идентичны в семантике и стилистической окраске; 2) подбор аналога. Аналоговые пословицы содержат в себе одинаковый смысл, но имеют разную образность; 3) буквальный перевод с сохранением семантики и специфики выражения. В переводящем языке могут отсутствовать как эквиваленты, так и аналоги тех пословиц, которые существуют в исходном языке. Чтобы каким-то образом перевести пословицы на другой язык, переводчики используют буквальный (авторский) перевод с сохранением значения и особенностей экспрессивной оценки. В данной работе при выборе способов перевода пословиц путём подбора аналогов и эквивалентов в русском языке был использован словарь В.И. Даля [Даль 1984].

Основная часть

Термин «таксис» вошел в научный оборот отечественных лингвистов во второй половине XX в., благодаря научной работе Р.О. Якобсона, в которой ученый изучил таксис как грамматическую категорию [Якобсон 1972]. Со временем знания о таксисе значительно расширились. Лингвисты, опираясь на функционально-семантическую концепцию А.В. Бондарко, стали рассматривать таксис как функционально-семантическое поле (далее – ФСП) [Бондарко 1984, 1999, 2015, 2017]. По мнению А.В. Бондарко, таксис – это ФСП, которое содержит морфологическую, синтаксическую и лексическую особенности, выражающие отношение между действиями в рамках единого временного периода и целостного высказывания, а также имеет аспектуальную характеристику временной соотнесенности действий и возможность взаимодействия с элементами условия, уступки, цели, причины и следствия [Бондарко 2015: 29–30]. Теоретическими основаниями анализа таксиса в данной статье выступили труды В.Ш. Арсланова и В.С. Храковского [Арсланов 2015; Храковский 2009].

Лингвисты различают таксис зависимый и независимый. Сфера зависимого таксиса характеризует временные отношения при помощи действий, первое из которых является главным, а второе выступает в качестве сопутствующего. Сфера независимого таксиса показывает временные отношения между действиями, в которых не предполагается их четкое разделение на главное и сопутствующее, хотя неполная равноправность элементов и прослеживается, но без формального грамматического выражения [Ляшенко 2007: 6]. В английском языке ФСП таксиса полицентрическое. Оно включает в себя микрополя зависимого и независимого таксиса, в составе которых выделяются центральные и периферийные компоненты, куда входят такие уровни, как ядро, околоядерная зона, ближняя и дальняя периферии [Ляшенко 2007: 10].

Зависимый таксис достаточно широко представлен в пословицах английского языка. Далее подробно рассмотрим английские пословицы с отношениями зависимого таксиса, проанализируем их семантику, специфику репрезентации таксиса, и подберём наиболее адекватные способы перевода пословиц на русский язык. Главный компонент в пословице с категорией таксиса выделим *жирным* шрифтом, зависимый – *подчеркиванием*.

Первой конструкцией, входящей в ядерную зону проявления микрополя зависимого таксиса, является причастный комплекс или отдельное причастие. Рассмотрим ряд пословиц с зависимым таксисом, проанализируем особенности таксисных отношений в них, проанализируем специфику таксисных значений и продемонстрируем способы перевода пословиц на русский язык.

1) *There is many a good cock come out of a tattered bag*. Данная пословица представляет собой осложнённоподчиненное предложение (в дальнейшем ОПП) с атрибутивным осложнением. В ней мы рассматриваем таксисные отношения контактного следования. Добавочный компонент *come out*, выраженный Participle II, характеризуется законченностью действия, которое влияет на семантику главного предиката *is*. Буквальное значение высказывания состоит в следующем: *после того как петухи вылезают из рваного мешка, только тогда они хорошие*. Пословица имеет аналог в русском языке: **Встречают по одежке, а провожают по уму**. В русской паремии мы видим репрезентацию отношений независимого таксиса со значением контактного следования. Структура таксисных отношений разная, а таксисные функции одинаковые.

2) *A barking dog never bites*. В данной паремии фиксируются таксисные отношения, которые характеризуются неполной одновременностью, то есть главный предикат *bites* воспринимается как краткое действие, происходящее на фоне второстепенного длительного *barking*, выраженного Participle I. Пословица является ОПП с атрибутивным осложнением. В русском языке имеется эквивалент данной пословицы: *Не всякая собака кусает, которая лает*. Таксисные отношения и значение в русской пословице полностью совпадают с таксисной спецификой в английской.

3) *A whistling woman and a crowing hen are neither fit for God nor men*. В этой пословице мы рассматриваем таксисные отношения полной одновременности, с дополнительной семантикой псевдодновременности. Псевдодновременность – это совмещенность значений предикатов, один из которых представляет конкретное действие, а другой – его характеристику [Бондарко 2001: 254]. Действия происходят одновременно, однако главный предикат *are fit* является оценочным по отношению к добавочным компонентам *whistling* и *crowing*, которые выражены Participle I, что вносит дополнительный оттенок в семантику высказывания. Паремия представляет собой ОПП с атрибутивным осложнением. Пословица имеет аналог в русском языке: *Женщине неприлично свистеть, а курице кукарекать*. В этом высказывании не наблюдается таксисных отношений, так как оба предиката выражены инфинитивами.

Следующей конструкцией, которая входит в ядерную зону микрополя зависимого таксиса, выступает герундиальный комплекс. Разберём ряд примеров таксисных отношений и обозначим специфику трансляции таксисных значений.

1) *The sun loses nothing by shining into a puddle*. Данная паремия демонстрирует таксисные отношения полной одновременности, в которых действия одинаково продолжительны. Высказывание представляет собой ОПП с адвербиальным осложнением.

Процесс перевода пословицы осуществляется через буквальный перевод без нарушения семантики и восприятия, так как аналогов и эквивалентов данного речения в русском языке нет. Буквальный перевод сохраняет семантические и экспрессивные особенности паремии: *Солнце ничего не теряет, когда светит на лужу*. Таксисные отношения и значение в этом высказывании полностью совпадают с таксисной спецификой в английской пословице.

2) *Genius is an infinite capacity for taking pains*. В пословице мы рассматриваем таксисные отношения со значением полной одновременности. Пословица имеет аналог в русском языке: *Гений есть не что иное, как дар огромного терпения*. Таксисные отношения не фиксируются, так как представлена всего одна глагольная форма.

3) *It is ill sitting at Rome and striving with the Pope*. В пословице представлены таксисные отношения полной одновременности, с дополнительной семантикой псевдодновременности. Её передаёт именной предикат *is ill*, который является оценочным относительно зависимым герундиальным комплексам *sitting at Rome* и *striving with the Pope*. Паремия представляет собой ОПП с адвербиальным осложнением. Пословица имеет аналог в русском языке: *Не плюй в колодец, пригодится воды напиться*. В этой пословице представлены отношения независимого таксиса со значением следования. Таксисные отношения и функции разные.

Изучим репрезентацию зависимого таксиса на уровне околядерной зоны, представленной инфинитивным комплексом.

1) *Don't go near the water until you learn how to swim*. Во второй части паремии мы обнаруживаем таксисные отношения дистантного следования, при котором важно учитывать временной промежуток между действиями. Перевод пословицы осуществляется путём подбора аналога, представленного русской поговоркой. *Не лезь поперёд батьки в пекло*. Таксисные отношения не фиксируются.

2) *It takes all sorts to make a world*. В паремии мы имеем дело с таксисными отношениями, характеризующими контактное следование. Пословица имеет аналог в русском языке: *На вкус, на цвет товарищей нет*. Таксисные отношения в высказывании не фиксируются.

3) *Promises, like piecrust, are made to be broken*. Пословица содержит таксисные отношения со значением контактного следования. Буквальная семантика: *как обещания уже сделаны, значит, можно ломать*. Эквивалент в русском языке: *Обещания что корка от пирога: их на то и пекут, чтобы потом ломать*. В этом речении представлены отношения независимого таксиса со значением дистантного следования. В этом случае дистанцию (временной промежуток) передаёт лексема «потом».

Приступим к изучению ближней периферии микрополя зависимого таксиса, которое выражается девербативами. Исследуем таксисные отношения и специфику перевода паремии *After dinner rest a while, after supper walk a mile*. Таксисные отношения в обеих частях пословицы строятся на дистантном имплицитно выраженном следовании со строгим порядком семантики действий, первое из которых выступает в качестве девербатива с временным предлогом, а следующее выражается основным предикатом. Пословица имеет в русском языке следубщий эквивалент: *После обеда **отдыхай**, а после ужина побольше гуляй*. Таксисные отношения и функции одинаковы. Также находим в данной зоне компрессированные абсолютные конструкции, где предикация характеризуется имплицитностью. Рассмотрим особенности таксисных отношений и специфику перевода пословиц.

1) *Nothing – so bad but it **might have been** worse*. В пословице нет основного предиката, но он легко восполняется: *nothing is so bad...* Таксисные отношения выражают полную одновременность. Пословица имеет эквивалент в русском языке: *Беда бедой беду **затыкает***. Таксисные отношения не фиксируются.

Исследуем репрезентацию зависимого таксиса в зоне дальней периферии, которая представлена словосочетаниями с предлогами невременной семантики, где выражение одновременности действий характеризуется имплицитностью.

*You **cannot make** an omelette without breaking eggs*. В пословице демонстрируются таксисные отношения, в которых полная одновременность действий выражена имплицитно из-за невременного предлога *without*. Мы рассматриваем такое речение как ОПП с адвербиальным осложнением. Паремия имеет аналог в русском языке: *Лес **рубят** – щепки **летят***. В русской пословице представлены отношения независимого таксиса со значением следования.

Отношения независимого таксиса включают множество примеров проявления в паремиях английского языка. Мы проанализируем такие пословицы, рассмотрим типы репрезентации отношений этой сферы, исследуем значение таксиса, а также продемонстрируем способы перевода найденных нами паремий на русский язык. Так как предикаты грамматически равноправны, то мы их выделяем **жирным** шрифтом. В центральную зону проявления микрополя зависимого таксиса входят сложноподчиненные предложения (далее – СПП) с придаточным времени и соотношением видовременных форм предикатов. Изучим пословицы и проанализируем особенности отношений таксиса, а также продемонстрируем способы трансляции паремий.

1) *When poverty comes in at the door, love flies out of the window.* Данная паремия обладает таксисными отношениями полной одновременности действий, где оба предиката выражены the Present Simple Tense. Паремия имеет аналог в русском языке: *Хорош Мартын, когда есть алтын, худ Роман, когда пуст карман.* В этом речении видим несколько видов таксисных отношений, значение которых совпадают с таксисной функцией предикатов в английской пословице.

2) *It is merry in hall when beards wag all.* В пословице также наблюдаются таксисные отношения полной одновременности, главный и второстепенный компоненты употреблены во времени the Present Simple. В русском языке имеется аналог пословицы: *В хорошем житье кудри вьются.* Таксисные отношения отсутствуют.

3) *When one door shuts, another opens.* Таксисные отношения характеризуются полной одновременностью, где предикаты выражены the Present Simple Tense. В русском языке аналогом является поговорка: *Свет не клином сошелся.* Таксисные отношения в ней отсутствуют.

Следующим компонентом, входящим в ядерную зону, являются предложения с однородными сказуемыми, где одинаково важны последовательность действий и соотношение видовременных форм предикатов.

1) *Hear all, see all, say nowt.* Данная паремия характеризуется наличием таксисных отношений со значением дистантного следования. Все сказуемые употреблены в повелительном наклонении. Эквивалент в русском языке: *Меньше говори, больше слушай.* Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

2) *What goes around comes around.* Таксисные отношения, представленные в пословице, выражают контактного следования. Оба предиката выражаются the Present Simple Tense. В русском языке имеется аналог пословицы: *Что посеешь, то и пожнешь.* Таксисные отношения и значение одинаково репрезентированы в обоих случаях.

3) *What is got over the Devil's back is spent under his belly.* В паремии мы наблюдаем таксисные отношения, характеризующие контактное следование. Все сказуемые употреблены в Passive voice во времени the Present Simple. Имеется аналог пословицы: *Пришло махом, ушло прахом.* Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

Рассмотрим таксисные отношения на уровне околядерной зоны и подберем способы трансляции паремий. Проанализируем СПП, включающие определительное придаточное.

1) *He, who excuses, accuses himself.* Здесь представлены таксисные отношения полной одновременности. Глаголы выражены the Present Simple Tense. Русский аналог: *Обвинениям в адрес самого себя всегда верят, самовосхвалению – никогда.* Таксисные отношения не фиксируются.

2) *All things come to those who wait.* В паремии наблюдаются таксисные отношения дистантного предшествования; оба предиката находятся во временной форме the Present Simple. Эквивалентом для пословицы может стать следующий: *Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать.* Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

3) *All that glitters is not gold.* В пословице рассматриваются таксисные отношения с семантикой контактного предшествования; сказуемые употреблены в the Present Simple Tense, второе дополнительно осложнено именованным компонентом. Переведем паремию с помощью эквивалента: *Не всё то золото, что блестит.* Таксисные значение совпадают.

Изучим специфику следующей конструкции, находящейся в околоядерной зоне, которая представлена СПП с дополнительным придаточным. *Be what you would seem to be.* В предложении рассматриваются таксисные отношения полной одновременности действий: первый предикат выражен повелительной формой, второй – составным сказуемым с модальным глаголом. Пословицу переводим с помощью русского аналога: *И будь без хвоста да не кажись кургуз.* Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

Исследуем конструкции ближней периферии микрополя независимого таксиса, которое выражается СПП с придаточными условия. По названию второстепенного компонента мы определяем, что во всех пословицах таксисные отношения репрезентированы с дополнительной семантикой условия.

1) *If you don't speculate, you can't accumulate.* Первый предикат представлен в форме the Present Simple Tense, второй – модальным глаголом с инфинитивом без *to*. Таксисная функция характеризуется строгой одновременностью действий. Пословица имеет аналог в русском языке: *Кто не рискует, тот не пьет шампанское.* Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

2) *If you don't like the heat, get out of the kitchen.* Оба сказуемых выражены the Present Simple Tense. В пословице представлены таксисные отношения со значением контактного следования. Аналог в русском языке: *Волков бояться – в лес не ходить.* Таксисные значения совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

3) *If you want something done, ask a busy person.* В предложении представлены таксисные отношения со значением контактного следования. Первый предикат – составное сказуемое, которое представлено каузативной формой (Causative form), второй – глагол в повелительном наклонении. Предложение имеет прямое значение, аналогов и эквивалентов в русском у него нет, поэтому используем буквальный перевод с сохранением семантических и экспрессивных особенностей: *Если хочешь получить результат, попроси занятого человека.* Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской поговорке.

Следующей конструкцией, представленной в зоне ближней периферии, является СПП с придаточным причины или следствия.

1) *As you make your bed, so you must lie upon it.* В поговорке наблюдаются таксисные отношения, характеризующие контактного следования с дополнительной семантикой причины. Первый предикат выражен the Present Simple Tense, второй – модальным глаголом и инфинитивом без *to*. Поговорка имеет в русском языке эквивалент: *Как постелешь, так и поспишь.* Таксисные значения совпадают со спецификой, представленной в английской поговорке.

2) *Because a man is born in a stable that does not make him a horse.* В предложении представлены таксисные отношения со значением полной одновременности и с дополнительной семантикой следствия. Первое сказуемое является структурой Passive voice во времени the Present Simple, второй предикат представляет собой составное именное сказуемое в той же временной форме. Значение поговорки прямое. Из-за отсутствия аналогов и эквивалентов в русском языке, перевести её необходимо буквально, сохраняя семантику и план выражения. *Из-за того что человек рождается в конюшне, он не становится лошадью.* Таксисные значения в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской поговорке.

3) *As the day lengthens, so the cold strengthens.* В предложении рассматриваются таксисные отношения со значением полной одновременности с дополнительной семантикой причины. Оба предиката выражены формами the Present Simple Tense. В русском языке имеется аналог поговорки: *Тяни лямку, пока не выкопают ямку.* Таксисные значения совпадают со спецификой, представленной в английской поговорке.

Изучим дальнюю периферию, которая представлена СПП с придаточными цели, уступки, места, сравнения и проанализируем таксисные отношения.

1) *Fools rush in where angels fear to tread.* В предложении представлены таксисные отношения со значением полной одновременности и дополнительной семантикой места

действий. Первый предикат – глагол в the Present Simple, второй – составное сказуемое, включающее инфинитив с *to*. Русский аналог: *Дуракам закон не писан*. Таксисные отношения не фиксируются.

2) *The higher the monkey climbs the more he shows his tail*. Таксисные отношения в паремии выражают значение полной одновременности с дополнительной семантикой сравнения. Оба предиката выражены the Present Simple Tense, но второй является составным именным сказуемым. Необходим буквальный перевод этой паремии с сохранением семантики и специфики выражения, так как аналогов и эквивалентов в русском языке нет. Определим значение пословицы: в высказывании говорится о человеке, недостатки которого становятся очевиднее, чем выше становится его статус. Считаем, что буквальный перевод сохраняет семантические и эмоционально-экспрессивные особенности: *Чем выше обезьяна взбирается на дерево, тем лучше видно её хвост*. Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

3) *A sow may whistle, though it has an ill mouth for it*. В паремии рассматриваются таксисные отношения со значением строгой одновременности с дополнительной семантикой уступки. Первое сказуемое представлено в виде модального глагола и инфинитива без *to*, второй – составным именным сказуемым во времени the Present Simple. Русский аналог: *Не умеешь шить, так не пори*. Таксисные отношения и значение в этом выражении совпадают со спецификой, представленной в английской паремии.

Заключение

При изучении пословиц с зависимым таксисом выяснилось, что причастный комплекс – это основной способ репрезентации этой сферы. Герундиальный компонент занял второе место по частотности. Инфинитивные конструкции были представлены в английских пословицах не так часто, как вышеперечисленные конструкции.

Меньше всего примеров зависимого таксиса с девербативами, с компрессированными абсолютными конструкциями и словосочетаний с предлогами невременной семантики, где выражение одновременности действий характеризуется имплицитностью. При изучении материала компрессированные придаточные предложения в составе СПП в пословицах английского языка не были обнаружены.

Частотными конструкциями, представляющими такую сферу, стали СПП с определительными придаточными. Часто независимый таксис репрезентировался в СПП с придаточными времени, условия, причины и следствия. Третье место заняли предложения с

однородными сказуемыми и СПП с придаточными цели, уступки, места, сравнения. Независимый таксис редко встречается в СПП с дополнительным придаточным.

Однако следует отметить, что частотность проявления конструкций различается не сильно. План выражения независимого таксиса в паремиях английского языка намного шире плана независимого, так как большинство английских пословиц представляют собой сложные предложения, то есть имеют грамматически равноправную полипредикативную структуру. Сопоставление специфики таксисных отношений в паремиях русского и английского языков продемонстрировало, что при переводе особенности репрезентации таксиса могут как сохраняться, так и нивелироваться, исчезать.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы во фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты. Монография. Владимир: Изд-во «Владимирский государственный университет», 2017. С. 14–53.
2. Арсланов В.Ш. Зависимый таксис в осложненноподчиненных предложениях английского языка // Вопросы теории и практики. 2015. № 11. С. 31–35.
3. Архипова И.В. Категория таксиса в лингвистике (на материале немецких высказываний с предложными девербативами) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2017. № 4. С. 196–205.
4. Архипова И.В. Функционально-семантическая категория таксиса в отечественной лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4. С. 59–66.
5. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020. 173 с.
6. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 134 с.
7. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация времени. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 1999. 258 с.
8. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 242 с.
9. Бондарко А.В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М.Д. Воейкова, Е.Г. Сосновцева. СПб.: Наука, 2015. С. 21–36.
10. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): учебное пособие. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984. 383 с.

12. Кудинова Н.Л. Средства выражения категории таксиса в англоязычном дискурсе. Автореф. ... к. филол. н. Пятигорск., 2008. 22 с.
13. Кудинова Н.Л. Категориальная принадлежность таксиса в английском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 85–88.
14. Ляшенко Н.А. Функционально-семантическое поле таксиса в современном английском языке. Автореф. ... к. филол. н. М., 2007. 27 с.
15. Ляшенко Н.А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. 2019. С. 32–57.
16. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во «Ленинградский государственный университет», 1978. С. 4–44.
17. Меньшакова Н.Н. Проблемы таксономии в паремиологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 2. С. 26–37.
18. Меньшакова Н.Н. Пословица *icastigame mi madre, у yo trompogelas!* и особенности ее перевода на русский язык (по роману м. Сервантеса «Дон Кихот») // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 2. С. 67–77.
19. Мокиенко В.М. Этимологический анализ новой славянской фразеологии // *Studia Etymologica Brunensia*. 2009. № 6. С. 247–259.
20. Мокиенко В.М. Предисловие // Большой словарь русских пословиц (Около 70 000 пословиц). Сост.: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. М.: ОЛМА Медия Групп, 2010. С. 4–9.
21. Муравьев Н.А. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология. Автореф. ... к. филол. н. М., 2017. 22 с.
22. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.
23. Храковский В.С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
24. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский язык // Принципы типологического анализа языков различного строя. Сборник статей / сост. и предисл. О.Г. Ревзиной. М.: Наука, 1972. С. 95–114.
25. *Concise Oxford Dictionary of Proverbs* / ed. By Simpson J., Speake J. Oxford University Press. 2003, 364 с.
26. Mieder W. *Los refranes meterológicos. Paremia*, 5. Madrid, 1996.
27. Mieder W., Litovkina A.T. *Old proverbs never die, they just diversify: A collection of anti-proverbs*. Burlington. Veszprém, 2006. 396 p.

Информация об авторах

Н.Н. Меньшакова – кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

С.В. Поткин – студент, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N.N. Menshakova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Linguistic and Translation Department,
Perm State University;

S.V. Potkin – Student, Linguistic and Translation Department,
Perm State University.

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 72–79.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 72-79.

Научная статья

УДК 81'42

ГОРОДСКАЯ РЕКЛАМА ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Елена Петровна Карзенкова¹, Тань Юньсяо²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ karzenkova_e@mail.ru

² Шаньдунский женский университет, Цзинань, Китай

Аннотация. Реклама стала частью современной культуры, хотим мы этого или не хотим. Она интересует сейчас не только её создателей, но и учёных, которые всерьёз занялись её анализом. Анализируется реклама и с точки зрения её эффективности (это интересует скорее маркетологов), и с точки зрения тех «побочных» проблем, которые связаны с её размещением, с повторяемостью, запоминаемостью, эстетичностью и другими качествами. Реклама товаров, услуг, социальная реклама заполняют собой не только Интернет-пространство, но и ономастическое пространство любого современного города. *Ономастическое пространство* (термин В.Н. Топорова) в качестве термина и в качестве способа познания культур существует со второй половины XX в., не переставая быть актуальным. Авторы статьи знакомят читателя с описанием принципов и проблем, которые видят китайские исследователи рекламы в их стране. Проблемы, связанные с расположением рекламы в китайском городском пространстве, и рассматриваются в данной работе. Китайские города, как и российские, европейские или американские просто «окупировала» наружная реклама. Проблемы, связанные с размещением в ономастическом пространстве китайского города – эстетические, коммерческие, «идейные» – так или иначе отражены в представленной статье. Описание «проблем рекламы» в китайских городах помогает лучше понять язык современного города как весьма сложный лингвистический, лингвосоциальный и лингвокультурологический феномен. В статье приводится обзор теоретических исследований на китайском языке, посвящённых вопросам рекламы в городском пространстве. В ходе исследования авторами был произведён перевод исследований по вопросам рекламы с китайского языка на русский.

Ключевые слова: ономастическое пространство города, наружная реклама, китайские исследования, Цзинань, Китай.

Для цитирования: Карзенкова Е.П., Тань Юньсяо. Городская наружная реклама глазами китайских исследователей // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 72–79.

Original article

URBAN ADVERTISING THROUGH THE EYES OF CHINESE RESEARCHERS

Elena P. Karzenkova¹, Yunxiao Tan²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ karzenkova_e@mail.ru

² Shandong Women's University, China, Jinan

Abstract. Advertising has become a part of modern culture, whether we want it or not. It is of interest now not only to its creators, but also to scientists who are seriously engaged in its analysis. Advertising is also being investigated from the point of view of its effectiveness – marketing is more interested in this. It is also studied from the point of view of those "side" problems that are associated with its placement, with repeatability, memorability, aesthetics and other qualities. Advertising of goods, services, social advertising fill not only the Internet space, television programs, but also the "onomastic space" (the term V.N. Toporova) of any modern city. The authors of this article introduce the reader to the description of the principles and problems that Chinese advertising researchers see in their country. The problems associated with the location of advertising in the Chinese urban space are considered in this paper. Chinese cities, as well as Russian, European or American ones, were simply "occupied" by outdoor advertising. The problems of its placement in the space of a modern Chinese city – aesthetic, commercial, "ideological" – are somehow reflected in the presented article. The description of the "problems of advertising" in Chinese cities helps to better understand the language of a modern city as a very complex linguistic, linguosocial and linguocultural phenomenon. The article provides an overview of research in Chinese on advertising in urban space. The translation of works from Chinese into Russian was carried out by the authors of this article.

Keywords: onomastic space of the city, outdoor advertising, chinese studies, Jinan, China

For citation: Karzenkova E.P., Yunxiao Tan. Urban advertising through the eyes of Chinese researchers. Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 72-79. (In Russ.).

Введение

Россия была центром притяжения внимания разных народов, каким остаётся и сейчас. Китай неизменно привлекает к себе внимание других народов. Взаимоотношения России и Китая сегодня становятся всё более тесными как в экономической сфере, так и в культурной. Пермский государственный национальный исследовательский университет и Шаньдунский женский университет сотрудничают уже многие годы, студенты из Китая получают два диплома. Русские студенты получают диплом о высшем образовании по направлениям

«Русский язык как иностранный: русско-китайские коммуникации» и «Русский язык как иностранный и китайский язык», стажироваться в Китае. Обсуждение лингвокультуроведческих, лингвострановедческих проблем является неотъемлемой частью процесса обучения граждан России и граждан Китая на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Язык современного города – сложный лингвистический, лингвосоциальный и лингвокультурологический объект – исследуют как российские [Вежбицкая 2001, 2001а; Ерофеева 2012; Шмелёва 1994; Шустова 2019; Шустова, Платонова 2016, 2017, 2017а], так и китайские учёные [Чжан Чунься 2011; Ван Чжаося 2002 и другие].

Реклама, рекламные материалы являются заметной частью ономастического пространства города [Топоров 1962, 1969]. То, как реклама вписывается в ономастическое пространство города, в какой-то степени ей удаётся влиять на систему взглядов, принципы существования в нём человека, зависит, в частности, от частой повторяемости её «сюжетов». Поскольку реклама способна оказывать воздействие на состояние человека, эмоциональное и информационное [Шустова 2019: 160], постоянно привлекая внимание и напоминая о себе, от её уровня зависит, в чём удастся, а в чём не удастся убедить (переубедить) современного горожанина. Как показывает практика, рекламные материалы в чём-то ограничивают человека и язык, а в чём-то, может быть, и способствуют их развитию.

Основная часть

Китайские учёные и практики исследуют рекламу и проблемы, связанные с ней. В частности, Ван Чжаося в своей книге «Исследования тенденций развития городской рекламы и эстетики дизайна в будущем» говорит о том, что существует несколько основных направлений развития городской рекламной деятельности. Ван Чжаося считает, что «реклама – основная сила для создания и продвижения городского имиджа» и что «Интернет-реклама неизбежно станет основной формой рекламы в будущем» [Ван Чжаося 2002: 43]. При этом автор замечает, что реклама не только не утратит своих позиций, но и укрепит их [там же].

Ли Ци останавливает своё внимание на расположении рекламной информации в городе и на том, что «необходимо каждый бренд сделать нематериальным активом города», а также рекомендует использовать рекламу как средства коммуникации для целевого маркетинга» [Ли Ци 2019: 11]. Наружная реклама – ещё один элемент, который может украсить внешний вид любого города. Этому уделяется внимание в исследованиях, наружная реклама так или иначе «формирует городской пейзаж»; это касается «наружной визуальной рекламы» [Ван Чжаося 2002: 37–38].

Наружная визуальная реклама в Китае, как и в России, включает в себя уличные знаки, световые короба, растяжки, неоновые огни, витрины магазинов, электронные экраны, рекламу на стенах зданий, на транспортных средствах, на летающих объектах, на крышах домов и т.д. Вань Чжаося считает, если «реклама является неотъемлемой частью современных городов и городов в будущем», то она должна быть такой, чтоб создавать городскую «имиджевую систему» [Вань Чжаося 2002].

Вся «городская имидж-система» и «городская реклама», представляют собой «своего рода визуальную коммуникацию» [там же], то есть способ взаимодействия пространства города с его жителями и с его гостями. Кроме того, Ван Чжаося упоминает в своём исследовании различные объекты для размещения рекламы – телебашня «Восточная жемчужина» в Шанхае, «Запретный город» в Пекине, «Эйфелева башня» во Франции и другие – а также пишет о том, что городское озеленение, парки и наружная реклама могут образовать уникальный городской ландшафтный феномен, что не всегда получается [там же].

Чжоу Мэйтин и Ли Мэйся в своей статье «Основные моменты управления размещением наружной рекламы в городах» говорят о статусе наружной рекламы в главном городском районе города Цзинань [Чжоу Мэйтин, Ли Мэйся 2021: 106]. Исследователи замечают, что «с развитием основного городского района Цзинань количество наружной рекламы и противоречия между городским пространством и ландшафтом только увеличивается» [там же].

Возникает несоответствие между привычным стилем Цзинаня – как города с многовековой историей и особыми культурными традициями – и некоторыми объектами наружной рекламы, которые «разрушают стиль Цзинаня» [там же]. Как отмечают китайские исследователи, при установке рекламных объектов часто вовсе «не учитываются особенности окружающей среды», ландшафта города, что приводит к дисгармонии и к «искажению» лица города. Так, например, озеро Дамин является символом чистой родниковой воды в Цзинане и представляет собой объект исторической и культурной ценности, однако там расположена наружная реклама весьма «модернового» дизайна с «прыгающим цветом» (пестротой цветов), которая нарушает естественную красоту природного ландшафта, является помехой для восприятия естественной красоты озера [Чжоу Мэйтин, Ли Мэйся 2014: 106].

По мнению Чжэн Сяоди, образ города – важная часть, так называемой, «мягкой силы» городского развития и нематериальный актив города. Если мы хотим повысить конкурентоспособность и укрепить репутацию города, как пишет автор, необходимо более точно определять места для расположения рекламы, индивидуальные характеристики

каждого конкретного города и – как следствие этих усилий – «создать бренд города» [Чжэн Сяоди 2013: 97]. При этом, как указывает исследователь, «необходимо использовать различные рекламные стратегии для повышения эффективности и актуальности распространения рекламной информации» [там же]. Эти стратегии касаются целостного взгляда на современный китайский город.

Поддерживая Чжэн Сяоди, Фань Чуаньго рекомендует «при размещении наружной рекламы в городах использовать единую *макро-* и *микропланировку*, опирающуюся и ориентированную на уже существующий городской ландшафт и на «эффектное освещение в тёмное время суток», то есть на расположение в городе определённых «точек рекламы», которые бы находились в «живописных местах, на жилых домах, важных городских узлах» [Фань Чуаньго 2006: 64–66]. Автор отмечает также, что необходимо учитывать расположение и соотношение коммерческих зон, городских магистралей, зон соприкосновения с городом [там же].

Кроме того, как указывает исследователь, важен и «поверхностный маркетинг», который соединяет городскую «ночную сцену [ночное освещение] с городскими особенностями» и формирует характерный ландшафт рекламной группы (а также создаёт эффект «спокойной ночной сцены») и при котором лучше всего иметь разные имиджевые темы города в самых заметных местах. При этом объявления на открытом пространстве, как замечает Фань Чуаньго, являются не только неотъемлемой частью визуального образа города, но и важным средством создания и «продвижения» имиджа города как туристического центра [там же].

Фань Чуаньго пишет также и о том, что необходимо «хорошо поработать в аспекте наружной рекламы для имиджа города», особенно важна «так называемая зона первого впечатления: вокзал, аэропорт, порт, туристические достопримечательности и т.д., где бывают туристы и вообще все приезжие. Это такие места, где формируется первое впечатление о городе. Реклама на вокзалах, в аэропорту, в порту значимо влияет на ощущение въезда в город и на «впечатление памяти» после отъезда из города. Второй важный момент – зона «эффекта ореола», то есть зона, которая может усилить впечатление туристов, включая центральный деловой район города, исторический древний город, рекреационный деловой район и т.д. Исследователь указывает на то, что реклама должна быть «новаторской и уникальной, а способ выражения должен иметь сильное художественное влияние и фокусироваться на способе выражения, передаче чувств и впечатлений от города» [там же].

К мнению о художественности и эстетичности способов создания рекламы присоединяется Чжан Сяохуай и пишет, что «творчество, творческий замысел – это душа рекламы», её суть – «важное средство эффективного распространения информации, привлечения целевой аудитории – жителей города и туристов», приезжих [Чжан Сяохуай 2002: 109]. Чжан Сяохуай отмечает, творческое отношение к созданию рекламы способствует её «воздействию на систему ценностей и даже на образ жизни»; а в этом аспекте оказывается важна «эстетическая привлекательность рекламных объектов», художественный вкус её создателей [там же].

Чжан Чунься обрушивается с критикой, говоря, что «наружная реклама в Китае не имеет региональных особенностей: она везде одинакова и чрезвычайно однообразна [Чжан Чунься 2011: 65–68]. Обычным для рекламы в Китае является то, что она «1) не учитывает природные или культурные особенности разных городов, 2) отделяется от собственной культуры и истории конкретного города, то есть не имеет национального колорита, лишена местных особенностей» [там же], то есть следует за чуждыми образцами.

Чжан Чунься пишет и о том, что наружная реклама часто создаётся для узких коммерческих целей, «для конкуренции (в соревновании за статус самого процветающего города или района города)» и «игнорирует какие-либо гуманистические принципы» [там же]. Например, вне зависимости от того, в каком городе страны расположена реклама, автобусные остановки оказываются заполнены коммерческой рекламой (косметики, например), но почти никогда там нет рекламы культурных объектов, музеев или других туристических ресурсов, а также общественно значимых ценностей [Чжан Чунься 2011: 65–68]. Все исследователи пишут о необходимости решать проблемы создания и расположения рекламы комплексно, на общегосударственном уровне, а не на уровне отдельного города.

Заключение

Язык рекламы разнообразен, как и проблемы, связанные с созданием и размещением рекламы. Как показало наше исследование, в китайском рекламном дискурсе существует целый ряд проблем, требующих своевременного решения. В частности, отсутствуют:

- 1) целостность в подходе к созданию и размещению рекламы в пространстве современного города;
- 2) направленность на создание имиджа города. Как стало ясно из приведённого анализа, при создании и размещении рекламы необходимыми представляются не только 3) творческий подход, но и 4) эстетический («художественный») вкус создателей и заказчиков наружной рекламы, чего зачастую не хватает в пространстве современного китайского города.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001а. 272 с.
3. Ерофеева Т.И. Речевой узус современного города // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 22–25.
4. Топоров В.Н. Из области теоретической топониматики // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.
5. Топоров В.Н. О палийской топониматике // Ономастика Востока: Исследования и материалы. М.: Наука, 1969. С. 3–49.
6. Шмелёва Т.В. Ономастикон современного города // Материалы Международного съезда русистов (Красноярск, 1–4 ноября 1997 г.). Т. 1. Красноярск: Изд-во «Красноярский пед. ун-т», 1997. С. 147–148.
7. Шустова С.В., Платонова Е.А. Рекламный дискурс и рекламный текст: к вопросу о функциональном потенциале. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2016. 96 с.
8. Шустова С.В., Платонова Е.А. Метафоричность ртекламного текста // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2017. № 4–1. С. 13–17.
9. Шустова С.В., Платонова Е.А. Манипулирование в рекламном тексте: лексико-семантический аспект // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2017а. Т. 5. № 1(9). С. 43–58.
10. 樊传果. 城市品牌形象的整合传播策略 // 当代传播. 2006(5). P.64–66. (Fan Chuanguo. Chengshi pinpai xingxiang de zhenghe chuanbo celue // Dangdai chuanbo. 2006(5). P. 64-66) – Фань Чуаньго, 2006.
11. 王朝霞. 未来城市广告发展趋势和设计美学研究 // [D] 武汉理工大学. 硕士. 2002. (Wang Zhaoxia. Weilai chengshi guanggao fazhan qushi he sheji meixue yanjiu // Wuhan ligong daxue. 2002). – Ван Чжаося, 2002.
12. 张晓卉. 论广告创意-创意, 广告的灵魂 // 黑龙江科技信息. 2002(6). P. 109. (Zhang Xiaohui. Lun guang gao chuang yi-chuang yi, guang gao de ling hun. 2002(6). – ЧжанСяохуай, 2006.
13. 张春霞. 户外广告设置与城市环境的协调发展 // 城市问题. 2011(12). P.65-68. (Zhang Chunxia. Hu wai guang gao she zhi yu cheng shi huan jing de xie tiao fa zhan // Cheng shi wen ti. 2011(12). – Чжан Чунься, 2011.
14. 陈昌来. 双解 – 种出现在广告用语中的修辞 // 修辞学习. 1994 (2) (Chen Changlai shuang jie – yi zhong chu xian zai guang gao yong yu zhong de xiu ci // Xiu ci xue xi. 1994 (2)). – Чэнь Чанлай, 1994.

Информация об авторах

Е.П. Карзенкова – старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Юньсяо Тань – студент магистратуры,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
студент факультета русского языка, Шаньдунский женский университет.

Information about the authors

E.P. Karzenkova – Senior Lecturer of Russian Language and Stylistics Department,
Perm State University;

Yunxiao Tan – Student, Faculty of Russian Language,
Shandong Women's University.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 80–90.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 80-90.

Научная статья

УДК 81.112.2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ

Юрий Николаевич Пинягин¹, Ольга Дмитриевна Мохова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ yu.pinyagin2011@yandex.ru

² ol.mohova2@yandex.ru

Аннотация. В результате освоения человеком окружающей действительности возникает система знаков материального и духовного мира, которые наделяются определённым культурным смыслом – совокупность кодов культуры, составляющих национально-культурное пространство (НКП) любого этноса. Единицы, составляющие коды культуры, наделяются определёнными культурными значениями, которые, как правило, неочевидны для носителей языка перевода. Непрерывающийся интерес к изучению культур, который стал особенно активным в условиях современной глобализации, обуславливает внимание людей к таким текстам. Лингвокультурный текст является ценным источником, прежде всего, культурной, лингвострановедческой и духовной информации, которая отражается посредством специфических лексических единиц в оригинале. Умение понять семантику и прагматику этих лексических единиц, а также стоящие за ними концепты, является одной из важнейших компетенций переводчика: ведь именно в таких лексемах выражаются особенности элементов того или иного национально-культурного пространства. В связи с этим, перевод таких лексем и словосочетаний, которые встречаются в любом лингвокультурном тексте, вызывает серьёзные переводческие трудности. Основная цель данной статьи заключается в выявлении и описании смыслов лингвокультурем оригинала средствами русского языка. Таким образом, успех работы переводчика, как посредника между двумя различными культурами при переводе лингвокультурного текста, напрямую зависит от актуализации и вербализации культурных концептов оригинала посредством лексических единиц языка перевода, а также от объективности рефлексии переводчика.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный текст, репрезентация, лексическое своеобразие, переводческие приемы

Для цитирования: Пинягин Ю.Н., Мохова О.Д. Репрезентация лексического своеобразия лингвокультурного текста в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 80–90.

Original article

REPRESENTATION OF LEXICAL PECULARITIES OF A LINGUOCULTURAL TEXT IN TRANSLATION

Yuri N. Pinyagin¹, Olga D. Mokhova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ yu.pinyagin2011@yandex.ru

² ol.mohova2@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating lexical units which refer to the culture of a different nation. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey its intentional contents. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such texts belong to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part it is represented by the words which convey emotional aspect of the notions, aimed at the emotional perception of a potential reader.

Keywords: cross-cultural information, linguocultural text, lexical peculiarities, ways of translation

For citation: Pinyagin Yu.N., Mokhova O.D. Representation of lexical peculiarities of a linguocultural text in translation. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:80-90. (In Russ.).

Введение

В последние десятилетия многие науки, в том числе лингвистика, обратили своё внимание на человеческий фактор, что послужило развитию антропоцентрического подхода. Усилившееся внимание к человеку дало толчок к формированию многих новых направлений в рамках традиционных наук. Продуктом антропоцентрической парадигмы в лингвистике

является и лингвокультурология, которая получила оформление, как самостоятельное направление в лингвистике в 90-е гг. XX в. под влиянием таких лингвистов, как В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, В.В. Воробьёва, В.А. Маслова и других [Гладких 2012; Зиновьева 2016: 9; Хроленко 2009]. Лингвокультурология возникла в результате понимания того, что язык «теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает её» [Маслова 2001: 5].

Взаимоотношения языка и культуры рассматривались многими учеными: Э. Сепиром, Б. Уорфом, Н.И. Толстым и другими. В программной статье Г.О. Винокура «О задачах истории языка» сформулирована идея о том, что «язык есть условие и продукт человеческой культуры» [Звегинцев 1964: 246]. Н.И. Толстой подчеркивал, что сложность взаимоотношений языка и культуры выражается в том, что язык может рассматриваться, как компонент или же орудие культуры, но при этом сохранять автономность по отношению к ней [Фесенко 2002: 163]. Неразрывность и вместе с тем сложность взаимоотношений языка и культуры бесспорны, поэтому знание о некоторых аспектах культуры может найти своё отражение в лексических единицах лингвокультурного текста и способах их перевода [Гараева, Гиниятуллина 2016; Слышкин 2000; Ходякова 2011]. Целью статьи является изучение особенностей репрезентации лексических единиц британского лингвокультурного текста и способов их трансляции на русский язык.

Основная часть

Материалом для анализа послужила глава “The Good Life” из книги современного британского философа и журналиста Джулиана Баггини “Welcome to Everytown”, посвященная многим аспектам жизни современных англичан, начиная от еды и заканчивая политикой. Она представляет собой сборник взаимосвязанных эссе, в которых автор делится своими рассуждениями относительно основных ценностей современных англичан, подкрепляя их собственным опытом, а также некоторыми фактами действительности.

Коммуникативной целью текста является сообщение читателю новых знаний о британском обществе. Текст написан в научно-популярном стиле, и изложенная в нём информация представлена в доступной форме. Основные типы информации, представленные в тексте исследования, – это когнитивная и эмоциональная. Когнитивная информация репрезентируется в виде фактов, статистики, и она направлена на передачу читателю нового знания. Она выражается, прежде всего, при помощи имён собственных (The Travellers, Pink Floyd, The Times), географических терминов (Bramley, Rotherham, Darnall, Sheffield) и т. п. Эмоциональная информация выражена оценочными

характеристиками автора текста, а также при помощи использования подлежащего в первом лице единственного числа, активного залога, порядка слов и эмоционально-оценочной лексики – enjoy, pleased, exhausted.

Топонимическая лексика довольно широко представлена в данном лингвокультурном тексте, поскольку топоним является «не просто наименованием точки пространства, а художественно значимым элементом» [Кабакчи 2015: 348]. Он, как правило, отсылает читателя к определённой географической среде, в которой разворачивается действие. Также топоним может соотноситься с определёнными культурно-историческими сведениями, которые могут быть неизвестны читателям текста перевода, но их знание будет полезным для понимания фоновой информации оригинала. Для компенсации этого предполагаемого незнания, переводчик должен не только использовать такие трансформации, как транскрипция и транслитерация, но и давать фоновую информацию в сносках.

*A few days after I moved to **Bramley**, the Live 8 concert climaxed with the re-formed Pink Floyd performing 'Comfortably Numb'.*

*Спустя несколько дней после моего переезда в **Брэмли**, благотворительный концерт Live 8 достиг своего кульминационного момента выступлением вновь собравшейся в классическом составе группы Pink Floyd, исполнившей 'Comfortably Numb'.*

Брэмли является географическим объектом, а именно: западным районом города Лидс, который находится в графстве Западный Йоркшир. Данную информацию нужно, на наш взгляд, отразить в сноске к топониму для обеспечения понимания хотя бы примерной географической среды.

*Where they chose to live really was a matter of choice, and both chose to stay in **Maltby**, close to their friends and family were.*

*Где им жить, действительно, было вопросом выбора, и они оба предпочли остаться в **Молтби**, поближе к их друзьям и семье.*

Ещё один пример топонима, информация о котором отражена в сноске: Молтби – это бывший шахтёрский город в столичном районе Ротерем, графство Южный Йоркшир, с населением примерно 17 тысяч человек. В этом предложении автор подчеркивает, что британцы, даже имеющие приличное состояние, которое вполне может позволить им переехать куда угодно, всё равно решают остаться жить в таких маленьких городках, как Молтби, главным образом потому, что их семья и друзья – устоявшиеся социальные связи, находятся здесь. Следовательно, автор выделяет такую черту британцев, как привязанность к семье и друзьям, что составляет основу их счастья.

Когнитивно-дискурсивный подход к переводческой деятельности предполагает «изучение через речь и язык процессов восприятия и порождения текста» [Романова 2013: 493] (когнитивная составляющая), а также анализ лингвистической и экстралингвистической ситуации – специальная сфера (дискурсивная составляющая), в которой функционирует данный текст. Таким образом, дискурс-анализ представляет собой «интегральную сферу изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности» [Макаров 2003: 99].

This was evident before I even arrived in **S66**, when I stopped off at the Tamworth services on the M42.

Это стало очевидным после того, как я прибыл в городок **S66** и остановился на станции технического обслуживания близ Тамуэрта на автомагистрали M42.

Автор книги – Джулиан Баггини, выбрал в качестве своей цели изучение характера и жизненной философии британцев. S66 – это вымышленное название городка. Он, как все населенные пункты, которые принято называть в Англии словом town, сочетает в себе городскую жизнь и сельскую, молодое и пожилое население, что наиболее полно отображает спектр жизни людей.

Похожее явление можно наблюдать и в некоторых произведениях русской литературы, например, в комедии «Ревизор» Н.В. Гоголь использует определение «уездный город N». Город N, как и S66 – это и выдуманный автором город, который не существует в реальности, и город, в котором можно проследить типичные черты национального характера. Эта «сложная текстовая деятельность, протекающая в форме межъязыкового общения, нацеленного на порождение и восприятие смыслов текста», по мнению Л.В. Кушниной, является сутью понятия переводческого дискурса, возникшего в рамках современной деятельностной онтологии в переводоведении [Кушникова 2014: 34].

На основе анализа примеров перевода топонимической лексики можно сделать вывод о том, что существует несколько способов её перевода: транслитерация, транскрибирование, а также использование переводческих помет в виде сносок. Именно на основе анализа интенций автора можно сделать выбор в пользу той или иной стратегии.

Помимо топонимичной лексики в тексте встретились и другие имена собственные, такие как наименования магазинов, музыкальных групп, газет и т. п.

*A few days after I moved to Bramley, the **Live 8** concert climaxed with the re-formed **Pink Floyd** performing 'Comfortably Numb'.*

Спустя несколько дней после моего переезда в Брэмли, **благотворительный концерт Live 8** достиг своего кульминационного момента выступлением **вновь собравшейся в классическом составе группы Pink Floyd**, исполнившей **‘Comfortably Numb’**.

Данное предложение содержит много фоновой информации, что, безусловно, повлияло на стратегию перевода. В 2005 г. прошла знаменитая серия благотворительных концертов *Live 8*, приуроченных к саммиту «большой восьмёрки», который проходил в Великобритании. Отличительным событием концерта, который состоялся в Лондоне, являлось выступление знаменитой британской рок-группы *Pink Floyd*. Это выступление считается легендарным, так как группа вновь собралась в последний раз в изначальном составе и исполнила свои знаменитые хиты, в том числе и песню “*Comfortably Numb*”. Чтобы передать всю заложенную автором информацию, мы прибегли к следующим трансформациям: при переводе названия концерта была добавлена информация о том, что он являлся именно благотворительным – *благотворительный концерт Live 8*.

Также, перед названием музыкальной группы в переводе была добавлена информация о том, что она вновь собралась в *классическом* составе. Название песни, как и название самой группы, было решено оставить в переводе в оригинальном виде, однако была сделана сноска, поясняющая перевод названия песни “*Comfortably Numb*” – «комфортное онемение», так как данный образ будет ещё не раз фигурировать в тексте – автор сравнивал душевное состояние британцев именно с этим явлением. Такой уровень понимания невозможен без проведения глубокого экстралингвистического анализа текста оригинала, так как предпереводческий этап деятельности даёт возможность восстановить стоящую за ним ситуацию [Шустова, Розенкова 2017].

Both Trevor at the truck stop and Reg from The Travellers told me that they wouldn't move away even if they won the lottery.

И Тревор, со стоянки грузовиков, и Рег, из фешенебельного лондонского клуба путешественников, сказали мне, что они не переехали бы никуда, даже если бы они выиграли деньги в лотерею.

The Travellers является названием частного джентельменского лондонского клуба путешественников, членами которого являются многие английские дипломаты и бизнесмены. При трансляции названия клуба был сделан выбор в пользу описательного перевода, который позволил отобразить имплицитную информацию, не прибегая к переводческому комментарию.

This was evident before I even arrived in S66, when I stopped off at the Tamworth services on the M42.

Это стало очевидным после того, как я прибыл в S66, когда остановился на станции технического обслуживания близ Тамуэрта на автомагистрали M42.

Tamworth services – это наименование станции технического обслуживания, которая находится на автомагистрали М42. Она названа в честь близлежащего города Тамуэрта, который, в свою очередь, находится в графстве Страффордшир. Наш вариант перевода «станция технического обслуживания близ Тамуэрта» с дополнительным комментарием о местонахождении Тамуэрта позволяет в достаточной мере обеспечить читателю понимание сути данного наименования.

Другой интересный пример из этого предложения – *M42*, которое является названием одной из важнейших автомагистралей, идущей на северо-восток от Бромсгрова в графстве Вустершир к юго-западу от Эшби-де-ла-Зуша в графстве Лестершир, по пути через Национальный выставочный центр и Тамуэрт. Как и в предыдущем примере, эта фоновая информация заложена в сознании читателя оригинала, однако для того, чтобы донести эту информацию и до читателя перевода, на наш взгляд, можно поместить её в комментарий под сноской.

The Mail reported that on average we make 61 trips to shopping centres every year, spending around £2,000 and the equivalent of seven days in them.

Популярная газета The Daily Mail сообщает, что в среднем мы совершаем 61 поход в торговые центры каждый год, что эквивалентно 7 дням нахождения в них, при этом мы тратим около 2000 фунтов стерлингов.

В этом предложении автором было использовано название *The Mail*, что является сокращением от *The Daily Mail* – популярной британской ежедневной газеты. Для выражения данной имплицитной информации мы прибегли к приёму лексического добавления, а также использовали название газеты в классическом варианте: популярная газета *The Daily Mail*.

One of whom was talking about a recent trip to Harvey Nichols.

Одна из них говорила о недавнем походе в один из универмагов Харви Николс.

Харви Николс – британская сеть роскошных универмагов с центральным магазином в Лондоне. На наш взгляд, в данном случае надо использовать приём лексического добавления для того, чтобы читатели перевода ошибочно не приняли Харви Николс, например, за ресторан или любое другое заведение.

Ещё один обширный пласт лексики, репрезентирующий национально-культурное своеобразие Великобритании, представлен безэквивалентной лексикой.

Still, there was a swift trade in all-day breakfasts, doughy pizzas and huge bags of sweets.

Тем не менее, здесь быстро продавались «полные завтраки», пиццы и огромные пакеты сладостей.

Традиционный английский «полный завтрак» (*Full English breakfast*) является настолько популярным блюдом, что некоторые заведения подают его в течение всего дня («завтрак на весь день» – *all-day breakfast*). Поэтому в качестве перевода для *all-day breakfasts* было выбрано словосочетание «полные завтраки» с указанием на то, что некоторые заведения подают их весь день, так как данное словосочетание является знакомым читателям перевода в качестве эквивалента *Full English breakfast*.

*First, it was advertised as **three-bedroomed** when in the third room would hardly accommodate a dachshund.*

*Во-первых, дом рекламировался как **четырёхкомнатный**, тогда как на самом деле в четвёртой комнате вряд ли бы поместилась и такса.*

В национально-культурном пространстве россиян при подсчете общего количества комнат, как правило, имеются в виду все комнаты без исключения. Однако следует отметить, что в национально-культурном пространстве жителя Великобритании подсчет комнат значительно отличается. Когда носители языка используют словосочетание *three bedrooms*, то подразумевается, что количество именно спальных комнат равно трём, без учета гостиной, то есть, на самом деле, комнат может оказаться больше. Исходя из этого, мы решили сделать лексико-семантическую замену.

*One of the workmen pointed out that many people were moving to **low-maintenance gardens**, but this was a little extreme.*

*Один из работников объяснил, что довольно много людей стали делать такие **палисадники**, но это уж слишком.*

Согласно Collins English Dictionary ‘*low-maintenance*’ определяется как что-то не требующее много времени, сил и денег при уходе. Соответственно, *low-maintenance garden* – это небольшой, не требующий большого ухода, садик около дома. Применив компонентный анализ, мы пришли к выводу, что в русском национально-культурном пространстве есть слово со схожей семантикой – «палисадник», которое является вполне эквивалентным семантике английского словосочетания.

*If I felt as though I needed to save even more time, after I pulled up and parked, I could have taken advantage of Café Express's £3.99 '**grab and go**' offer of a sandwich, a bottle of pop, a chocolate bar and a packet of crisps .*

Если бы я чувствовал, что мне нужно сэкономить еще больше времени, то после того, как я остановился и припарковался, я мог бы воспользоваться предложением от Кафе Экспресс в виде «еды на вынос» за 3,99 фунтов, куда входит сэндвич, бутылка содовой, плитка шоколада и пачка чипсов.

Согласно Кембриджскому словарю семантическое значение словесного комплекса “grab and go” выступает как определение того, что человек готов быстро купить из-за недостатка времени. На наш взгляд, дословный перевод этой фразы по типу «бери и иди» в недостаточной мере передаёт соотношение данного выражения с контекстом, поэтому нами был сделан выбор в пользу лексико-семантической замены – «еда на вынос».

I went to the Rother Valley Country Park, 300 acres of lake and countryside with 11 miles of trails.

Я отправился в Ротеремский загородный парк, рядом с которым находилось озеро размером в 300 акров (121 гектар) и сельская местность с 11 милями (17 км.) тропинок для прогулок.

Акр и *миля* не являются метрическими земельными мерами, которые используются в ряде стран с английской системой мер – в Великобритании, США, Канаде и т. д. На наш взгляд, для обеспечения адекватного понимания текста читателям перевода, необходимо дать указание площади озера и расстояния в привычных для россиян единицах измерения.

Заключение

Анализ способов репрезентации лексики лингвокультурного текста показал, что лексика любой тематической направленности содержит вербализированные отсылки к определённым реалиям, аллюзиям и ценностям культуры текста оригинала, отражает события, произошедшие в её контексте, идеи и убеждения членов определенного лингвокультурного сообщества. Материал нашего исследования показал, что в процессе перевода возникает определённая «культурная дистанцированность», которая может быть нивелирована с помощью различных пояснений, экскурсов, зарисовок, используемых автором перевода.

В тексте оригинала всегда содержатся осязаемые или неосязаемые мировоззренческие установки, которые вызывают у реципиента ассоциации, запланированные автором, и, наоборот, у читателя перевода могут не появиться коннотации, заложенные авторской интенцией. В таком случае переводчику необходима этнокультурная и лингвокультурная компетентность, чтобы выступить в качестве эксперта относительно этой пары культур. Задача переводчика заключается в том, чтобы сделать текст перевода понятным, доступным для читателя, но при этом максимально близким к тексту оригинала, тем самым сохранить его культурную маркированность.

Список литературы

1. Гараева М.Р., Гиниятуллина А.Ю. Учебное пособие «Переводческий анализ текста. Translation Analysis» / под ред. д. филол. н., проф. В.Н. Хисамовой. Казань: Изд-во «Казанский университет», 2016. 94 с.
2. Гладких Ю.Г. Лингвокультурологические теории актуализации концепта // Вестник Пермского университета, 2012. Вып. 2(18). С. 35–42.
3. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XXV веков в очерках и извлечениях. М.: Издательство «Просвещение», 1964. 329 с.
4. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. СПб.: Нестор-История, 2016. 182 с.
5. Кабачки М.К. К проблеме способов перевода топонимов в художественном тексте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015. № 11 (2). С. 348–350.
6. Кушникова Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета, 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.
7. Кушникова Л.В. и другие. Введение в синергетику перевода. Пермь: Изд-во «Пермский политехнический университет», 2014. 278 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
9. Макаров Л.М. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
10. Романова Т.В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Когнитивные исследования языка. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции 11–12 апреля 2013 г. / Отв. Ред. Л. Фурс. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. Вып. XIV. С. 493–496.
11. Рум Р.У., Колесников Л.В., Пасечник Г.А. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 9500 единиц. М.: Русский язык, 1978. 480 с.
12. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
13. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 228 с.
14. Ходякова Л.А. Методика интерпретации текста как феномена культуры // Ярославский государственный педагогический университет. Ярославль, 2011. С. 76–81.
15. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.
16. Шустова С.В., Розенкова Х.Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.
17. Cambridge Dictionary. URL:<https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: сентябрь–ноябрь 2021).

18. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: сентябрь–ноябрь 2021).

19. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: сентябрь–ноябрь 2021).

20. Baggini J. Welcome to Everytown. London: Granta Books, 2007. 274 p.

Информация об авторах

Ю.Н. Пинягин – кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

О.Д. Мохова – студент, кафедра лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

Yu.N. Pinyagin – Ph.D. (Philology), Professor, Linguistic and Translation Department,
Perm State University;

O.D. Mokhova – Student, Linguistic and Translation Department,
Perm State University.

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 91–102.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 91-102.

Научная статья

УДК 821.111:82.01

ОБРАЗЫ СВОЕГО И ЧУЖОГО В РАССКАЗЕ Х. МАНТЕЛ «KING BILLY IS A GENTLEMAN»

Ольга Игоревна Графова¹, Елизавета Сергеевна Сыпачева²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ grafova.olly@gmail.com

² iliza20145@gmail.com

Аннотация. В статье изучается рассказ «King Billy is a Gentleman» одной из современных писательниц Великобритании – Хилари Мантел (англ. Hilary Mantel). Исследование посвящено анализу основных образов рассказа и средств их создания, которые выстраиваются в соответствии с дихотомией «свой – чужой». Выбранный для анализа рассказ вошел в сборник «Learning to Talk», впервые опубликованный в 2003 г. В сборник вошли рассказы, повествующие о сложном и противоречивом детстве каждого из главных героев; многие детали в описании их жизни автобиографичны. Образы своего и чужого пронизывают все рассказы сборника, в каждом разворачиваясь по-особенному и под разным углом. Изучаемый рассказ «King Billy is a Gentleman» не стал исключением, повествуя о жизни ирландского мальчика, живущего среди чужих. Художественный мир рассказа, как и мир главного героя ирландского происхождения Лиама, делится на два противостоящих лагеря, в котором образы своего ничтожно малы (главный герой и его мать), а остальные (город, окружение, соседская семья) всеохватны и агрессивны. Следует отметить, что образ ирландца в рассказе не является типичным и носит не стереотипный, а индивидуальный характер. Конфликт рассказа неразрывно связан с самоопределением главного героя как личности, и что особенно важно – как ирландца. Конфликт разрешается к концу рассказа и имеет налет трагичности и безысходности, что говорит об угнетении «своего» в мире Лиама и почти окончательной победе «чужого».

Ключевые слова: рассказ, образ, «свое», «чужое», образная система, Х. Мантел

Для цитирования: Графова О.И., Сыпачева Е.С. Образы своего и чужого в рассказе Х. Мантел «King billy is a gentleman» // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 91–102.

Original article

IMAGES OF "OWN-ALIEN" IN THE SHORT STORY "KING BILLY IS A GENTLEMAN" BY H. MANTEL

Olga I. Grafova¹, Elizaveta S. Sypacheva²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ grafova.olly@gmail.com

² iliza20145@gmail.com

Abstract. The article examines a short story "King Billy is a Gentleman" by one of the key writers of contemporary Britain – Hilary Mantel. The study is devoted to the analysis of the key images of the story and the means of their creation, which are built in a close dichotomy of the own and the alien. The story selected for analysis was included in the collection «Learning to Talk», first published in 2003. The collection includes stories that observe the complex and contradictory childhoods of the main characters in each of them, besides, many of the details in the children's lives are autobiographical. Images of the own and the alien underpin all the stories in the collection, in each short story they are presented in a special way and from a different angle. The "King Billy is a Gentleman" is no exception, it tells the story of the life of an Irish boy living among strangers. The artistic world of the story, like that of the Irish protagonist Liam, is divided into two opposing camps, in which the images of the own are insignificant (the protagonist and his mother) and the aliens (the city, the environment, the neighborhood family) are all-encompassing and aggressive. It should be noted that the image of the Irishman in the story is not clichéd and stereotypical, but individual. The conflict of the story is linked to the self-definition of the main character as an individual, and most importantly, as an Irishman. The conflict is resolved by the end of the story and gives the impression of tragedy and despair, which indicates the oppression of the "own" in Liam's world and the almost final victory of the "alien".

Keywords: short story, image, «own», «alien», imagery, H. Mantel

For citation: Grafova O.I., Sypacheva E.S. Images of "own-alien" in the short story "King billy is a gentleman" by H. Mantel. Verbal communication: the pragmatic aspect. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:91-102. (In Russ.).

Введение

В современном литературном мире Хилари Мантел (англ. Hilary Mantel) является значимым автором, который проявляет себя не только в написании исторических романов, но и в создании рассказов (short stories) [New Statesman]. Романы писательницы изучаются филологами по всему миру, однако короткая проза Мантел, включающая два сборника

рассказов «Learning to Talk» (2003) и «The Assassination of Margaret Thatcher» (2014), оставалась в тени исследований и мало изучалась. Исследуемый нами рассказ «King Billy is a Gentleman» входит в первый сборник писательницы «Learning to Talk», при этом сам рассказ является самым первым опубликованным рассказом и был впервые напечатан в литературном журнале «New Writing» в 1992 г., тогда как публикация сборника приходится на 2003 г. [4th Estate]. Большинство рассказов в сборнике можно назвать автобиографичными, построенными на повествовании от лица ребенка. Работы Хилари Мантел часто упоминаются в исследованиях критиков и исследователей текста, данный сборник и, в частности, данный рассказ, также не стал исключением, в 2018 г. в книге Эйлин Полард и Джинетт Карпентер «Hilary Mantel: Contemporary Critical Perspective» был представлен краткий анализ всех рассказов из сборника [Pollard, Carpenter 2018]. А в 2019 г. Люси Арнольд в книге «Reading Hilary Mantel: Haunted Decade» изучила интертекстуальность в рассказе «King Billy is a Gentleman» [Arnold 2019].

Краткие рецензии и обзоры также публиковались во многих авторитетных изданиях. «*In "King Billy Is a Gentleman", the narrator looks back from his adult life as a lawyer and relates the random cruelties of his childhood to the Northern Ireland Troubles*» [4th Estate]. «*A book of her short stories is like a little sweet treat...Mantel's narrators never tell everything they know, and that's why they're worth listening to, carefully*» [USA Today 2014]. «*Her short stories always recognize other potential realities...Even the most straightforward of Mantel's tales retain a faintly otherworldly air*» [Macmillan]. Также отсылки на данный сборник мы можем найти в статье газеты «The Guardian» «Little Women», основанном на интервью с Хилари Мантел; в данной статье проводится параллель между личностью самой писательницы и личностями героев ее рассказов [The Guardian 2003]. В России рассказы сборника изучались только в статьях: все рассказы сборника стали материалом для исследования по языку как метафоре и метафорической плотности текста [Лапина, Мильц 2018: 29–37], а также был выполнен целостный поэтологический анализ рассказа «Destroyed» [Огаркова, Графова 2019: 170–175]. Сборник был напечатан в 2003 г., многие рассказы все еще не были переведены на русский язык, в том числе и тот, о котором пойдет речь в дальнейшем.

Основная часть

Рассказ «King Billy is a Gentleman» воплощает любовь Хилари Мантел к историческим романам, ведь он также основан не только на фантазии и системе образов, созданных автором, но и на реальных событиях. В рассказе упоминается время, предвещающее конфликт в Северной Ирландии, который историки также называют Смутой (1969–1998 гг.)

[Афанасьев 2021]. Смута – это религиозный конфликт между протестантами и католиками, живущими на территории Северной Ирландии. Исторически сложилось так, что ирландцы, будучи католиками оказались под властью англичан, которые исповедуют протестантизм, поэтому конфликты такого рода для Ирландии не были редкостью. Тем не менее, именно события этих лет оставили кровавый отпечаток в истории Северной Ирландии и Великобритании в целом.

Суть конфликта заключалась в недовольстве местного населения – ирландцев; протестанты, находящиеся у власти, пользовались своим положением и не стеснялись прибирать к своим рукам все земли и имущество, не беря в расчёт людей, для кого территория Северной Ирландии была их родным домом. Однажды католики всё-таки не выдержали варварства протестантов и вышли на мирный протест, который закончился насилием со стороны полиции.

Данный инцидент вызвал возмущение католиков на территории всей Северной Ирландии, люди устраивали митинги, а полиция могла заходить в дома католиков по ночам, и арестовала самых активных противников власти. Остановить активные конфликтные действия удалось лишь военной полиции Великобритании, которая приехала по поручению правительства и оставалась на территории Северной Ирландии вплоть до 1998 г. Но несмотря на то что формально конфликты удалось подавить, отношения между католиками и протестантами на территории Северной Ирландии напряжены по сей день: люди кричат друг другу неприятные слова, могут кидать друг в друга ботинки и другие предметы, многие боятся выходить на улицу поздно вечером по одиночке, ведь собственный сосед может желать зла. По сей день город Белфаст считается одним из самых не толерантных городов в мире, а всё потому, что практически каждое здание в нём окружено огромными заборами, ведь в любой момент на тебя могут напасть из-за того, что ты исповедуешь «не ту» религию.

Тем не менее, автор не говорит обо всех вышеуказанных событиях прямым текстом, вместо этого она помещает в центр рассказа историю ребёнка по имени Лиам, который, став взрослым, вдруг вспомнил о своём непростом детстве. Читатель наблюдает за историей ирландского мальчика, чей дом покинул отец, мальчика, у которого не было друзей и полноценной семьи. Данный текст является художественным, именно поэтому важным компонентом является система образов [Борисова 2009: 23]. Её Хилари Мантел выстраивает, обращаясь к средствам выразительности, особенно к метафорам и эпитетам, которые придают рассказу объём и живописность. Образ Лиамы – это образ главного героя, который выстраивается с его собственными словами, ведь именно взрослый Лиам является рассказчиком. Что интересно, имя мальчика мы узнаем лишь ближе к середине рассказа, возможно, это

говорит о том, что Лиам является скромным человеком, который не кричит о себе на каждом шагу. При этом имя Лиам, образованное от Уильям по происхождению является ирландским, поэтому читатель знает, что главный герой рассказа – ирландец.

Одна из важнейших деталей образа Лиама – автобиографичность. Изучив биографию Хилари Мантел, мы можем выделить сходства между писательницей и главным героем рассказа. Начнем с того, что родители Хилари Мантел – ирландцы, при этом сама она родилась в небольшом городке около Манчестера, что точно соответствует истории Лиама. Он также упоминает, что живёт около Манчестера,; в рассказе есть детали, которые явно говорят нам о том, что мальчик является ирландцем (его имя; соседские дети называют его «Ирландской свиньей»). Происхождение писательницы – далеко не единственное, что объединяет её с персонажем. В the Guardian можно найти информацию о том, что отец Хилари Мантел исчез, когда та была ребёнком. Отец Лиама также ушел: «*My father had disappeared. We didn't miss him much*». Затем маленькая Мантел притворялась, что считает отцом нового мужчину своей матери.

Отношения между Лиамом и постояльцем тоже не складываются. Хотя мальчик и пытается ему угодить, это не помогает им сблизиться, о чём нам говорит постоянное повторение слова «*lodger*», даже спустя годы мальчик называет мужчину своей матери «постояльцем», что явно подчеркивает холод в их отношениях. Также писательница часто болела в детстве, как и Лиам, который из-за частых болезней редко появлялся в школе, из-за чего отношения с одноклассниками становились хуже (*my mother kept me away from school so often – I was sick with this and I was sick with that*). И главным сходством, которое вытекает из предыдущих, является нелюбовь к детству. «*The story of my own childhood is a complicated sentence that I am always trying to finish and put behind me*» [Mantel].

Писательница говорит о том, что детство для неё – период жизни, который она хотела бы вычеркнуть, она даже предлагала создать некую группу поддержки для тех, кто не хочет быть ребенком. Некоторая нелюбовь к детству также появляется и у Лиама, ещё когда он был мальчиком, он мечтал поскорее стать взрослым: «*I wished for the years to pass in a night so that when I woke up I would be a man*».

Проанализировав рассказ и образы в нём, мы пришли к заключению о том, что в тексте явно присутствует концепция «свой-чужой», которая заключена в образной системе. Это понятие отражает ту часть общества или культуры, или группы, с которой отождествляет себя личность (свой) и то, к чему она себя, соответственно, противопоставляет (чужой) [Козакова 2014: 121; Кюльмоя 2016].

Данная концепция выстраивается относительно личности главного героя рассказа, который и является повествователем. Основывая на личности главного героя, мы можем заключить, что к образу своего относится сам Лиам, его личность, его мать, а также частично образ детства. В то время как к образу чужого относятся детство, город, который описывается в рассказе и общество, которое наиболее ярко представлено в образе соседской семьи.

В дальнейшем мы бы хотели более подробно разобрать эти образы для наилучшего понимания того, почему они делятся на «своё» и «чужое». Мы должны отметить состояние одиночества присущее Лиаму, мальчик был другим, он отличался от общества, которое его окружало, поэтому как такового «своего» у него было мало. *I used to go down to the bottom of the garden and pull long rusty nails out of our rotting fence...* Ребенок проводит много времени наедине с собой, занимаясь не самыми интересными делами. Лиам практически не общался с другими детьми, у него не было друзей. *I had some friends; or rather, there were children of my own age.* Он сам прекрасно понимает своё положение, ведь данной фразой говорит о том, что у него были, скорее не друзья, а лишь дети, которые были его ровесниками. Говоря об одиночестве Лиамы, мы можем даже сказать, что он был изгоем: *they made me an outsider in the tribe.* Дети сознательно не общались с ним, выгнали его из своего «племени», здесь автор применяет метафору, назвав группу детей словом «tribe», которое подчеркивает дикое, первобытное поведение одноклассников Лиамы. Он не был активным ребенком, что сам прекрасно понимает: *I wasn't a robust child.* Слово *robust*, которое можно перевести как «крепкий» в толковом словаре даёт нам более широкое значение, которое содержит в себе ещё одно описание мальчика: «*robust – strong and healthy*». Семантически это прилагательное означает «сильный и здоровый», но в описании Лиамы мы видим отрицание, что говорит нам, что он не был крепким, соответственно не был сильным и здоровым.

При всем этом, мальчик не был озлобленным, он был миролюбивым ребенком, что подчеркивается автором, когда речь идёт о поведении Лиамы в драке. Он научился драться и мог дать отпор противнику, но мальчик говорит: *I would rather run than fight.* Он был готов прослыть трусом, лишь бы никого не обижать. Более того, Лиам был умным ребенком, он увлекался орнитологией и астрономией: *The planets have satellites, I told him.* Благодаря своим умственным способностям, он поступил в гимназию, а в дальнейшем стал квалифицированным адвокатом (*I became a lawyer*).

Пожалуй, «своим» Лиам считает лишь мать, которая близка ребенку по духу. Женщина, как и её сын, является изгоем, по деревне ходили сплетни о безнравственном образе жизни, который та вела, по мнению большинства. Она спокойна даже, когда соседка

решает учинить скандал, мама мальчика молча покидает двор: «*My mother, at whom the tirade was directed, got up slowly from the chair; she gave Myra one cursory unregarding glance, and walked silently into the house*».

Мать Лиама так же, как и он сам, пыталась избегать конфликтов, а не принимать в них активное участие. Когда постоялец кричал на неё, она убежала наверх и тихонько плакала, но при этом не выгоняла его из дома (*I would hear my mother run upstairs, sniffing quietly to herself. She would not let the lodger go, I knew*). Несмотря на тёплое отношение Лиама к своей матери, он очень мало о ней говорит в своём повествовании, что может быть связано с тем, что в попытках устроить свою личную жизнь, женщина забывала о своём сыне.

Завершая анализ концепции «своего» в рассказе, хочется упомянуть образ детства, который находится как бы на границе своего и чужого. С одной стороны, детство «естественно присуще» Лиаму, ведь он был ребенком. Он понимает, что детские годы сильно повлияли на него, но в его случае влияние было негативным. Именно поэтому он пытается как можно реже вспоминать о своём детстве, ведь для него эти воспоминания болезненны. *My childhood seemed to belong to some much earlier, greyer world. It was my inner country, visited sometimes in dreams that shadowed my day*. Будучи взрослым, Лиам сравнивает детство с некой другой страной, которая появляется в его снах и при этом омрачает его день. Автор использует метафору, называя детство «*greyer world*», что подчеркивает серость, мрачность и тусклость данного периода. Он пытается оградиться от воспоминаний о времени, когда он был ребенком. Детство в данном случае – не беззаботный период, наполненный радостью и весельем, а мрачное, жёсткое время, которое в какой-то степени отбило у Лиама любовь к жизни.

Лиам противопоставляет себя и детство, себя и город, в котором он рос, и людей, которые его окружали в детстве и окружают сейчас, когда он вырос. Первое, о чём начинает говорить автор – это город, а точнее деревня, в которой рос мальчик. Мы понимаем, что она, как и детство в целом оказала огромное влияние на Лиама, он не может перестать думать о ней: «*I cannot get out of my mind, now, the village where I was born*». Деревня находилась рядом с Манчестером, будто является его частью: «*the village where I was born, just out of the curl of the city's tentacles*». Здесь автор использует слово «щупальца» для создания метафоры, как бы говоря о том, что город как осьминог захватывает все своими щупальцами, в том числе и деревню, где жил Лиам, из-за чего ее нельзя назвать тихой: там часто ходили поезда, а некоторые городские жители перебирались в деревню и жили по соседству с семьей Лиама (*We were too close to the city for a life of our own*).

В первом же отрывке мальчик указывает на то, что эта деревня для него относится к образу «чужого»: несмотря на то, что он провёл там всё своё детство, он не был деревенским мальчуганом: *And yet if you ask me if I was a country boy – no, I wasn't that.* Для него эта деревня была мрачной, не похожей на сельскую Англию, которую все привыкли представлять: *It had no claim on rural England, where there is morris dancing and fellowship and olde ale flowing.* Он противопоставляет беззаботную и дружелюбную Англию и то место, где он жил сам, место, которое он сравнивает с транзитным лагерем (*It was with the hopeless permanence that transit camps tend to assume*).

Некая хмурость добавляется к образу города из-за того, что зима там была долгая: *«Snow stood on the hills till April»,* – поэтому мальчику запомнилась не цветущая весна, а время, когда большую часть суток на улице было темно: *«But it is not spring that I remember: rather those days when the lights were on by eleven o'clock, and wet roofs and the mill chimneys shivered behind a curtain of water. At four o'clock the daylight would almost have vanished, sucked away into the dark sky».*

И, конечно же, большую часть рассказа Лиам противопоставляет себя и людей. Не уходя далеко от образа города, Лиам упоминает своё отношение к горожанам: *«'Urban, squat and packed with guile' I suppose was our attitude».* При этом мальчик, цитируя свою маму, говорит, что мнение о местных жителях, как о «городских, приземистых и очень хитрых», изначально было присуще матери и потом он перенял такое отношение к окружающим. При этом, когда Лиам вырастает и живёт в другом городе, с другими людьми, он также не становится близким им по духу, ведь детство настолько переломило его, что он потерял открытость и искренность: *People I met had an innocence, an openness, that was quite foreign to my own nature or if once it had been native to me, then I had lost it long ago in the evening fog.* Так, в начале рассказа Лиам говорит о своих различиях с людьми, населяющими серый город, и к концу рассказа, будучи уже взрослым, он не находит ничего общего с теми, кто открыт и готов радоваться жизни.

Также мальчик показывает разницу между собой и «постояльцем» – мужчиной его матери. Начнём с того, что постоялец был холериком (*The lodger was choleric; his flashpoint was low*), часто скандалил с его матерью, Лиам же, как уже говорилось ранее, был мирным ребенком и не любил ссор. *«There would be a law against quarrelling in the land where I was king»,* – мальчику иногда снился другой мир, в котором он становился королём и вводил закон, запрещающий ссоры.

Холеричный «постоялец» был активным и пытался научить Лиам играть в футбол и драться: *«The lodger took an interest in me, getting me outside to kick a football around», «I'll*

show you how to fight,' the lodger said». Но и это не было интересно ребенку, у него не получалось играть в футбол, а драки он не переносил. Когда же постоялец устал хоть чего-то добиваться от мальчишки, второй начал чувствовать себя помехой в собственном доме: «*Soon he seemed to write me off. I began to feel I was a nuisance*».

Но главными «врагами» Лиама были соседские дети, которые также отличаются от самого повествователя, поэтому хотелось бы представить и образ соседской семьи. Отношения между соседями в чём-то соответствуют отношениям в городах Северной Ирландии: открытое подавление ирландцев англичанами. Пожалуй, на примере двух небольших семей, автор раскрывает конфликт между тысячами людей. При этом сам рассказчик – мальчик Лиам говорит, что он считал, что их семьи жили вполне дружно, пока не произошла ссора: «*I think that before this the two households had been quite friendly*». Соседская семья состояла из четырех человек. Боб – глава семейства, который находил отдушину в своем саду и выстраивал его максимально правильно *Bob's garden was military, it was correct; it knew its master*. Боб не ел мясо, поэтому овощи, которые он выращивал в саду были его единственной пищей, но по ночам в его сад заходили коровы и зачастую съедали его урожай.

Читатель наблюдает за «противостоянием» Боба и коров вместе с Лиамом и его мамой: «*Bob and his preoccupations (nine bean-rows will I have there, a hive for the honey-bee) became the butt of our secret sniggers*». К концу рассказа Боб становится совсем плох, его одежда висит на нём, как мешок, а из-за постоянного стресса от коров, он становится всё более озлобленным. Свою злость он вымещает на сыне, ведь считает, что коровы из-за него проникают в огород. Майра – жена Боба, низенькая, неприметная, с «крысиным лицом», однажды именно она решила высказать своё мнение о матери Лиама, сказав, что та подаёт дурной пример своему ребенку. Это как раз и была та ссора, после которой Лиам понял, что они в плохих отношениях с соседями. У Майры и Боба было двое детей – Филип и Сьюзи. «*He had a modified coconut head and a puzzled narrow grey eye*».

Голова Филипа сравнивается с кокосом, и он странно поворачивал голову, будто тренировался избегать ударов, которые частенько получал от своего отца: «*a sort of sideways motion to his neck, as if constantly in training to avoid the blows he got on account of the cows*». Филип часто выходил с сестрой во двор и кидал в Лиама камни, который спокойно наблюдал за этим. При этом Лиам говорит о том, что ставил Филипа на место своим интеллектом: он говорил ему то, чего сам Филип не знал, например, перечислил ему все планеты Солнечной системы, а когда Филип начинал злиться, у Лиама было

время, чтобы уйти в дом: «*when I saw I was making him look a fool, I would get myself indoors*». Лиам, рассуждая о Филипе, говорит, что в моменты ярости, в нём словно просыпался зверь, который являлся его частью, сам Лиам хотел верить, что в его характере этого нет.

Спустя годы, когда Лиам жил уже в другом месте, он узнал, что Филип умер, сделав самодельную бомбу, подорвал себя. Это заставляет Лиам задуматься. «*Suzu was a hard little madam, with an iron-wide mouth like a postbox...*». Рот Сьюзи сравнивается с почтовым ящиком, что подчеркивает огромную челюсть девочки. Сьюзи ходила со своим братом и тоже кидала камни в мальчика, выкрикивала разные грубость, любила петь песенку «*King Billy is a gentleman, He wears a watch and chain, The dirty Pope's a beggar, And he begs down our lane*», которая высмеивала религию, церковь. Эту песню исполняли в таких городах, как Белфаст, где всюду шли конфликты между католиками и протестантами.

Мы можем лишь предположить, что негативное отношение к ирландцам-детям прививали в семьях, ведь всё идёт от воспитания. При этом мы не видим конфликтов на национальной почве среди взрослых, а уж на религиозной и подавно. Лиам говорит, что взрослые были слишком заняты для этого: «*the grown-ups were tolerant, or perhaps contemptuous of religion, immersed in football pools and hire-purchase agreements*». Дети же потешались, когда в очередной раз видели Лиам. Семья Лиам и соседская семья – это образ общества, разделённого на католиков и протестантов. Проявление агрессии, ощущение, что твой сосед – это твой враг – всё это свойственно ирландскому обществу в годы Смуты. Именно поэтому почти все люди, живущие в деревне, так или иначе являются чужими Лиаму, он одинок и среди одноклассников, и в своей семье.

Заключение

Подводя итог, мы можем сказать, что противоборство «своего» и «чужого» выступает конфликтом рассказа. На протяжении всей истории Лиам борется с непониманием со стороны сверстников, с тем, что его не принимает общество, он и сам не готов принимать это общество. Главной проблемой рассказа становится вопрос «Как найти себя?», на который Лиам так и не нашёл ответа.

Мрачное детство наложило тень и на взрослую жизнь главного героя, поэтому даже уехав из деревни, где его не любили, покинув место, где он не мог полностью раскрыться как личность, он всё равно не чувствует свободы, которая могла бы помочь ему найти себя. Нельзя сказать, что Лиам ничего не делает для того, чтобы понять своё предназначение: у

него есть увлечения, он получил хорошее образование, он стал хорошим специалистом, но любовь к жизни не родилась в нём. Он смотрит на людей вокруг и удивляется их беспечности, он не чувствует лёгкости восприятия жизни.

Вечное противопоставление в его жизни привело Лиам к противоборству с самим собой. Сначала он – мальчик с добрым, чистым сердцем живет там, где его ненавидят и делают изгоем, в этой атмосфере Лиам становится более жёстким по характеру он и сам упоминает своё грубое сердце (*my own hard heart*). Затем главный герой уезжает в другую среду, где нет сплетен и грубых соседей, но такая жизнь тоже становится ему чужой, ведь он потерял ту детскую беспечность, которая когда-то могла быть ему близка. Будучи чужим для общества, Лиам становится изгоем для самого себя, в постоянной борьбе «своего» и «чужого» он теряет свою личность. Лиам ощущает свою привязанность к тому времени, которое разрушило его, в конце он намекает читателю на желание свести счёты с жизнью, по этой причине мы можем заявить, что в рассказе «чужое» берет верх над «своим».

Список литературы

1. Афанасьев Г.Е. История Ирландии. М.: Юрлайт, 2021. С. 29–63.
2. Борисова Е.Б. Художественный образ и образность в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. С. 20–26.
3. Козакова Е.А. Теоретические подходы рассмотрения дуальности «свое – чужое» // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. С. 120–125.
4. Кюльмоя И.П. Свое и чужое в языке и речи. Тарту: Изд-во «Тартуский университет», 2016. С. 9–10.
5. Лапина Л.Г., Мильц Е.В. Язык как метафора в рассказах Х. Мантел «Learning to Talk» и Э. Оздмар «Mutterzunge» // Евразийский гуманитарный журнал. № 4. 2018. С. 29–37.
6. Огаркова Я.А., Графова О.И. Поэтика рассказа Х. Мантел «Destroyed» // Актуальный проблемы изучения иностранных языков и литератур: сборник статей молодых ученых: в 2 ч. Часть 2. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2019. С. 170–175.
7. 4th Estate. King Billy is a Gentleman. URL: <https://www.4thestate.co.uk/book/king-billy-is-a-gentleman-fast-fiction-9780007426508/> (дата обращения: 04.04.2022).
8. Arnold L. Reading Hilary Mantel: Haunted Decade. London: Bloomsbury Publishing, 2019. 240 p.
9. Macmillan. Learning to Talk. URL: <https://us.macmillan.com/books/9781250865366/learningtotalk> (дата обращения: 20.03.2021).
10. Mantel H. Learning to Talk. London: Harper Collins Publishers, 2003. 159 p.
11. Mantel H. Site. URL: <http://hilary-mantel.com/> (дата обращения: 30.11.2021).

12. New Statesman. The unquiet mind of Hilary Mantel. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/culture/2012/10/unquiet-mind-hilary-mantel> (дата обращения: 20.11.2021).
13. Oxford Learner's dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.03.2021).
14. Pollard E., Carpenter G. Hilary Mantel: Contemporary Critical Perspective. London: Bloomsbury Academic, 2018. 184 p.
15. The Guardian. Little women, 2003. URL: <https://amp.theguardian.com/books/2003/jul/19/featuresreviews.guardianreview10> (дата обращения: 09.01.2022).
16. USA Today. Hilary Mantel takes aim at Maggie Thatcher, 2014. URL: <https://www.usatoday.com/story/life/books/2014/09/29/the-assassination-of-margaret-thatcher-hilary-mantel/16450637/> (дата обращения: 15.02.2022).

Информация об авторах

О.И. Графова – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Е.С. Сыпачева – студент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

O.I. Grafova – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Linguistic and Translation Department, Perm State University;

E.S. Sypacheva – Student, Linguistic and Translation Department, Perm State University.

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 103–113.

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 103-113.

Научная статья

УДК 821. 111

МЕТАМОРФОЗЫ В ПОЭМЕ Э. ПАУНДА «THE CANTOS»

Людмила Викторовна Братухина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Loli28@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики метаморфозы в поэме американского автора Э. Паунда «The Cantos». Отмечается роль метаморфозы в поэтике произведения как своеобразного приема организации текста: объединение в рамках общей канвы совершающегося превращения различных эпох, культур, образов. Непосредственно предметом анализа в статье становятся схожие сюжеты – превращение человека в волка – в текстах Canto IV, входящего в состав цикла первых песен *A Draft of Thirty Cantos (1933)*, и Canto XXXIX, завершающего второй цикл поэмы *Eleven New Cantos (1934)*. Рассматривается контекст, в который включается каждый из сюжетов: сопоставление своеобразной «ликантропии» Пейре Видаля с историей Кабестаня, известной из жизнеописания трубадура, и Актеона из «Метаморфоз» Овидия (Canto IV), а также гомеровское повествование о зачарованных зверях на острове Цирцеи (Canto XXXIX). Прослеживаются возможные параллели с произведениями Дж. Бруно «О героическом энтузиазме» и «Божественной Комедией» Данте, подчеркивается значимость неоплатонических идей в интерпретации поэмы Э. Паунда. Показывается связь превращения с идеей соединения с созерцаемым объектом, идеей уподобления некоему идеальному началу, которое обнаруживается и в самом наблюдателе, а также куртуазными представлениями о возвышенном чувстве рыцаря к прекрасной даме. В заключение делается вывод о символическом значении метаморфозы в исследуемых песнях, их принципиальном различии.

Ключевые слова: Паунд, модернизм, метаморфоза, провансальские трубадуры, Дж. Бруно, неоплатонизм, Овидий, «Метаморфозы»

Для цитирования: Братухина Л.В. Метаморфозы в поэме Э. Паунда «The cantos» // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 103–113.

Original article

METAMORPHOSIS IN E. POUND'S POEM "THE CANTOS"

Ludmila V. Bratukhina

Perm State University, Perm, Russia, Loli28@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the semantics of metamorphosis in the poem by the American author E. Pound "The Cantos". The role of metamorphosis in the poetics of the work is noted as a kind of method of organizing the text: the unification within the framework of a common canvas of the transformation of various epochs, cultures, images. The article directly analyzes similar plots – the transformation of a man into a wolf – in the texts of Canto IV, which is part of the cycle of the first songs of A Draft of Thirty Cantos (1933), and Canto XXXIX, which completes the second cycle of the poem Eleven New Cantos (1934). The context in which each of the plots is included is considered: a comparison of Peyre Vidal's peculiar "lycanthropy" with the history of the Capstan, known from the life of the troubadour, and Actaeon from Ovid's "Metamorphoses" (Canto IV), as well as Homer's narrative of enchanted beasts on the island of Circe (Canto XXXIX). Possible parallels with the works of J. Bruno "On Heroic Enthusiasm" and Dante's "Divine Comedy" are traced, the importance of Neoplatonic ideas in the interpretation of Pound's poem is emphasized. The connection of transformation is shown with the idea of connection with the contemplated object, the idea of likening to some ideal principle, which is also found in the observer himself, as well as courtly ideas about the exalted feeling of a knight for a beautiful lady. In conclusion, the conclusion is made about the symbolic meaning of metamorphosis in the songs under study, their fundamental difference.

Keywords: Pound, modernism, metamorphosis, Provençal troubadours, J. Bruno, Neoplatonism, Ovid, "Metamorphoses"

For citation: Bratukhina L.V. Metamorphosis in E. Pound's poem "The cantos". Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:103-113. (In Russ.).

Введение

Ф.О. Маттисен называет поэму Овидия «Метаморфозы» среди источников, образующих сюжетную основу произведения Э. Паунда «The Cantos». По мнению американского критика, «овидиево превращение человека в животных» наряду с «гомеровской темой сошествия в Аид», а также «экскурсами в историю Ренессанса, китайских императоров, американской революции» являет своеобразным контрапунктом, который в соотношении с изображением современных автору событий выражает «мысль в неразрушимых связях между былым и сегодняшним» [Маттисен 1979: 468].

Р. Буш рассматривает метаморфозу как принцип построения и одну из общих тем поэмы Паунда [Bush 1976: 73]. Особенно исследователь выделяет вид метаморфозы, который связан с «трансляцией знания – идеи, образа, архетипической фигуры или божества – через различные языки и культурные ситуации» [Ibid.]. Смысл же метаморфозы состоит в «откровении божества», «творческой силы», воспринимаемых наблюдателем как имманентные миру природы [Ibid.: 82]. Р. Буш также отмечает связь понятия метаморфозы с античной мифологией и литературными источниками, основанными на мифах (в частности поэмой Овидия «Метаморфозы») и, кроме того, с неоплатоническими идеями [Ibid.: 74–75].

К. Чухрукидзе также, возводя превращения, описываемые в поэме Паунда, к произведению Овидия как к образцу [Чухрукидзе 1999: 55], характеризует метаморфозы в «The Cantos» как отличающиеся от античного источника своей мгновенностью; колебанием между прошлым и будущим, но при этом отсутствием описания самого процесса изменения; множественностью и отсутствием хронологической логики: «Метаморфоза состоит из разбросанных по разным точкам метастаз, которые память не в силах размещать последовательно» [там же: 61].

Исследователь связывает метаморфозы с одним из важнейших приёмов организации текста в поэме Паунда – «эпическим видением», предполагающим нанизывание «на ось конкретного действия... событий, историй, мифов, разрозненных в пространстве и времени...» с целью увидеть «поступок в его чистом, пространственно-временном значении, найти ту перспективу, в которой месиво событий поражает одного субъекта» [там же: 84–85]. «Весь мир и его история – это серия метаморфоз» [там же: 65], излагаемая у Паунда через соположение историй различных мифологических, исторических персонажей, в образах которых автор находит нечто общее. Таким образом, одно событие словно бы превращается в другое, одно историческое лицо – в другое, а хаотичность их расположения лишает процесс метаморфозы завершённости.

Соглашаясь в принципе с концепциями исследователей, добавим, что нередко Паунд в различных частях – песнях – поэмы повторяет свои излюбленные мифологические и исторические сюжеты, включая их в различные последовательности метаморфоз.

Так, например, история Елены Троянской в Canto II перетекает в биографию Элеоноры Аквитанской, сопоставляется с легендой о возлюбленной трубадура Сорделло, выкравшего даму сердца у законного супруга [Жизнеописания трубадуров 1993: 248]. В Canto VI сравнение Елены и Элеоноры уже более завуалировано: рядом с поклонниками Аквитанской герцогини – её дядей Раймундом де Пуатье и Саладином – упоминается Тесей, похитивший

некогда спартанскую царевну. Текст *Canto VII* представляет контаминацию образов Елены-Элеоноры, соотносимых с «Наукой любви» Овидия и творчеством трубадура Арнаута Даниэля в честь своей возлюбленной [там же: 44].

Основная часть

В данной статье мы предполагаем рассмотреть один из необычных повторов сюжета превращения, который выделяется тем, что за внешним сходством скрываются существенные смысловые различия.

Так, *Canto IV* и XXXIX содержат упоминания о превращении человека в волка. Первая из указанных песен относится к начальному этапу формирования поэмы: впервые опубликованная в 1919 г. [Liebregts 2004: 145], в 1925 г. вошла в состав сборника «Набросок 16-ти песен» [Бронников 2018: 702], с 1933 г. публикуется в составе цикла *A Draft of Thirty Cantos* («Набросок тридцати песен»), который в современных изданиях открывает постепенно разраставшуюся поэму, состоящую в конечном варианте из более чем ста песен. В начальных песнях, к которым относится и IV, закладываются основные темы и мотивы значительной по объему, как впоследствии оказалось, поэмы.

Непосредственно в *Canto IV* появляются образы провансальских трубадуров (тема, начинаемая в *Canto II* упоминанием трубадура из Мантуи Сорделло и продолжаемая образами Арнаута (*Canto VI* и XXIX), Бертрана де Вентадорна (*Canto VI* и XX), Пейре де Маэнсака (*Canto V* и XXIII) и др.) Кабестана и Пейре Видаля. Они оказываются связаны с мифологическими сюжетами, почерпнутыми автором из «Метаморфоз» Овидия.

Так, в свойственной Паунду манере хаотичного расположения эпизодов процесса превращения сопологаются истории трубадуров и персонажа греческой мифологии Актеона. Сначала мы видим финал легендарной биографии Гильома де Кабестана: «And she went toward the window and cast her down, .../ "It is Cabestan's heart in the dish" / "It is Cabestan's heart in the dish?" / "No other taste shall change this" / And she went toward the window, / the slim white stone bar / Making a double arch, / Firm even fingers held to the :firm pale stone, / Swung for a moment, / and the wind out of Rhodez / Caught in the full of her sleeve» [Pound 1975: 13]. Паунд напоминает читателю о печальной участи самого трубадура, сердце которого после коварного убийства обманом было предложено его возлюбленной. Дама, осознав, что она отведала, выбросилась из окна, спасаясь от разгневанного супруга, устроившего эту изощренную месть за предполагаемую неверность [Жизнеописания трубадуров 1993: 245]. Далее следует сюжет мифа об Актеоне в том варианте, в котором он изложен в «Метаморфозах» Овидия (III, 138–253): юноша-охотник, увидевший купание богини Дианы,

обращен ею в оленя и разорван своими же охотничьими собаками. Объединяет эти истории мотив, связанный с поеданием человеческого тела, не воспринимаемого таковым. У Паунда в сюжет гибели Актеона вплетается история Пейре Видаля: «Then Actaeon Vidal, // Vidal It is old Vidal speaking, // stumbling along in the wood»¹ [Pound 1975: 14]. Этот трубадур известен тем, что полюбив даму по имени Лоба (что в переводе с провансальского означает «волчица» [Мейлах 1993: 531]), назвал в её честь волком и однажды, надев волью шкуру был чуть ли не до смерти растерзан собаками пастухов. Однако эта история, в отличие от двух предыдущих оканчивается не столь трагично: Пейре Видаля выходили в доме дамы его сердца, которая, несмотря на в высшей степени проявленную куртуазность, потешалась над сумасбродством воздыхателя [Жизнеописания трубадуров 1993: 176].

История трубадура Кабестаня сравнивается в финале Canto IV с мифом о Терее («Cabestan, Tereus, / It is Cabestan's heart in the dish» [Pound 1975: 16]), покусившемся на сестру своей супруги и наказанного за это тем, что был вынужден съесть своего сына Итиса (Ov. VI, 422–674) и затем превратился в птицу. По поводу этого сопоставления Р. Буш, замечает, что при всех разнящихся обстоятельствах центральной идеей здесь становится возмездие за прелюбодеяние [Bush 1976: 73]. Со своей стороны отметим, что значимым является упоминание в одном ряду того, кто стал жертвой невольного каннибализма и того, кто его осуществил. Учитывая вольность, с которой Паунд обращается с используемыми источниками, можно предположить, что один персонаж превращается в другого. И Кабестань, чьё сердце должно было стать наказанием для неверной супруги, мог бы вслед за Тереем назвать себя «злополучной могилой» (Ov. Met. VI, 665, пер. С.В. Шервинского) любимого человека. На наш взгляд, в этом сопоставлении подчеркивается мысль о губительности подобного чересчур телесного соединения с объектом любви.

П. Либрегтс в монографии *Ezra Pound and Neoplatonism* утверждает, что в Canto IV подчеркивается нравственная составляющая познания: «...только нравственные люди посредством правильно осуществляемой любви, представляющей собой интеллектуальное побуждение, смогут воспринять свет, опыт» «кристального разума» [Liebregts 2004: 146]. В случаях Актеона и Пейре Видаля исследователь усматривает проявление не правильной любви, а вожделения, которое уводит от подлинного познания. При этом одним из проявлений правильной любви Либрегтс называет провансальскую этику любви, связывая её с цитатой из стихотворения трубадура Арнаута Даниэля, включенной в текст Canto IV [Ibid.]. На наш взгляд, в этом проявляется некоторая непоследовательность: Пейре Видалю

¹ В переводе А.В. Бронникова: «И Актеон зовет: Видаль...Видаль / И что-то шепчет он, старик Видаль, / что волком пробирается сквозь лес» [Паунд 2018: 18].

отказывается в причастности к истинной любви, хотя его поведение также отражает куртуазную этику трубадуров. Кроме того, нужно учесть, что в сюжете о гибели Актеона подчеркивается не вожделение, а состояние созерцания, в котором как раз воспринимается свет, исходящий от богини: «Ivory dipping in silver, / Not a splotch, not a lost shatter of sunlight... / Not a patch, not a lost shimmer of sunlight, / the pale hair of the goddess» [Pound 1975: 14]. Сопоставляя Актеона с Пейре Видалем, Паунд вносит в историю мотив добровольного принятия страдания и возвышенности любовного чувства в духе провансальской культуры поклонения прекрасной даме.

Соединяя истории Кабестаня, Актеона и Видаля в перспективе «эпического взгляда», автор придает им новый особый смысл. Во-первых, сюжет превращения/поглощения человеческого тела, множится как в отражения в нескольких зеркалах, при этом финал одной из историй – Видаля – может быть отнесен к другой – Актеона, так как персонажи превращаются друг в друга. Во-вторых, проявляются ключевые моменты фабулы: любовь/интерес к некоему идеальному объекту¹, преобразование из человека в животное или иное неузнаваемое состояние, съедение/попытка съедения.

Возможно, в интерпретации одного из этих сюжетов – гибели Актеона – Паунд следует пантеистически-неоплатоническому пониманию, высказанному Джордано Бруно² в одном из диалогов сочинения «О героическом энтузиазме» (1585): античный миф дает пример «героической любви», стремящейся «к собственному объекту, который есть высшее благо» и которой присущ «героический ум, стремящийся соединиться с собственным объектом, а именно: с первоистиной, или с абсолютной истиной» [Бруно 1953: 66]. Диана воспринимается как проявление Единого, «то одно, что есть то же самое существо, то существо, которое само истинно, то истинное, которое есть умопостигаемая природа, в которую вливается солнце и блеск высшей природы» [Бруно 1953: 163].

Превращение Актеона в оленя интерпретируется, как уподобление богине в определенном смысле: «Актеон, восхищённый всей этой красотой, сам становится добычей и видит себя обращённым в то, что он искал; и получается, что он для своих псов, для своих мыслей делается желанной целью, потому что, уже имея божественное в себе, он не должен искать его вне себя» [Бруно 1953: 68].

Гибель же героя становится ключом к истинному познанию-видению: «Так псы, мысли божественных дел, пожирают этого Актеона, делая его мертвым для черни, ... свободным от

¹ Культ прекрасной дамы в куртуазной культуре трубадуров восходит к поклонению Деве Марии, в этом смысле можно сравнить Диану и возлюбленных обоих трубадуров как наделенных неким божественным статусом.

² Паунд делает Дж. Бруно одним из персонажей своей поэмы, упоминая его в наброске одного из последних Canto CXIV.

плотской темницы материи; поэтому он больше не видит свою Диану как бы через отверстия и окна, но видит стены поваленными на землю, а перед своими глазами – весь горизонт. Отсюда выходит, что он смотрит на всё, как на единое и перестает видеть при помощи различий и чисел, которые, соответственно разнообразию чувств, точно через разные щели, позволяли смутно видеть и воспринимать. Он видит Амфитриту, источник всех чисел, всех видов, всех рассуждений, которая есть монада, истинная сущность всего бытия; и если он не видит ее в её сущности, в её абсолютном свете, то видит в её порождении, которое подобно ей и которое есть её образ» [Бруно 1953: 163].

Таким образом, гибель Актеона воспринимается Д. Бруно в контексте неоплатонических категорий вполне позитивно. В *Canto IV* можно увидеть, как Паунд, сопоставляя эти истории, показывает разные варианты соединения с объектом «героической любви»: непосредственное, как в случае с Кабестанем, и через метаморфозу, основанием которой становится созерцание¹, как у Видаля и Актеона. Первый оказывается гибельным, ведь погибает не только герой, но и его возлюбленная. Второй – более продуктивен, ведь в варианте истории Видаля герой остается в живых. Метаморфоза в *Canto IV* является не только приемом построения текста (одна история превращается в другую), но и символическим образом, указывающим на некий скрытый смысл.

Canto XXXIX создавалось в числе продолжавших «*A Draft of Thirty Cantos*» последующих песен в 1930–1933 гг. и была опубликована в цикле *Eleven New Cantos* («Одиннадцать новых») в 1934 г. В этих песнях расширяется круг тем (в частности, история американской революции и персоналии первых президентов и отцов основателей США). При этом рассматриваемая нами *Canto XXXIX* своей обращенностью к сюжету странствий Одиссея словно бы возвращает читателя к началу поэмы. Учитывая, что эта песня одна из завершающих цикл, можно предположить, что автор вольно или невольно закольцовывает композиционно имеющиеся на тот момент части поэмы: начиная с истории Одиссея, незадолго до завершения цикла повторяет ее. При этом Паунд и в *Canto I* и в *Canto XXXIX* обращается к одному и тому же эпизоду странствий многострадального царя Итаки – посещение острова Цирцеи.

В *Canto I* изображается отплытие с острова Цирцеи, акцент сделан на странствии за знанием, получаемым от прорицателя Тиресия, в Аид, а *Canto XXXIX* повествует о том, что происходило в то время, когда Одиссей и его спутники еще находились на острове

¹ Созерцание в неоплатонизме «обладает способностью природного интуитивного сосредоточения и производит объекты собственного созерцания». В процессе созерцания «не обладающая своей формой душа (и мировая, и индивидуальная) соединяется и составляет одно с объектом своей устремленности» [Лахонин 2013: 45–46].

волшебницы. Деталью, напоминающей содержание Canto VI, является упоминание животных, в которых Цирцея имела обыкновение превращать неосторожных путешественников. Так, спутники Одиссея, подойдя к дому волшебницы увидели там диких животных, которые вели себя как домашние: «Горные волки и львы сидели повсюду вокруг дома./ Были Цирцеей они околдованы зельями злыми./ Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они поднялись / И подошли к ним, приветно виляя большими хвостами, / Как пред хозяином, зная, что лакомый кус попадет им, Машут хвостами собаки, когда от обеда идет он» (Hom. Od. к, 212–217, пер. В.В. Вересаева под ред. академика И.И. Толстого).

Паунд расширяет список животных, в которых волшебница превратила людей: в Canto XXXIX появляются пантеры, леопарды. Однако все звери (и «канонические» гомеровские и те, которых добавил Паунд) заняты исключительно плотскими удовольствиями. Так, лирический герой (возможно, один из спутников Одиссея, превращенный в одного из животных и потому понимающий их язык) сообщает: «Girls talked there of fucking, beasts talked there of eating, / All heavy with sleep, fucked girls and fat leopards, / Lions loggy with Circe's tisane, Girls leery with Circe's tisane» [Pound 1975: 193]. В тексте Canto XXXIX содержится цитата из «Одиссеи» на древнегреческом языке и ее транслитерация: «λύκοι ὀρέστεροι ἤδὲ λέοντες / lukol oresterol ede leontes» (ср. ἀμφὶ δὲ μὴν λύκοι ἦσαν ὀρέστεροι ἤδὲ λέοντες – вокруг него [дома Цирцеи] были горные волки и львы (Hom. Od. к, 212)). Далее про одного из волков сообщается: «wolf to curry favour for food / – born to Helios and Perseis / That had Pasiphae for a twin» [Pound 1975: 193].

Подобное указание на происхождение персонажа напоминает встречающееся у Гомера: «...Жила там Цирцея / В косах прекрасных – богиня ужасная с речью людскою. / Полный мыслей коварных Эет приходился ей братом. / От Гелиоса они родились, светящего смертным, / Матерью ж Перса была, Океаном рожденная нимфа» (Hom. Od. к, 135–139, пер. В. В. Вересаева под ред. академика И.И. Толстого). Этот волк оказывается братом самой волшебницы, возможно, упоминаемым у Гомера Эетом¹. То есть, Цирцея и брата своего лишила человеческого облика, у превращенного же персонажа так же, как и у прочих зверей, подчеркивается животное начало: выслуживается, подлизывается ради еды. Упоминание Пасифаи также заставляет вспомнить вожделиние, которая испытывала эта родственница Эета и Кирки к быку, плодом союза с которым стал Минотавр.

Сам же лирический герой, рассказывающий об увиденном около и внутри дома Цирцеи, скорее всего, обращен в свинью: «Fust honey and cheese honey at first and then acorns

¹ Кроме Эета среди детей Гелиоса и Персы еще называется Перс (Hug. Fab. Pr. 36), однако, скорее всего, Паунд имеет в виду именно того брата, что упомянут у Гомера.

Honey at the start and then acorns honey and wine and then acorns» [Pound 1975: 194]. Из его повествования также понятно, что Цирцея заманивает беспечных путников своим пением, о чем Паунд сообщает, используя цитаты из Гомера: «καλὸν ἀοιδιάει, / ἧ θεὸς ἠὲ γυνή: ... φθεγγόμεθα θᾶσσον» [Pound 1975: 193]) (ср. «ἼΩ φίλοι, ἔνδον γάρ τις ἐποιοχόμενη μέγαν ἰστὸν / καλὸν ἀοιδιάει, δάπεδον δ' ἅπαν ἀμφιμέμυκεν, ἧ θεὸς ἠὲ γυνή: ἀλλὰ φθεγγόμεθα θᾶσσον» – Кто-то, друзья, так прекрасно и звонко у ткацкого стана / Песню поет, – по всему ее звуки разносятся полю. / Женщина то иль богиня? Скорей подадим-ка ей голос! (Hom. Od. к, 227–228, пер. В.В. Вересаева под ред. академика И.И. Толстого)) Возможно, по мысли Паунда, и брат Цирцеи проявил к ней противоестественный кровосмесительный интерес, за что и поплатился.

Таким образом, в *Canto XXXIX* также говорится о некоем превращении людей в животных. Также можно усмотреть знакомую структуру: интерес к некоему прекрасному объекту¹, преобразование из человека в животное. О съедении или растерзании речь не идет, однако само нахождение на острове Цирцеи в зверином обличье может расцениваться как своеобразная гибель, от которой спасает своих спутников Одиссей, заставив волшебницу вернуть своим спутникам человеческий облик. После этого самому Одиссею предстоит спуститься в царство Аида, о чём сообщает ему Цирцея. Паунд своеобразно развивает этот сюжет: в виде отрывочных высказываний. Так в тексте *Canto XXXIX* появляются слова Цирцеи, обращённые к Одиссею: «I think you must be Odysseus /... Always with your mind on the past /Ad Orcum autem quisquam? nondum nave nigra pervenit / Been to hell in a boat yet?» [Pound 1975: 194–195]. Схождение в Аид Одиссея – за знанием – и возвращение его оттуда противопоставлены своеобразной гибели-превращению и воскрешению спутников Одиссея: первое – связано с интеллектуальным мотивом, второе – с животным.

Мотив превращения Цирцеей в людей в животных и его соответствующая интерпретация могли быть почерпнуты Паундом из поэмы Данте «Божественная Комедия»². В беседе с обитателем Чистилища Гвидо Дель Дука герой Данте слышит от своего собеседника нелестную характеристику жителей родной Италии: «Всё доброе, как змея, каждый душит; / Места ли эти под наитьем зла, / Или дурной обычай правду рушит, / Но

² Многие исследователи творчества Паунда считают «Божественную Комедию» Данте одним из важнейших претекстов «The Cantos». Считается, что название отдельных частей поэмы Паунда – песен – знак следования традициям Гомера и Данте. Кроме того, в «The Cantos» упоминаются многие персонажи, встречающиеся у Данте. Распространено мнение о том, что поэма Паунда композиционно повторяет «Божественную комедию». Например, Л. Симпсон и Р. Буш, находят в произведении Паунда соответствия «Аду», «Чистилищу» и «Раю» [Simpson 1975: 80; Bush 1976: 299]. Р. В. Дейсенброк не соглашается с тем, закрытая структура произведения Данте актуальна для Паунда, но подчеркивает ориентацию его на произведение великого предшественника [Dasenbrock 2005: 45–46].

жалкая долина привела Людей к такой утрате их природы, Как если бы Цирцея их пасла» [Алигьери 1967: 215]. Затем следует перечисление жителей отдельных городов, представленных в образе животных, чьи качества, по мнению обличителя, им свойственны. Встречаются среди них и флорентийцы-волки [Голенищев-Кутузов 1967: 480]: «И нос от них воротит свысока. / Спадая вниз и ширясь величаво, / Уже не псов находит, а волков / Проклятая несчастная канава» [Алигьери 1967: 215].

В *Santo XXXIX* подчеркивается, что превращение в зверей, осуществляемое Цирцеей, низводит людей к животному состоянию, ограничивая их стремлением к удовлетворению инстинктов. Даже персонаж, изначально имеющий более благородную природу – брат Цирцеи, сын Гелиоса, причастный к некоей божественной сущности, – и тот деградирует. Эта метаморфоза является плодом фантазии Паунда, в греческих мифах нет сюжета о превращении Цирцеей своих братьев в животных. Появление этого персонажа у Паунда можно воспринимать как преломление идеи эманации Единого до чувственной материи в неоплатонизме: божественное происхождение нивелируемое до животного состояния сравнимо с эманацией Мировой Души, порождающей чувственную материю, возможную только там, «где есть распадение и рассеяние ума и души» и являющейся принципом «этого распадения и рассеяния» [Рыбаков 2011: 9].

Заключение

Выбор именно волка, как нового звериного облика персонажа, отсылает к разбираемому выше *Santo IV*. Однако при внешней схожести анализируемых метаморфоз символическое значение их противоположно. Уподобление животному в процессе созерцания как обретение некоей причастности к божественности, проявленной в природе – таково значение сюжета превращения в *Santo IV*. И наоборот, облик животного как своеобразная метафора деградации духовного начала коррелирует с неоплатонической категорией «чувственной материи» в *Santo XXXIX*.

Таким образом, Паунд в поэме «*The Cantos*», включая структурно и сюжетно схожие метаморфозы в различные контексты (куртуазной возвышенной любви и нарочито сниженной телесности), раскрывает противоположные по своему смысловому наполнению процессы.

Список литературы

1. Алигьери Д. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 629 с.
2. Бронников А.В. Комментарии к тексту // Эзра Паунд Кантос / пер., вступ. ст и комм. А.В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018. С. 702–775.

3. Бруно Д. О героическом энтузиазме / пер. с ит. Я. Емельяновой. М.: Художественная литература, 1953. 212 с.
4. Голенищев-Кутузов И.Н. «Божественная Комедия» // Алигьери Д. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука. 1967. С. 467–495.
5. Жизнеописания трубадуров / пер. М.Б. Мейлаха, Н.Я. Рыковой, А.Г. Архипова, Д.В. Бобышева и др. // Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. С. 8–258.
6. Лахонин Михаил Владимирович Онтологическое значение созерцания в философии Плотина // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 2–1. С. 42–45.
7. Маттисен Ф. О. Поэзия // Литературная история Соединенных Штатов Америки: В 3 т. М: Прогресс, 1979. Т. 3. С. 463–491.
8. Мейлах М.Б. Средневековые провансальские жизнеописания и куртуазная культура трубадуров // Жизнеописания трубадуров / пер. М. Б. Мейлаха, Н. Я. Рыковой, А.Г.Архипова, Д.В. Бобышева и др. М.: Наука, 1993. С. 507–549.
9. Паунд Э. Кантос / пер с англ. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018. 881 с.
10. Рыбаков Н.С. Об основных категориях неоплатонизма // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. №15. С. 3–10.
11. Чухрукидзе К.К. Pound & Модели утопии XX века. М.: Логос, 1999. 176 с.
12. Bush R. The Genesis of Ezra Pound's *Cantos*. Princeton: Princeton University Press. 1976. 352 p.
13. Dasenbrock R. W. «Paradiso ma non troppo»: The Place of the Lyric Dante in the Late *Cantos* of Ezra Pound // Comparative Literature: Duke University Press. Vol. 57. No. 1. 2005. P. 45–60.
14. Liebrechts P. Ezra Pound and Neoplatonism. Madison: Fairleigh Dickinson University Press. 2004. 461 p.
15. Pound E. The *Cantos* of Ezra Pound. London: Faber and Faber. 1975. 802 p.
16. Simpson L. Three on the Tower. The Lives and Works of Ezra Pound, T.S. Eliot and William Carlos Williams. New York: Morrow. 1975. 390 p.

Информация об авторе

Л.В. Братухина – кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой культуры и литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

L.V. Bratukhina – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of World Culture and Literature,
Perm State University.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 10–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;
 - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 – ученая степень, ученое звание;
 - 4 – должность, место работы (если таковое имеется).
 - 5 – контактная информация (e-mail);
 - 6 – название статьи;
 - 7 – аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и/или словосочетаний);
 - 9 – ссылки.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Бондарко 2005: 25], [Leiss 2010: 234], [Fillmore 1987: 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках,

например: (дата обращения: 22.12.2019). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «там же» или "Ibid. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

2. Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1998. С. 51–63.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. ...

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. ...

Научная статья

УДК ...

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ
ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ**

Иван Иванович Иванов

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, Пермь, azxvdvs@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде – терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл

Для цитирования: Иванов И.И. Языковая репрезентация типологических свойств туристического дискурса в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 7–15.

Original article

LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION

Ivan I. Ivanov

Perm State University, Perm, Russia, azxvdvs@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning

For citation: Ivanov I.I. Linguistic Representation of Typological Features of Tourist Discourse in Translation. Eurasian Humanitarian Journal. 2022;2:7-15. (In Russ.).

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1. Иванов И.И. Текст. Монография. М.: ТСС, 2020. 345 с.

Информация об авторе

И.И. Иванов – кандидат филологических наук, доцент, кафедра ...,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

I.I. Ivanov – Ph.D. (Philology), Associate Professor, ... Department,
Perm State University.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnalrussia.blogspot.com>